Тесла Лейла Хугаева
Тиникашвили

Антихрист Путин и Олимп Языческого Двора. Третий Завет Мережковского

Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Антихрист Путин и Олимп Языческого Двора. Третий Завет Мережковского

2024

УДК 1
ББК 87
Х98

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Хугаева Тиникашвили Тесла Лейла
Х98 Антихрист Путин и Олимп Языческого Двора. Третий Завет Мережковского / Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили. — [б. м.] : [б. и.], 2024. — 244 с.
[б. н.]

УДК 1
ББК 87

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ГЛАВА 1. Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ — ВЕЛИКИЙ ВОЖДЬ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Третий Завет Мережковского и Зверь Апокалипсиса
2. Русское Самодержавие и Православие как Зверь Апокалипсиса
3. Путинизм: возвращение Зверя Апокалипсиса

1. ТРЕТИЙ ЗАВЕТ МЕРЕЖКОВСКОГО И ЗВЕРЬ АПОКАЛИПСИСА

Для Мережковского очевидно, что все великие мыслители или просто искренние мыслители человечества, которые ищут Истину, Разум, Науку — что эти души ищут Бога. И хотя Мережковский еще не знал, как решить этого вопроса, как соединить Рациональное Откровение Греции (Язычество в его интерпретации) и Духовное Откровение Израиля и Христианства — он ставит этот вопрос во всей остроте и с удивительной последовательностью исследует его через бесчисленное множество фактов исторической и социальной действительности.

Как соединить Науку Язычества с Правдой Христианства? Как соединить Дух и Плоть? Для него очевидно, что «Человечество выросло из христианства как младенец из пеленок», и что ответы на эти вопросы могут быть получены только вне христианства, в Третьем Завете Святого Духа, который включит в себя истину двух первых Заветов: Завета Отца и Завета Сына.

Со всей проницательностью гения, поставив вопрос о Третьем Завете как Правды которой нет без Бога, а значит вопроса о Метафизики Интеллекта, он понимает отчаянные духовные поиски русской интеллигенции как Миссию Святой Руси «служить

всечеловечеству» на пути к этому последнему Третьему Откровению. Он видит две крайности заблуждения в борьбе славянофилов и западников на этом пути к Третьему Откровению: первые все еще ждут истины из православия, вторые ищут истину в позитивизме и материализме. Первые потеряли Бога в магическом сознании, вторые потеряли Бога в агностицизме и цинизме. И тем не менее, их поиски Правды Бога, нашедшие свое отражение в русской литературе, так искренни, так отчаянны, так «не от мира сего», — Мережковский не видит аналогов в современном ему мире. «Мы еще не решили вопроса о существовании Бога, — говорит „первый русский интеллигент“ Белинский Тургеневу, — а вы есть хотите!». В этой «стерильной возбужденности русских революционеров», как высказался о них Макс Вебер, на самом деле проглядывает их ангельская сущность, их небесное предназначение к поискам и утверждению Третьего Завета Святого Духа, последнего, теперь уже научного Откровения Божьего.

Я со своей стороны несколько расширила бы перечень Народов — Мессий. Это конечно, не только Израиль, получивший Завет Отца, и не только Церковь Апостолов, получивших, Завет Сына. Но всенепременно и Античная Греция, в лице Пифагора, Сократа и Платона, получившая Завет через Интеллект, и несомненно Государство Платона Марка Аврелия в Античном Риме, получившего Откровение Естественного Права как единственного пути к преодолению Государства-Зверя. И если бы Мережковский мог так широко посмотреть на этот вопрос (для Ренана он не составлял тайны), то его мнимое противоречие между тем что он называл «язычеством античности» и христианством сразу бы разрешилось. Ибо не в античной цивилизации язычество, а в доисторическом магическом сознании, отчасти сохранившемся и в язычестве и в христианстве вплоть до наших дней.

И теперь так ярко бросается в глаза сходство, аналогия, единство всех этих Народов-Мессий, принявших Откровение со «стерильной возбужденностью» русской интеллигенции, которая в этом смысле столько же «не от мира сего» и в своей «иде-

альности», и в своем бесстрашии и героизме, и в своей глубокой преданности правде (что есть истинная религиозность как бы они ее сами не называли), и в своих отчаянных поисках свободы, и в своем социализме, как церкви братства и дружбы всего человечества, и наконец, в отчаянной метафизической борьбе, которую они объявили Злу, в своей революционности! «Мой череп вам, друзья», — говорит Герцен в Воспоминаниях не менее знаменитых, чем письма Плиния и Анналы Тацита. И не один ли и тот же смысл в них, — утверждения Святого Духа Гения, Свободы, Дружбы и Всечеловечности в государстве Платона Марка Аврелия или Религиозной Революции русской интеллигенции?

В этом смысле, Жюльен Бенда не смог бы обвинить русскую интеллигенцию в «Предательстве» всечеловеческой истины: как все люди глубокого религиозного сознания они всегда оставались людьми мира или «всечеловечности», как говорит Мережковский, преисполненные ненависти к «зоологическому патриотизму».

Мережковский понимает Назначение Третьего Завета в Разрешении трех задач, с которыми не могло справиться христианство, так как «не вместило человечество»:

1. Тайна Одного — вопрос единства Духа и Плоти, Святая Плоть

2. Тайна Двух — вопрос половой любви непорочной, единство двух

3. Тайна Трех — вопрос общественности, победы церкви как единства и братства людей над государством, как мертвой машиной насилия.

Для Мережковского очевидно, что Третий Завет, разрешив эти вопросы, станет Апокалипсисом Зла — Смертью и Вечным Поражением Зверя Государства, поедающего живые души людей. Он ставит со всей остротой вопрос о бескомпромиссной войне между Церковью и Государством, утверждая что Царское Самодержавие и Православие есть церковь поглощенная государством, также как папское католичество есть церковь, которая превратилась в государство.

И только Революция, только всемирный социальный переворот, который приведет к победе Церкви над Государством может спасти человечество из его мертвящих челюстей. Он оправдывает и благословляет Великую Русскую Революцию, и утверждает, что это только «самый ранний фазис» ее, и что то, что началось как позитивизм и материализм на поверхности проявит свою великую религиозную глубину. Русская Революция есть Революция Религиозная на пути к Третьему Завету и преодолению Зверя Апокалипсиса.

Действительно, коммунистическая революция была ранним фазисом. Разве не удивили мир Хрущев и Солженицын, когда вновь показалась великая религиозная глубина русской интеллигенции в покаянии «Зверя материалистов»? Разве был возможен Солженицын без Хрущева? Разве не Хрущев разрешил его рассказы к печати? Разве не пригласил к себе жертву советских концлагерей для задушевной беседы? Разве не поплатился потом отставкой с поста генсекретаря — единственный отставленный генсекретарь? Что это если не покаяние русской революции с ее самого глубокого религиозного пласта? И разве не было еще большим покаянием «Гласность и перестройка» М. Горбачева, так глубоко поразившие мир?

И вот сегодня, благодаря этим первым самым ранним фазисам русской религиозной революции, мы, Святая Русь, можем сказать наконец, что русская религиозная революция закончена. Что мы наконец дошли до самого ее фундаментального слоя: до Третьего Завета, который есть конец Зверя Апокалипсиса, конец Государства как машины для насилия.

Это Научная Революция Энергетика, и я автор ее, — Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили, — уже много лет представляю ее в России и за рубежом на английском языке. Разве так удивительно, что Зверь Апокалипсиса, прежде всего Российсккий — Путин и его режим — искалечил меня и вступил в позорный предательский сговор со Зверями иностранных государств, чтобы скрыть от людей Третий Завет святого Духа: Научную Революцию Энергетику!

Д. С. Мережковский «Меч»:

> «Корни человечества — в религии. Когда корни засохли, то дерево может еще некоторое время зеленеть. Такое дерево на сухих корнях — современная европейская культура; нижние ветви продолжают зеленеть, но вершина вянет и желтеет на наших глазах. Эти первые желтые листья всемирной осени, это начало конца есть то, что называлось некогда «мировою скорбью», потом «пессимизмом», «нигилизмом», а в настоящее время не имеет себе имени: пока были слова, люди говорили, теперь они молчат или говорят о другом. Некоторые песни Леопарди и Байрона, подобные воплям, некоторые страницы Мопассана и Тургенева, подобные предсмертным письмам самоубийц, дают заглянуть в бездну этой скорби, о которой сказано: будет скорбь, какой не было от начала мира. Но лица безмолвных прохожих, иногда встречаемых в многолюдстве больших городов, говорят нам яснее всяких слов о такой глубине человеческой безнадежности, которая не нашла и, может быть, никогда не найдет своего выражения ни в каких философских построениях, ни в каких поэтических воплях.
> Третья ступень — откровение третьей ипостаси — будет окончательным синтезом тезиса и антитезиса, объекта и субъекта, плоти и духа, последним соединением первого Царства Отчего и второго Сыновнего — в третьем Царстве Духа Святого, плоти святой. Третий Завет будет откровение трех в едином.
> Ныне религиозное сознание человечества и восходит на эту ступень. Христианство кончается, потому что оно до конца «исполнилось», подобно тому, как «закон и пророки» окончились с пришествием Христа. Христос не нарушил, а исполнил закон. И Дух не нарушит, а исполнит христианство.
>
> Но всего яснее обнаруживается предел христианства не в тайне одного и двух, личности и пола, а в тайне Трех, вселенской соборности — общественности.
> Поскольку христианство оставалось верным своей метафизике, оно всегда уединяло, а не соединяло людей. Совершенный христианин — монах, отшельник.
>
> Церкви никогда не было; христианство нецерковно — вот один из тех кажущихся парадоксов, за которыми скрывается невероятное, потому что неизвестное, лицо истины. Христианство всегда делало одно из двух: или, отказываясь от всякой реализации, превращало Церковь, тело Христово, в безголосную отвлеченность, в отрицание

всякого реального бытия, так что Церковь становилась не только невидимой, но и несуществующей; или, пытаясь ее реализовать, превращало тело Христово в тело зверя, государственного Левиафана, подменяло внутреннее соединение в любви и свободе внешнею скрепою принуждения и насилия, которые, в последнем счете, всегда суть человекоубийство, служение дьяволу, исконному человекоубийце. Это общественное бессилие, нецерковность христианства есть мистический предел христианства, таинственный рубеж, отделяющий второй Завет от третьего.

Все многобожное язычество искало единого Бога Отца и нашло его в откровении Израиля; весь Израиль, закон и пророки, искали Мессии, Сына Божиего, и нашли его в христианстве; все христианство ищет Духа Божиего и найдет его в третьем Завете.

Как Израиль есть только чаяние и пророчество о Богочеловеке, но само явление Богочеловека совершилось за пределами Израиля, так христианство есть только чаяние и пророчество о богочеловечестве, о Церкви, но само явление Церкви совершится за пределами христианства.

Мне принадлежит всякая власть на земле и на небе — эти последние слова Господа, сказанные при вознесении, утверждают Царство Божие как величайшую земную реальность. Христианство признало власть Христа-царя только на небе, а власть на земле отдало Князю мира сего, тому, кто говорит о власти и славе царств земных: Она предана мне, и я, кому хочу, даю ее. Христианство поклонилось Христу на небе и зверю на земле. Но Апокалипсис предсказывает, хотя и в конце истории, все же исторически-реальную земную победу Христа над зверем, в тысячелетнем Царстве святых на земле, в Новом Иерусалиме, граде возлюбленном. Этот град — не бесплотное видение, а опять-таки исторически-реальное событие в исторически-реальных судьбах мира; это безвластная, в смысле внешнем, государственном, а в смысле внутреннем, церковном — боговластная общественность. Извне будет она казаться пределом анархизма, изнутри — пределом социализма; а в действительности преодолеет антиномию анархизма и социализма в совершенном синтезе безгранично свободной личности и безгранично любовной общественности.

Истинная Церковь войдет в мир, врежется в исторически-реальное человечество, как в живое тело врезается меч.

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч.

Церковь грядущего Господа и есть этот меч».

2. РУССКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ И ПРАВОСЛАВИЕ КАК ЗВЕРЬ АПОКАЛИПСИСА

Противоречия между Язычеством и Христианством, которые так терзали Мережковского в проблеме «раздвоенности», получают свое разрешение в Метафизике Интеллекта, то есть в рационалистической философии известной еще со времен Сократа и Платона. Мережковский искал Откровения в Мистике, как оно было дано Израилю, но было еще и Откровение Интеллекта, как оно было дано рациональной философии Греции и Естественному праву Рима. Эрнест Ренан, которого Мережковский славит как великого гения и ангела духа в «Марке Аврелии», становится у него «кощунником» в «Иисусе Неизвестном», потому что Ренан понимал эту разницу между Откровением через Мистику Израилю и Откровением через Интеллект Греции и Риму. И Ренан тоже утверждал, что последний Завет будет заветом Интеллекта, то есть Метафизики Интеллекта.

Что есть рациональная философия, метафизика Интеллекта? Самый простой здравый смысл: Бог установил Законы Природы, Интеллект есть Законы природы, установленные Богом, ибо Бог и есть Интеллект. Человек родился от Святого Духа, от Интеллекта, и потому Бог дал ему Активный Интеллект — Мышление, чтобы человек мог познавать законы природы (Пассивный интеллект) и контролировать эти законы (наука и техника). Следовательно, Законы природы есть Законы Бога (здесь я не буду вступать в полемику с эмпиризмом, позитивизмом, материализмом, немецким идеализмом, которые утверждают либо, что и бог и законы природы есть, но они не познаваемы (кант), либо что поскольку нет бога, то не может быть и законов природы (давид юм), либо что бога нет, а законы природы есть (ленин). Ибо итак понятно, что Метафизика Интеллекта понятнее даже со стороны простого здравого смысла: есть бог, который установил законы природы и есть мышление, данное богом чтобы открывать эти законы. Это просто и логично.

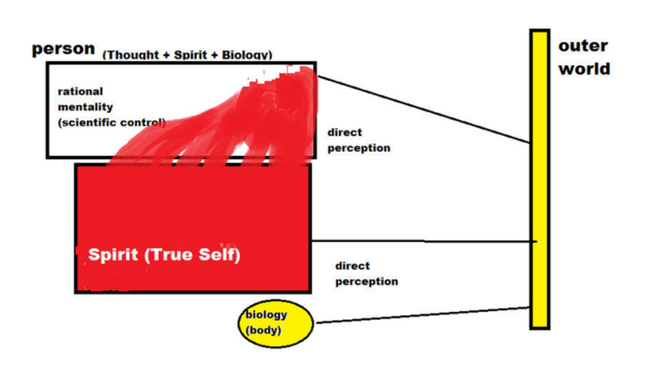
И если смотреть на вопрос с позиции метафизики интеллекта, а не мистики, то все поставленные Мережковским вопросы для разрешения в Третьем Завете святого Духа действительно получают свое решение:

1) Тайна Одного — вопрос единства Духа и Плоти.

Здесь важно понять, что полюса Активного и Пассивного Интеллекта метафизики интеллекта рассекают космос на два вида энергий природы: Детерминированные (материальные) энергии, которые имеют только законы природы (пассивный интеллект) и Контрольную энергию Духа, которая имеет Активный интеллект, мышление помимо законов природы (она тоже детерминирована законами природы как все прочие энергии). Собственно, полюса Активного и Пассивного Интеллекта и составляют плюс и минус ее силового поля, которое мы ощущаем как потребность в знании. Это и значит, что Дух Человеческий происходит от Святого Духа.

Пока человек не имеет знаний о законах природных энергий и не может их контролировать (в том числе и свою собственную психическую и биологическую энергии), его Дух как носитель божественного мышления (активного интеллекта) заражается мертвенностью пассивной детерминированной энергии. Человек превращается в животное, в скот, в нравственную гниль. Вот почему на этой стадии, где еще нет знаний, нет еще научного контроля материального мира, правильна позиция христианства, которая завещает отвернуться от мира и сохранять силу своего духа.

Однако, когда Дух стал силен и обрел знания для научного контроля материального мира, его отношение к материальному миру меняется. Он больше не может его заразить мертвечиной своей материальности, теперь человек контролирует и энергии природы и свои две энергии — психическую и биологическую. Теперь, когда Дух на своем высоком месте Активного Интеллекта и Силы научного контроля, материальный мир тоже на своем месте «творения божьего» на основе законов природы бога. Теперь это Святая Плоть материального мира, сотворенного Господом.

2) Тайна Двух — вопрос половой любви, единение двух

Мережковский не умел увидеть синтеза между Этикой, как законами энергии Духа человеческого и «механицизмом» как законами природы материальных энергий. Действительно, если не делать принципиальную оговорку на различие Активного и Пассивного Интеллекта и не ставить Контрольную энергию Духа и детерминированные энергии материи на свои места, то тождества между этикой и механицизмом как законами природы провести нельзя.

Однако, если мы уже знаем об этом кардинальном различии, то все опять очень просто объясняется: Этика есть законы энергии духа, такие же законы природы, установленные богом. Разница в том, что человек еще может контролировать законы природы, обладает относительной свободой воли, чего нет у других энергий.

Наконец, психическая энергия человека, помимо Духа (фундамента и здоровья) обладает также материальной, детерминированной энергией (паразит и болезнь). Плюс и минус силового поля этой энергии открыт Фрейдом как системы Эго и СуперЭго. Неслучайно Фрейд был материалистом — эта энергия действительно абсолютно материальна, и является раковой опухолью,

пожирающей энергию Духа, — разумную, живу и нравственную. Вот собственно вся тайна Нравственности и Порока в человеке и его врожденного греха (материальной энергии).

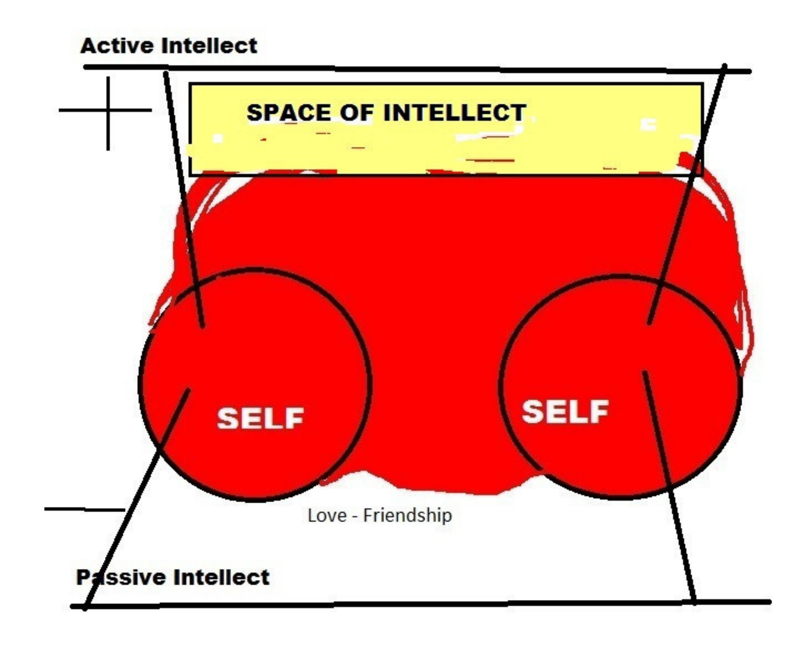
Духовная энергия нравственна, основана на научном контроле закона сохранения силы, Материальная энергия поля Эгозащиты основана на физическом контроле насилия. Все пороки и психические болезни, все войны и абсурд праздности, все «озверение» и «омертвение» в жестокости и садизме — всем этим человек обязан материальной энергии паразиту — полю Эгосистемы, которое разлагает поле Интеллекта духовной энергии.

Человек может взаимодействовать с миром через энергию Духа, то есть поле Интеллекта и Совести — и тогда все взаимоотношения человека — это Церковь братства и Святости

Человек может взаимодействовать с миром через энергию поля Эгозащиты, то есть мертвую и тупую (нет мышления или фиктивное мышление формальной логики) энергию насилия, — и тогда все отношения это садомазохизм, раболепие и господство, ложь и лицемерие, тщеславие и праздность, обжорство и разврат.

И здесь легко видеть решение вопроса о Тайне Пола: не биологическое единение оскверняет человека, биологическая энергия сама по себе никакого вреда не несет духовной энергии духу человека. Если это взаимоотношения Духа на уровне психической энергии, то единение плоти на уровне биологической энергии — есть Святой Брак, единение двоих в одном, освещенный на небесах. И наоборот, если это взаимоотношения поля Эгосистемы на психическом уровне, то на уровне биологическом это будет такой же садомазохизм и ненасыщаемый разврат, как все отношения материальной энергии психики.

И опять Первый и Второй завет Отца и Сына правы: и святой брак и безбрачие монахов имеют свой смысл, ибо когда еще нет контроля материальной энергии психики, поля Эгозащиты, лучше совсем воздержаться от отношений пола.

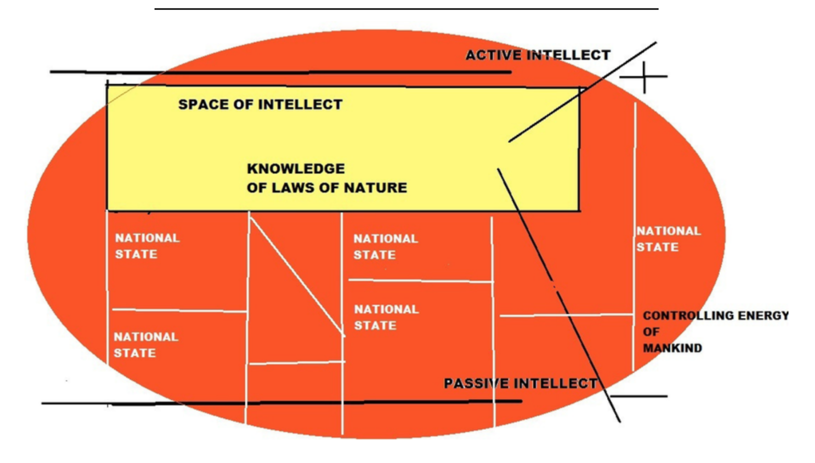

3. Тайна Трех — вопрос общественности. Как обеспечить победу Церкви над Государством, победу любовной общественности, единства Духа людей над машиной для насилия государства?

Ответ на этот вопрос уже существует в Государстве Платона Марка Аврелия — единственного кто воплотил девиз Платона (Пусть царствует гений!) в жизнь: Та общественность есть Церковь, которое основана на Законе Бога, а законы бога — это законы природы, и следовательно, Общество Естественного Права.

Почему не удержалась Церковь Марка Аврелия? Потому что было понимание Естественного Права как законов природы человека, но еще не было самих законов природы человека.

В том то и состояло Откровение Второго Завета, Откровение Сына, что он был «ранним фазисом» Откровения о законах пси-

хической энергии, переданных еще пока на поэтическом языке в притчах и через любовь к божественной личности Иисуса, ибо величие этого ангела в той неземной любви которую он умел внушать людям. Это пока мистическое Откровение, очень важное потому что входит непосредственно через энергию Духа, и учит людей что есть братство Церкви Духа. Но недостаточное, ибо законы природы есть категория интеллекта идолжны быть сказаны в формулах интеллекта.

И тут Третье Откровение Мережковского — Открытие Психической энергии в законах природы энергии Духа и ее борьбы с материальной энергией-паразитом психики. И теперь Церковь Естественного права Марка Аврелия получает свою законченность: есть и понятие Церкви как естественного права законов природы и сами законы природы как открытие психической энергии, Научная Революция Энергетика.

Значит, в Тайне Трех — вопросе общественности, который Мережковский ставит как бескомпромиссную войну Церкви с Государством, самое главное дать четкие определения Церкви и Государству на основе метафизики интеллекта и законов психической энергии (чего действительно в рамках Первого и Второго Завета еще сделать нельзя):

Церковь — это общественность основанная на естественном праве законов природы и значит, Церковь святого единства Духа и научного контроля (социализма)

Государство — это общество построенное на физическом контроле насилия и подчинения (садомазохизма материальной энергии-паразита, машина для насилия в определении Ленина), и значит человекоубийцы энергии Духа, и всего разумного и живого в человеке. Зверь Апокалипсиса.

Правовое Государство — переходная ступень между двумя этими состояниями, научным контролем церкви (естественным правом) и физическим контролем насилия Зверя (Левиафана). Это как правило Государство Нормативного Права, то есть придуманного человеком закона, вводимого силовыми институтами под угрозой наказания.

Очевидно, что наша цивилизация не только застряла на этом переходном периоде, но и дала сильный крен назад, в сторону возврата к Зверю физического контроля, потому что коррупция современных государств есть не что иное как игнорирование Нормативного Права с целью утверждения голого насилия господствующих классов = то есть утверждения физического контроля Зверя.

Вот почему как никогда актуален Крик Мережковского о том, что никакого компромисса между Церковью как господством Естественного права (закона бога, законов природы) и Государством как царством Зверя где господствует насилия быть не может. Ибо любой компромисс обратят на то, чтобы вернуть голое насилие Зверя.

Д. С. Мережковский «Революция и Религия»:

> «Имеет ли русская революция религиозный смысл?
> Для Европы и для самих русских пока заслоняется в ней все остальное великим смыслом общественным. Что это переворот не только политический, как все доныне бывшие европейские революции, но и социально-экономический, следовательно, небывалый в истории, уже и теперь, кажется, явно для всех. Именно в этом социальном значении своем русская революция есть продолжение и, может

быть, конец того, что начали и не кончили революции европейские. Во всяком случае, этим грозным девятым валом уносится Россия от всех берегов исторических; этим небывалым пожаром охвачено государственное строение, величайшее не только в пространстве, но и во времени.

Русское самодержавие уходит корнями своими через Византию, Второй Рим христианский, в Первый Рим языческий и еще далее, в глубину веков, в монархии Востока. Рушится здание тысячелетней древности, тысячелетней крепости, твердыня, которая служила оплотом всех реакций и о которую разбивались все революции. Последняя, глубочайшая основа этой твердыни, — не только социально-политическая, но и религиозная.

низвержение русского единовластия, имеет великий смысл религиозный. Для того чтобы понять этот смысл, следует рассматривать русскую революцию, как одно из действий и, может быть, именно последнее действие трагедии всемирного освобождения; тогда первое действие той же трагедии — Великая французская революция. Разумеется, глубокое недоразумение или бесстыдная ложь заключается в том, что какое бы то ни было современное государство считает нужным называть себя «христианским», связывать себя с именем и учением «Мертвого Жида», как Юлиан Отступник ругал воскресшего Господа. И те, для кого Христос — истина, должны бы радоваться обличению лжи и обнаружению истины о нехристианстве современной Европы; должны бы радоваться, что отныне Креста не будет там, где Крест — кощунство. И если католическая церковь не радуется отделению своему от государства, это свидетельствует о том, что она сама чувствует себя больше государством, чем церковью, и менее чтит истину, заключенную в ней, чем враги этой истины.

Римское папство и русское царство суть две попытки «теократии», т. е. религиозной политики, осуществления града Божиего в граде человеческом.

а в реальности наоборот: небесное поглощалось земным, церковное — государственным; глава государства становился главою церкви, кесарь несомненно-языческого Первого Рима — первосвященником сомнительно-христианского Третьего Рима.

Этот византийский уклон привел старую Россию к тому же, хотя с другого конца, к чему пришла и средневековая, католическая Европа, — к борьбе государства с церковью.

Обе эти ложные теократии двумя различными путями пришли к одному и тому же: западная — к превращению церкви в государство; восточная — к поглощению церкви государством; в обоих случаях — одинаковое упразднение Церкви, царства любви и свободы, царства

Божиего — государством, царством вражды и насилия, царством безбожия.

Православное самодержавие оказалось невозможным равновесием, реакцией в революции, страшным висением над бездною, которое должно кончиться еще более страшным падением в бездну.

Посеянное при Александре I в бескровном либерализме взошло при Николае I кровавою жатвою.

Религиозное и революционное движения русского общества, дотоле разъединенные, впервые соединились в Декабрьском бунте. Наиболее сознательные и творческие вожди декабристов — Раевский, Рылеев, кн. Одоевский, Фонвизин, барон Штейнгель, братья Муравьевы и многие другие вышли из мистического движения предшествующей эпохи. Подобно народным сектантам и раскольникам, все это люди «настоящего града не имеющие, грядущего града взыскующие», — другого града, другого царства, потому что и «другого Бога».

«Православного Катехизиса» братьев Муравьевых:

«Вопрос. Не сам ли Бог учредил самодержавие?

Ответ. Бог в области своей никогда не учреждал зла. Злая власть не может быть от Бога.

Вопрос. Какое правление сходно с законом Божиим?

Ответ. Такое, где нет царей. Бог создал нас всех равными.

Вопрос. Стало быть, Бог не любит царей?

Ответ. Нет. Они прокляты суть от Бога, яко притеснители народа, а Бог есть человеколюбец. Да прочтет каждый, желающий знать суд Божий о царях, книгу Царств, главу восьмую: Возопиете в то время из-за царя вашего, которого выбрали вы себе, но не услышит вас Господь. — Итак, избрание царей противно воле Божией.

Вопрос. Что же святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?

Ответ. Раскаяться в долгом раболепствии и, ополчась против тиранства и нечестия, поклясться: да будет всем един Царь на небеси и на земли — Иисус Христос».

Прочтя это место, император Николай I написал на полях: «Quelle infamie! — Какая гнусность!»

Следовало совершиться всему, о чем декабристы не смели мечтать и что теперь на наших глазах совершается, — следовало разразиться русской революции, для того чтобы мы, наконец, поняли религиозное значение того, что высказано в этих забытых и никакого реального действия не имевших листках «Православного Катехизиса»; чтобы мы догадались, что здесь поставлен религиозный вопрос о власти так, как он никогда в истории христианства не ставился. Здесь впервые Благовестие, Евангелие Царствия Божия понято

и принято не как мертвая, идеальная и бесплотная отвлеченность, а как живая, действенная реальность, как основание нового религиозно-общественного порядка, абсолютно противоположного всякому порядку государственному. На обетование Христа пришедшего: Мне принадлежит всякая власть на земле и на небе

Историческим христианством принято Царство Божие только на небе, а царство на земле отдано «Князю мира сего» в лице папы-кесаря на запад или кесаря-папы на восток. Но ежели Христос не идеально и бесплотно, а реально и воплощенно есть Царь на земле, как на небе; ежели истинно слово Его: Се, Я с вами, до скончания века. Аминь, — то не может быть иного Царя, иного первосвященника, кроме Христа, сущего до скончания века с нами и в нас, в нашей плоти и крови, через таинство плоти и крови. Вот почему всякая подмена сущей плоти Христовой, сущего лика Христова человеческой плотью и ликом или только личиною, маскою — папою или кесарем, есть абсолютная ложь, абсолютное антихристианство. Кто может стать «на место» — вместо Христа, как не антихрист? В этом смысле, всякий «наместник» Христа — самозванец Христа, антихрист.

В «Православном Катехизисе» декабристов критикуется глубочайшее мистическое основание не только самодержавия, но и какой бы то ни было государственной власти. Да всем будет один царь на земле и на небе, — Христос — это чаяние русских искателей града грядущего неосуществимо ни конституционною монархией, ни буржуазной республикой, о которой мечтали тогдашние, — ни даже республикой социал-демократической, о которой мечтают нынешние революционеры; оно осуществимо только абсолютною безгосударственностыо, безвластием как утверждением боговластия.

Так, в первой точке русской политической революции дан последний предел революции религиозной, может быть, не только русской, но и всемирной.

Приходило ли, однако, в голову составителям «Православного Катехизиса», что он столь же не православный, как и не самодержавный? Русские святители не могли бы, конечно, не согласиться с мнением русского царя «Quelle infamie! Какая гнусность!» И согласились, действительно.

Так Царство Божие русский царь объявил «гнусностью», а русскую церковь — «крамолою».

Так Достоевский совершил полный круг своего развития: начал с революции политической, кончил революцией религиозной.

За что посажен в Шлиссельбургскую крепость Новиков, только помысливший о Царстве Божием; за что повешены декабристы, впер-

вые сказавшие: «да будет всем один Царь на земле и на небе — Христос»; за что объявлен сумасшедшим Чаадаев, который только и делал, что говорил: «да приидет Царство твое»; за что погиб Гоголь, бежавший из мертвого царства мертвых душ, — то самое сказано и в этом предсмертном завете Достоевского:

«Церковь есть воистину царство и определена царствовать, и в конце своем должна явиться как царство на всей земле».

«Царство Божие» — озаглавил Л. Толстой произведение свое, посвященное проповеди религиозной анархии.

Он первый показал, какую неимоверную силу приобретает отрицание государства и церкви, делаясь из политического религиозным, показал место, где находится рычаг, которым может быть разрушено всякое государственно-церковное строение. Но сам не сумел взять в руки этот рычаг.

Толстой провозглашает анархию, Достоевский — теократию; Толстой отрицает государство как царство безбожно-человеческое, Достоевский утверждает церковь как царство богочеловеческое. Надо соединить отрицание Толстого с утверждением Достоевского, для того чтобы между этими двумя столкнувшимися тучами вспыхнула первая молния последнего религиозного сознания, последнего революционного действия.

Безмолвное недоумение Шлиссельбургского узника Новикова, младенческий лепет декабристов-мистиков, тихая молитва сумасшедшего Чаадаева, громкий смех Гоголя, неистовый вопль бесноватого или пророка Достоевского, подземный ропот слепого титана Л. Толстого, глас вопиющего в пустыне Вл. Соловьева — все они твердят одно и то же: да приидет Царствие Твое. У всех бессознательная стихия религиозная соединяется со стихией революционною. Но религиозное сознание и революционное действие соединились только на один миг, в одной точке обоих движений, в декабристах, и тотчас опять разошлись. Русская революция совершается помимо или против русского религиозного сознания; и это сознание развивается помимо или против русской революции. Революция без религии или религия без революции; свобода без Бога или Бог без свободы.

Нам предстоит соединить нашего Бога с нашей свободой, нам предстоит раскрыть единую мысль в обоих движениях; это — мысль о Церкви как Царстве Божием на земле: Да приидет Царствие Твое».

3. ПУТИНИЗМ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗВЕРЯ АПОКАЛИПСИСА

Мережковский решительно объявляет что Самодержавие и Православие Русского Царизма — есть Царства Антихриста, и — здесь он согласен с Толстым — даже в большей степени, чем римское папство, которое в Средние века по его слову очень много послужило делу свободы и истинной церкви через разделение церкви и государства.

Действительно, говорит Мережковский, если Христос значит Помазанник Божий, и если Евангелие четко говорит что власть на земле и на небе принадлежит Христу, то как назвать человека, который называет себя Христом, Помазанником Божьим и берет всю власть в свои руки? Только Самозванцем и Антихристом, говорит Мережковский. И отсюда выводит неразрывную преступную связь между самодержавием и православием: православие провозглашает человека помазанником божьим и сажает на место Христа самозванца.

Мережковский делает различие между Царством Зверя (Антихриста, Самозванца, Левиафана) и Правовым государством как переходным периодом на пути к Царству Божьему на земле, к победе Церкви. Если Царство Зверя есть самоцель которая поглощает живых людей и голое насилие личное воли Самозванца, то правовое государство только техническое средство, которое служит человеку на его пути к Царству Божьему. Если первое есть зоологический патриотизм национальной государственности, то второе движение к всечеловечности единого закона божьего. Действительно, правовое государство не есть произвол самозванца, оно хотя бы в теории, либо представляет волю большинства, либо права человека как зачатки естественного права (то есть научного контроля). Он говорит об этой разнице между государством-средством на пути к победе Церкви и государством-самоцелью Зверя самодержца в статье «Христианство и государство», отвечая на упреки кн. Е. Трубецкого в анархизме

Д.С.Мережковский «Христианство и Государство»:

«Христианство не преодолело государства; но и государство в христианстве утратило тот абсолютный смысл, который имело в язычестве, — перестало быть религиозной целью и сделалось эмпирическим средством.

Да, недаром и не случайно у моего критика это забвение церкви как реального пути к всечеловечеству. Ведь главная сущность всего старого порядка в России и есть поглощение церкви государством, превращение церкви в «департамент дел духовных». Петр, основатель русского абсолютизма, и основал его на этом именно смешении «кесарева с Божиим». Достоевский видел, что «русская церковь в параличе с Петра Великого»; но откуда паралич, не видел или не хотел видеть.

И напрасно, возражая мне, князь Е. Трубецкой ссылается на Достоевского, как будто я его не знаю: знаю и отрицаю именно здесь, в отношении к церкви.

То превращение государства в церковь, в котором Достоевский видит спасительное будто бы отличие «богоносной» России от «безбожной» Европы, — еще больший соблазн, чем превращение церкви в государство, папы в кесаря, которое, по мнению Достоевского, происходит в католическом Риме. Пока нельзя соединить, лучше отделить, чем смешивать. Отделение церкви от государства — вот если не последняя, то первая, если не богочеловеческая, то человеческая, но все-таки святая правда современной европейской культуры. А Россия не только не прошла через нее, но и не дошла до нее. Просвещенному христианину Запада, принявшему ту святую правду, показался бы кощунственным «истинно русский» вопрос князя Е. Трубецкого: возможно ли всечеловечество вне национальной государственности? Если оно невозможно, то церковь — «пустой звук», христианство — «пустой звук», Евангелие, благая весть о царстве Божием на земле, как на небе, — «пустой звук».

Понятно и правдиво подобное утверждение в устах откровенного язычника. Но удивительная необдуманность со стороны христианина — это исповедание Христа на словах и «Князя мира сего» на деле. «Если падши поклонишься мне, я дам тебе все царства мира». Так называемая «христианская государственность» или «государственное христианство» есть не что иное, как поклонение Христа «Князю мира сего».

Действительное отделение церкви от государства неизмеримо значительнее и глубже того, которое доныне происходило в истории христианства.

> Церковь только до тех пор жива и действенна, пока борется с государством, утверждая свою особую, внегосударственную и вненациональную, всечеловеческую правду, «Царство Божие на земле, как на небе».
> Всякая революция, достойная этого имени, утверждает — пусть на одно мгновение, на одной высшей точке своего подъема, но все-таки неизменно и неотразимо утверждает вненациональный и внегосударственный идеал, не менее, а может быть, и более, чем исторические церкви, вселенский, всечеловеческий, — тот идеал «свободы, равенства и братства», который ни в каком народе и ни в каком государстве осуществиться не может, т. е. в последнем счете утверждает «Царство Божие на земле, как на небе».
> Государственность — эмпирически-необходимое средство, но не религиозно-свободная цель человечества. Не человек для государства, а государство для человека. Когда же в относительной и преходящей правде национальной государственности утверждается, как делает князь Е. Трубецкой, безусловная и вечная правда всечеловечества, тогда из эмпирического средства государство становится мистическою целью, из доброго, домашнего животного, коня или вола — в хищного «зверя», в «самое холодное из чудовищ», по слову Ницше, в того «Левиафана», который уже не человеку служит, а человека пожирает. Религия государственности и есть не что иное, как поклонение «зверю».

Смысл возражений Мережковского не в том, что он совсем отрицает правовое государство, но в том, что он настаивает на том, что мы должны помнить о его временном характере как орудия переходного периода на пути от царства Зверя к Царству Божьему, к победе Церкви над Государством. Тот же вывод делает А. Тойнби в «Постижении истории» — о конечной победе Церкви как Царства Божьего над Государством Левиафаном. Близок ним Ж. Прудон в «Что такое собственность», где он уже точнее формулирует Царство Божье как правление научного контроля естественного права, и говорит о том что даже воля большинства правового государства есть только правление «многих королей вместо одного короля».

Нельзя забывать о переходном характере правового государства (нормативное право воли большинства) потому что Царство Зверя не дремлет, и будет пользоваться неустойчивостью

этого переходного механизма (ни богу свечка, ни черту кочерга) с тем, чтобы вернуть абсолютизм самодержавия, то есть голое насилие физического контроля пока не будет побеждено окончательно.

И действительно, путинизм есть самая откровенная демонстрация этого хамского нападения на все цивилизационные основы правового государства с тем, чтобы вернуть голое насилие физического контроля Царства Зверя — то есть Русско-византийского Самодержавия-Православия. В культовых книгах путинского режима — «Происхождение Суверенитета» И. Грачева и «Революция Консерваторов» В. Соловьева — прямо формулируются все положения о Государстве, которые Мережковский определил как Царство Зверя и как Царство Самозванца — Антихриста или Хама.

Действительно, там прямо утверждается, что глава российского государства есть Помазанник Божий, то есть возобновляется основной принцип «самодержавие-православие», который упраздняет все законы и конституции и оставляет только произвол личной воли Самодержца или Самозванца. Принцип верховенства закона и народный суверенитет высмеиваются как «юридическая фикция», не имеющая основания в действительности: субъект и объект власти не могут быть равны, — заявляет Происхождение суверенитета Грачева, — субъект правит, а объект, то есть народ — подчиняется». Так восстанавливается садомазохизм физического контроля — отношения насилия и подчинения. Государство объявляется священной самоцелью, которому жизнь народа приносится в жертву: люди служат государству, а не государство людям. Само название книги Соловьева — Революция Консерваторов — уже говорит о том, что правовое государство подверглось атаке «консерваторов» с тем, чтобы вернуть голое насилие физического контроля. Действительно, в Происхождении суверенитета (2018) прямо говорится, что прогресс - иллюзия, что нет движения вперед, есть только движение по кругу, что наша задача - возвратится в "золотой век" до научной, до рациональной цивилизации ма-

гического сознания, что рационализм погубил Античную Грецию и тп.

Вот почему идеологи Царства Зверя так привержены Социальному Дарвинизму, который формулирует основной закон жизни как выживание сильнейшего: действительно физический контроль материальной энергии психики есть поедание более сильными более слабых (садомазохизм). Об этом опять с поразительной проницательностью пишет Мережковский в статье «Красная Шапочка»: вы не обманете русскую интеллигенцию, предлагая ей волка в лице Великой России Царства Зверя вместо бабушки, Царства божьего, царства естественного права всего человечества.

Д. С. Мережковский «Красная Шапочка»:

> «Великая Россия для своего создания, — говорит Струве, — требует от всего народа, и прежде всего от его образованных классов, признания идеала государственной мощи». Этот идеал должен образовать «железный инвентарь нового политического и культурного сознания». Только государство и его мощь могут быть для настоящих патриотов путеводной звездой. Остальное — «блуждающие огни». Верховный закон государственной мощи для Струве определяется так: «Всякое слабое государство — добыча государства сильного». Надо есть других, чтобы не быть съеденным; народ народу — зверь. Этот закон природного, дочеловеческого, звериного бытия есть вместе с тем будто бы и верховный закон бытия государственного.
> Человек не зверь. Человек иногда не может не быть, но никогда не хочет быть зверем; не быть зверем и значит быть человеком. Уход от зверства и есть человечество. Так нам казалось; но вот оказывается, что все это революционная «романтика», «блуждающие огни», гнилые устои почти рухнувшей идеологии. Патриотизмом «великой России» должно отныне сделаться стремлением к новому, сознательному, оправданному культурному зверству, и это стремление должно образовать «железный», может быть, не только железный, но и кровавый «инвентарь нового культурного сознания» — почему же, однако, «нового», а не древнего? почему «культурного», а не варварского? Ведь именно безусловное принятие закона: слабый — добыча сильного, как закона верховного и единственного, восторженное преклонение перед зверством как перед абсолютной «мощью» и есть глубочайшая основа древнего варварства, пусть да-

> же вечного и неизбежного, но с которым так же вечно и неизбежно вся человеческая культура борется.
> Я люблю свободу больше, чем родину: ведь у рабов нет родины; и если быть русским значит быть рабом, то я не хочу быть русским; и если в такой любви к свободе вплоть до возможного отречения от родины состоит «банальный радикализм» — я хочу быть банальным.
> Как ни субъективны эти мои признания, они для Струве не могут не иметь и некоторого значения объективного. Я — член того «образованного русского общества», которому он предлагает свой идеал. По мне может он судить если не о всех, то о множестве подобных мне. Та же соль, которою все море солоно, должна быть и в каждой капле.
> Ежели русская соль — государственность в том смысле, как ее понимает Струве, то я пресен, как родниковая вода».

Я, автор Научной Революции Энергетика, не раз писала об этой угрозе путинского режима как угрозе реставрации Царства Зверя Самодержавия-Православия, о которой пишут Мережковский, Толстой, Белинский, Герцен, Кропоткин и прочие «святые» интеллигенты России. И сегодня, я вновь обращаюсь к русской интеллигенции в этом очерке о Третьем завете Мережковского, великого вождя Русской Религиозной Революции — не дайте волку обмануть вас, не будьте красными шапочками, будьте великой русской интеллигенцией, которая несет Миссию Третьего Завета, Откровения Святого Духа.

ГЛАВА 2. МЕРЕЖКОВСКИЙ В ПОИСКАХ ЗВЕРЯ ГОСУДАРСТВА

1. Пророк Русской Революции Достоевский

2. Языческие Герои Мережковского: Сверхчеловек Ницше и проблема «раздвоенности»

3. Расшифрованная Илиада Л. Клейна: сила или слабость «культуры тщеславия» Гомера

1. ПРОРОК РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДОСТОЕВСКИЙ

Мережковский есть воплощение Воинствующей христианской церкви, несущей Духовный Меч Христа. Альберт Швейцер, Арнольд Тойнби подчеркивают в своих книгах эту сущность христианства как священной войны объявленной злу Христом: «Огонь принес я на землю и как томлюсь чтобы он уже возгорелся», «не мир я принес, но меч».

Как истинный христианин Мережковский несет духовный меч Христа в своих многочисленных сочинениях, единственная цель которых — найти зло, найти антихриста, найти Зверя Апокалипсиса и уничтожить его. Потому Русская Религиозная Революция — дело всей его жизни.

В статье «Пророк русской революции», посвященной Достоевскому, Мережковский казалось бы нашел очень четкие определения Добра и Зла, Бога и Дьявола, Христа и Антихриста в контексте исторической и социальной жизни людей, и столь же ясно и четко очертил Божий Меч, которым должен быть сражен Зверь, то есть зло дьявола воплощенное на земле.

Он говорит с большой определенностью о непримиримой вражде между Церковью и Государством. Церковь в этом опре-

делении — это христианское братство управляемое законами Христа, Евангелия, подобно братству Франциска Ассизского. И потому это законное царство Богочеловека, царство Божие, царство Христа. Государство — это царство Самозванца, где роль Бога, роль Христа принимает на себя либо самодержец, либо много самозванцев — воля большинства. И в том и в др. случае это царство ЧеловекоБога, то есть царство Человека который себя обожествил, поставил себя на место Христа, Помазанника Божьего, царство Антихриста, царство Хама и Самозванца.

Именно в статье о «религии Третьего завета Достоевского» «Пророк русской революции» Мережковский с особенной последовательностью и систематичностью противопоставляет понятия Церкви и Государства, Богочеловека и Человекобога как две непримиримые категории, как метафизическую борьбу Добра и Зла, воплотившуюся в земных формах. «Это война на жизнь и смерть», не устает подчеркивать Мережковский.

И именно Достоевский «отточил лезвие духовного меча» для этого последнего смертного боя со Зверем Апокалипсиса, с Человекобогом, с самозванцем Антихристом, который воссел на престол Божий в виде самодержца. Потому как Достоевский не устает подчеркивать в «Братьях Карамазовых», что нет и не может быть компромисса между церковью и государством, и что существом их взаимоотношений со времен Первого Рима была смертная война, и всегда будет смертная война, пока Церковь не победит окончательно Зверя Государства.

И стоит, говорит Мережковский, нам только понять этот Завет Достоевского, как мы становимся обладателями теократического сознания: самодержавие преодолевается теократий, православие преодолевается Третьим заветом Святого Духа (после заветов Отца и Сына), а народность (национализм) преодолеваются всечеловечеством, всемирным социализмом (как у Бертрана Рассела).

И тогда, продолжает Мережковский, религиозная революция народная станет тем камнем, пущенным из пращи Божьей, который сломит глиняные ноги Истукана — Государства Зверя, Государства Антихриста.

Здесь все логично, четко, непротиворечиво, и можно было бы использовать как Духовный Меч в борьбе со Зверем Государства, если бы не одно «но». Как нам разделить Богочеловека и Человекобога, если сам Мережковский так окончательно и не решил, в чем последняя цель их вечного противоборства: в смертном ли бою, из которого только один выйдет живым, или же в «божественной гармонии» и «синтезе тезиса и антитезиса». Ведь Человекобог Мережковского — это его Языческий Герой, которому так много внимания уделено в других произведениях автора. Это фундаментельный вопрос всего его творчества — «раздвоенность» культуры между Язычеством и Христианством, между языческими героями — полубогами и христианским Богочеловеком, между языческими антихристами и Богочеловеком Христом.

И если в статье «Пророк русской революции» Мережковский наконец со всей решимостью отказывается от попыток найти «синтез» и «гармонию» между Язычеством и Христианством, между Человекобогом и Богочеловеком, между Христом и Антихристом, и объявляет Человекобога — дьяволом и Зверем Государства, которого следует уничтожить, то он все таки не дает нам никакого теоретического обоснования своего вывода. Почему он в конечном итоге решает вопрос в пользу смертного боя, а не в пользу синтеза и гармонии, о которых столько было сказано раньше?

Мережковский как всегда прав, его гениальное чутье пророка его не подвело в его окончательном выводе о смертном бое между Человекобогм и Богочеловеком, однако, вопрос о теоретическом основании по прежнему остается открытым, и нам, Третьему Завету Научной Революции Энергетика, предстоит дать научное доказательство правоты Мережковского.

Д. С. Мережковский «Пророк Русской Революции Достоевский»:

> «Но может быть оба зверя борются только до тех пор, пока не соединятся для борьбы с общим врагом — с Агнцем. Тогда то снова в Третьем Риме, как некогда в Первом, «произойдет столкновение

двух самых противоположных идей, которые когда-либо существовали на земле», — ЧеловекБог встретит БогоЧеловека, Антихрист — Христа.

Достоевский вложил этот меч в наши руки. Сам он только и делал всю жизнь, что выковывал и оттачивал его, но не поднял в бою, потому ли что не успел, или не наступил еще срок для последнего боя. Во всяком случае одна черта отделяет сознание Достоевского от нашего религиозного сознания — борьбы с Грядущим Зверем под личиной Господа Грядущего — в апокалипсических чаяниях и ужасах русского народа о самодержавии.

В его последнем величайшем и наиболее синтетическом произведении, в «Братьях Карамазовых»,, дана уже почти совершенная формула этого сознания; уже почти вскрывается неразрешимое противоречие между Церковью и Государством, как между абсолютною истиной и абсолютною ложью, Царством Божьим и Царством дьявола..

О смешении этих двух царств говорит недаром в первых же главах романа не кто иной как Иван Карамазов, ученик Великого Инквизитора, старцу Зосиме, ученику или учителю самого Достоевского.

«Церковь должна заключать в себе все государство, в не занимать в нем лишь некоторый угол, и если это теперь невозможно, то должно быть поставлено прямою и главнейшею целью всего дальнейшего развития христианского общества.... Таким образом не церковь должна искать себе места в государстве, а напротив всякое земное государство должно впоследствии обратиться в церковь вполне и стать не чем иным как церковью».

Ученый монах, о. Паисий, обостряет и доводит до конца эти мысли Ивана Карамазова:

«Не церковь обращается в государство. То Рим и его мечта. То третье дьяволово искушение. А напротив государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле, — что совершенно противоположно Риму...»

«Церковь есть воистину царство и определена царствовать и в конце концов должна явиться как царство, на всей земле несомненно, на что имеем обетование...»

И старец Зосима подтверждает:

«Общество христианское пребывает незыблемо в ожидании своего полного преображения из общества, как союза почти еще языческого, во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сие и буди буди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено свершиться»

> И если Иван Карамазов допускает «необходимый еще в наше грешное и не завершившееся время компромисс», то старец Зосима возражает:
> «Церковь с Государством сочетаться даже и в компромисс временный не может. Тут нельзя уже в сделки вступать».
> Только этою непримиримостью меч Христов и заостряется до последней остроты для последней битвы со Зверем.
> Заострение этого серпа и есть теократическое сознание. Борьба между государством и церковью — борьба на жизнь и смерть. Всему, чему государство говорит абсолютное «да», церковь говорит абсолютное «нет». Как невозможен переход абсолютной лжи в абсолютную истину, дьявола — в Бога, так невозможен и переход Государства в Церковь. Возможен только переход общества в Церковь, и этот переход, естественная эволюция, действительно совершается во всемирно-историческом процессе. Теократическое сознание вскрывает неразрешимое противоречие между Государством и Церковью и постепенный переход эволюции становится революцией, история — апокалипсисом, самой разрушительной и убийственной для государства революцией. Религиозная революция — предельная и окончательная, ниспровергающая всякую человеческую власть, всякое государство в его последнем метафизическом основании. Это тот малый камень, пущенный из пращи Божьей, который разбивает глиняные ноги Истукана в видениях пророка Даниила. Это — та малая искра, которая взрывает пороховой погреб, так что не остается камня на камне. «Огонь пришел Я низвесть на землю и как томлюсь, чтоб он возгорелся» Будучи внутри себя величайшим порядком, властью, теократия будет казаться величайшим бунтом».

2. ЯЗЫЧЕСКИЕ ГЕРОИ МЕРЕЖКОВСКОГО: ПРОБЛЕМА «РАЗДВОЕННОСТИ»

«Он обнажает два вечные начала, — пишет Мережковский в статье „Трагедия целомудрия и сладострастия“ о Еврипиде, — „я“ и „не-я“, Аполлона и Диониса, его мощное и тонкое сознание, поднимающее его над стихийностью, и приближает к нему нас, людей с душами, едва пробудившимися к сознанию, еще такими же раздвоенными как душа Еврипида»

Это абсолютно гениальное диагностирование болезни нашей культуры, которая есть еще только зачатки цивилизации,

и которая станет настоящей цивилизацией только с победой той религиозной революции о которой говорит Мережковский: с третьим заветом, который даст точные знания человеку о его собственной душе, то есть с открытием психической энергии.

Надо сказать, что эта тема «раздвоенности» человеческой души как болезнь «только пробудившегося сознания» красной нитью проходит через все творчество Мережковского, определившего ее как противоборство языческого самоутверждения личности с одной стороны и христианского самоотречения с другой стороны.

Великая культура Древней Греции для Мережковского и есть культура Язычества. В ее основе он видит Героев –Полубогов Гомера, Самоутверждение «Я» Индивида с большой буквы, и словно бы не замечает, что параллельно с рождением личности и индивида в Греции происходило рождение коллектива, социализма, полиса, которые нашли отражение в «пифагорейских общинах», в социализме «Государства Платона», и наконец, в сплоченности древнегреческого полиса. Не замечает или не обращает внимания на «раздвоенность» Язычества между полюсами индивидуализма Героев-Полубогов Гомера с одной стороны и Социализма Государства Платона и пифагорейских общин. Потому что разлад между «культурой совести (саомопожертвование)» и «культурой тщеславия (самоутверждение я)» начался уже с первым пробуждением сознания в Греции. Это не разлад между Язычеством и Христианством — это разлад между двумя энергиями психики, и он имел место всегда. Просто Древняя Греции и Гомер поставили акцент на «культуре тщеславия» (культуре стыда), а Христианство противопоставило им «культуру совести» (культуру вины), объявив тщеславие пороком (справедливо). И эта борьба между Энергией Духа (Платонизм) и Энергией Эгосистемы (Полубоги Гомера) выразился в откровенной враждебности Платона к Гомеру, который вообще постановил что поэтов нужно изгонять из нравственного общества. И конец этой борьбы тоже известен: победа Энергии Эгосистемы во всем античном мире, как

неудавшееся первое откровение, закончилась казнью Сократа в Греции «за оскорбление национальных богов» и распятием Христа в Риме с тем же обвинением.

Действительно, И. Суриков в книге «Пифагор» подчеркивает эту «раздвоенность» античного сознания в Древней Греции осевого времени К. Ясперса — эпохи, когда человечество в разных уголках земли получило свое первое откровение. Это раздвоенность между полем Интеллекта Духовной энергии и полем Эгосистемы магического сознания, которая обнажается с пробуждением разума, потому что разум как энергия Духа сразу становится в оппозицию к магическому сознанию (аборигены, как доказала антропология обладают только активным магическим сознанием, духовная энергия почти полностью пассивна). Энергия Духа — это энергия разума и совести, энергия этики и единства духа (социализма), в то же время энергия поля Эгосистемы — это энергия физического контроля, тщеславия, индивидуализма, конкуренции и войны.

И. Суриков «Пифагор»:

> «Специалисты по исторической этологии — науке, изучающей моральные ценности
> различных эпох и народов, — делят все человеческие культуры
> на «культуры вины» и «культуры стыда». В первом случае регулятором
> поведения людей служит некое внутреннее чувство нравственно
> должного — то, что в христианской цивилизации называют совестью.
> Во втором же случае человек действует всецело с оглядкой на то,
> как его оценят другие. Главное — не «ударить в грязь лицом», чтобы
> не пришлось испытывать стыд. Античная греческая культура была типичной «культурой стыда». Само понятие «совесть», судя по всему, эл-
> линам архаической и классической эпох было еще вполне чуждо,
> даже и слова такого в языке не существовало. Для грека превыше
> всего — суждение общины, суждение окружающих. Именно таковы
> герои Гомера. Им абсолютно чужды те нравственные ценности, которые столь близки нам и которые сопряжены именно с внутренней
> самооценкой: доброта, милосердие, сострадание… Всё это — порождение более поздних эпох, тесно связанное с возникновением христианства. Зато среди витязей, изображенных в эпосе, очень высоко

> котируются воинская доблесть, величественность, щедрость — словом, то, что характеризует человека с «внешней стороны». А ведь именно эти гомеровские герои служили образцом для греков последующих эпох, особенно для аристократов».

И. Суриков «Пифагор»:

> «Религиозные воззрения эллинов
> к этому моменту были уже вполне сформировавшимися, в том числе и представления об Аполлоне. Двойником-антиподом этого «светлого бога» был Дионис, который являлся олицетворением как раз противоположной стороны бытия — экстаза, порыва, слома всех и всяческих перегородок. В XIX веке выдающийся немецкий философ
> Фридрих Ницше, глубокий знаток античности, предложил (в труде «Рождение трагедии») видение всей греческой цивилизации как сосуществования и борьбы двух начал — «аполлонического» и «дионисийского», светлого, рационального и темного, трагического. Сам
> Ницше симпатизировал «дионисийскому» началу. Со времен Ницше в «эллинской душе» выявлена, наряду с «аполлонической», «дионисийская» сторона, иррациональная по самой своей сути. Борьба двух
> тенденций пронизывала буквально всё бытие:
> ...Удивляться не приходится: повто-
> рим, в Элладе той эпохи, о которой сейчас идет речь, всё как бы «двоится» и выступает в самой причудливой смеси противоположных принципов. Парадигматичные фигуры Аполлона и Диониса, являющиеся в разнообразных обличьях... Да, две стороны было в античном эллинском мироощущении: светлая, солнечная, и темная, «ночная». Из этих двух сторон, естественно, первая больше бросается
> в глаза и гораздо лучше известна. Ведь именно с ней связаны самые главные достижения древнегреческой культуры, литературы, искусства, как бы лучащиеся ярким сиянием. Темную сторону своей души грек, судя по всему, старался подавить, вытеснить в подсознание.
> Но она то там, то здесь прорывалась, давала о себе знать».

Можно видеть, что Герои –Полубоги Гомера рождаются из «культуры тщеславия» (культуры стыда), и что их «Самоутверждение Я» есть тот болезненный «Сверхчеловек» Ницше, от которого Мережковский впоследствии так отчаянно открещивался. Более того, сами греки считали это «Самоутверждении личности, Я» которым Мережковский восхищался как проявлением герои-

ческого начала в человеке, как силе духа против слабости, как «демоническому» гению, — сами греки, повторим, считали это «сверхчеловечество» Гомера — болезнью и именовали «гибрис» (Hubris на английском языке, куда этот термин перекочевал в качестве отрицательного — высокомерие, надменность). И действительно, именно этот «Гибрис» в конечном итоге уничтожил Грецию в жесточайших междоусобных войнах и стал причиной ее унижения, слабости, полного ничтожества.

И. Суриков «Пифагор»:

> «Однако индивидуализм, если он нарастал в слишком большой степени, переставал играть конструктивную историко-культурную роль. Напротив, он был способен подорвать целостность и стабильность гражданской общины, формирующегося полиса. Это «чрезмерное» акцентирование личностного принципа общественным мнением уже не поощрялось. Для его обозначения существовал труднопереводимый термин гибрис. Обычно это слово переводят как «спесь, наглость, гордыня», но всё это не вполне точно. Если попытаться передать значение термина «гибрис» описательно, то окажется, что это — дерзостное стремление человека подняться над своим человеческим уделом, превзойти его, стать существом высшего порядка. Слово «гибрис» происходит от предлога гипер — «над». Греческое гипер — то же самое, что латинское супер. «Гибрис» — это стремление стать «суперменом», сверхчеловеком. «Гибрис» осуждался. Считалось,
> что он способен только ввергнуть в пучину бед и самого человека, поддавшегося этому соблазну, и всю его общину...»

И. Суриков «Пифагор»:

> «во всем общественном бытии архаической (а впоследствии — и классической) Греции параллельно и отнюдь не всегда мирно сосуществовали коллективизм и индивидуализм. Это, в свою очередь, немедленно повело к острой борьбе за власть между лидерами. Борьба, которую вели друг с другом яркие личности, зачастую имела результатом многолетнее состояние непрекращающейся междоусобной смуты. А в ряде развитых полисов выделилась и восторжествовала над остальными «сверхличность» — тиран. Феномен греческой тирании был, без сомнения, порождением именно индивидуали-
> сти-

> ческой тенденции в политической жизни. Индивидуалистические начала находили себе выраже-
> ние в духе состязательности, соревновательности, который пронизывал собой буквально все поры общества. Что бы
> ни делал эллин — воевал или писал стихи, принимал законы или
> ваял статуи, — он всегда соревновался, стремился быть первым,
> победить всех соперников, обрести славу.
> Оба злосчастья, о которых идет речь, были, по сути дела, «двумя сторонами одной медали» — они порождались отсутствием единства, по-
> стоянной борьбой. Проявлялась эта борьба и на внутриполисном,
> и на межполисном уровнях. Надо сказать, что почти каждое эллинское
> государство разъедалось междоусобной распрей, которую сами греки
> обозначали термином стасис. Соперничали друг с другом за власть и влияние, различные группировки аристократов; из этой конкуренции, как мы знаем, могли вырастать жестокие режимы тирании.

Так, Языческие Герои, Сверхчеловеки и Полубоги Мережковского оказываются теми Истуканами на глиняных ногах из книги пророка Даниила.

Все дело в путанице понятий о «Я» и «Самоутверждении Я», научного определения которых в самом деле не могло быть у Мережковского.

Две энергии в сознании человека означает два «Я» в его сознании — это и есть проблема «раздвоенности» личности и первичной культуры. Постановка этого вопроса как центральной проблемы нашей цивилизации с такой остротой и последовательностью — навсегда останется величайшей заслугой Мережковского. А решение вопроса, как он и предполагал принесло следующее откровение — научной открытие психической энергии.

Два «Я» в сознании человека — это ложное Я поля Эгосистемы (обозначим его как ложное Эго) и истинное Я поля Интеллекта. Таким образом, материальная энергия психики и духовная энергия имеют каждое свое Я — но только духовное Я истинно, тогда как ложное Эго есть мертвый и тупой паразит

материальной энергии пожирающий ресурсу духовной энергии Интеллекта.

Уже видно, что нельзя ставить проблему раздвоенности личности как проблему «самоутверждения Я» и «самоотречения от своего Я», потому что культуры тщеславия Языческих Героев есть «Утверждение Ложного Эго» и следовательно отрицание и разрушение Истинного Я Духа.

В то же время, «Самоотречения от Я» в социализме Духа также только иллюзия, рождаемая из единства духовной энергии всего человечества. Дружба, единство с близкими родными людьми — самое дорогое что есть у человека в жизни. Сегодня эта площадь очень ограничена за счет все еще побеждающего поля Эгосистемы и враждебности людей, тем острее чувствуется потребности в близкой дружбе. А. Маслоу, который изучает энергию Духа в исследовании «самых здоровых людей» (самоактуалов), особенно подчеркивает этот момент в личности его «подопечных»: сильная личность рождается одновременно с такой же способностью к дружбе. Вот только дружба эта избирательна: Дух может соединяться только с Духом, но никак не с энергией Эгосистемы. Дружба интеллектуалов в письмах Плиния, в воспоминаниях Герцена и Кропоткина, в жизни Толстого — это и есть та самая способность Духа быть одновременно сильной личностью и «настоящим братом» другим людям Духа.

В то же время «Сила» «самоутверждающего индивида» Языческих Героев оказывается «колосом на глиняных ногах» именно потому, что здесь речь идет об энергии Эгозащиты, об утверждении силы ложного Эго, которое всегда враждебно другим людям, а вовсе не об истинном Я человека. Это Абсолют Зла в человеке, поскольку в Языческих героях ложное Эго достигает своего максимума — своего обожествления — за счет фиктивного интеллекта. Это оторванный от действительности интеллект, который вместо того чтобы искать законы природы через факты жизни, заблудился и попал на поле Эгосистемы и видит весь мир через загрузки Эго и СуперЭго (как

аборигены с магическим сознанием, которые видят природу как Тотемы). Этот фиктивный интеллект (формальная логика) называется в психиатрии шизоидностью («метафизическая интоксикация»). Вот этому кривому зеркалу Языческие Герои и обязаны своим статусом Полубогов и Человекобогов, как говорит Мережковский (Сверхчеловеки Ницше). Теперь понятно, что такое ложное Эго утвержденное фиктивным интеллектом — истинный колос на глиняных ногах. И конечно, это воплощение зла, потому что поле Эгосистемы — это поле физического контроля насилия, которое не знает морали и этики. Оно «по ту сторону добра и зла» как Сверхчеловеки Ницше, потому что единственная цель — победа любой ценой, и «победителей не судят». Это «количественные» отношения насилия и подчинения, где важно только «количество абстрактной силы».

Об этом очень хорошо сказано у Кьеркегора в его знаменитой «Болезни к смерти», в которой он впервые дает определение шизоидности как «отчаявшемуся, заблудившемуся духу». Это все таки Дух, потому что порожден Интеллектом, но Дух смертельно больной, потому что он «уперся против Бога» встав на защиту Ложного Эго материальной энергии психики. И в конечном итоге, вместо всесилия — это абсолютное ничто, колос на глиняных ногах. Так, Кьеркегор разделяет здоровье «этического» от нездоровья «эстетического», подобно Платону указывая на опасность «быть поэтом» в фантазировании себе всесильного Эго. Для Кьеркегора ответ очевиден: христианство как религия Истинного Я ополчившаяся против «дьявола» Эгозащиты есть спасение «этическое», спасение духовное, от болезни «эстетического» упертости против бога, против своего истинного Я.

С. Кьеркегор «Болезнь к Смерти»:

> «И это Я — он привязан к нему даже не вследствие восстания или вызова, но чтобы предать Бога; он желает не вырвать в своем восстании это Я у силы, которая его и создала, но навязать его данной силе, приковать его к ней насильно, сатанически упереться против

нее… И это понятно, поистине злое противоречие всегда, изогнувшись, упирается против того, что его поддерживает!
Худшая из опасностей — потеря своего Я — может пройти у нас совершенно незамеченной, как если бы ничего не случилось. Ничто не вызывает меньше шума, никакая другая потеря — ноги, состояния, женщины и тому подобного — не замечаются столь мало.
То, что здесь недостает, это реальность, как это хорошо выражено в обычном языке, где можно услышать, что кому-то недостает чувства реальности. И вовсе не из-за отсутствия силы, по крайней мере в обычном смысле слова, это Я по ошибке забредает в возможное. Недостает, прежде всего, силы повиноваться, подчиняться необходимости, заключенной в нашем Я, тому, что можно назвать нашими внутренними границами. Несчастье такого Я состоит не в том, что оно ничего не добилось в этом мире, но в том, что оно не осознало само себя, не заметило, что его собственное Я есть четкая определенность, а стало быть, необходимость. Вместо этого человек потерял сам себя, позволив своему Я воображаемо отражаться в возможном. Нельзя увидеть себя самого в зеркале, не узнав себя тотчас же, иначе это не значило бы увидеть себя, но просто увидеть кого-то. А ведь возможное — это поразительное зеркало, в котором можно стать другой личностью. Это то, что можно назвать кривым зеркалом. Как тот рыцарь, о котором твердят легенды, который внезапно увидел редкую птицу и упрямо последовал за нею, полагая вначале, что ее нетрудно поймать…
Однако птица всегда ускользает к приходу ночи, а рыцарь, оказавшись вдали от своих, не может уже в своем одиночестве отыскать дороги, — таково же возможное желание. Вместо того чтобы перенести возможное в необходимость, желание преследует его, пока не собьется с дороги, ведущей к самому себе.
при ближайшем рассмотрении вам нетрудно убедиться, что этот абсолютный князь — всего лишь король без королевства, который, по сути, ничем не управляет; его положение, сама его суверенность подчинены диалектике, согласно которой во всякое мгновение здесь бунт является законностью. Ведь в конце концов все здесь зависит он произвола Я.
Стало быть, отчаявшийся человек только и делает, что строит замки в Испании и воюет с мельницами. Сколько шума всегда о добродетелях такого постановщика опытов! Эти добродетели на мгновение очаровывают, подобно восточному стиху: такое владение собою, каменная твердость, вся эта атараксия и так далее, они как из сказки. И они действительно выходят прямо из сказки, ибо за ними ничего не стоит».

3. РАСШИФРОВАННАЯ ИЛИАДА Л. КЛЕЙНА: СИЛА ИЛИ СЛАБОСТЬ «КУЛЬТУРЫ ТЩЕСЛАВИЯ» ГОМЕРА

Всемирно известный российский археолог, Л. Клейн, в книге «Расшифрованная Илиада» высказывает полное убеждение в том, что эпос Гомера не песня победе, а плач поражения ахейцев в Троянской войне. Греки знали свою болезнь — Гибрис (Hubris Ego) — и оплакивали эту болезнь в Илиаде Гомера с тем, чтобы победить болезнь, победить смертную вражду греков друг к другу. Ибо истинный сюжет эпоса вовсе не Троянская война, которая остается только фоном, а ссора между двумя ахейскими героями полубогами — Агамемноном и Ахиллесом.

Действительно, греки по настоящему только один раз в своей истории были победителями: когда сплотились против нападения Персидской Империи. Именно эта сплоченность дала им возможность проявить всю силу духа, дарованную им Откровением Осевого времени и нашедшего отражение в той великой эллинской философии и искусстве, которыми восхищаются до сих пор. Однако, мы помним о раздвоенности первого пробуждения разума, первого откровения: была и оборотная сторона — шизоидность, фиктивный интеллект поля Интеллекта, который нашел свое отражение в философии циников, скептиков и софистов, которые отреклись от истины, отреклись от этики и уже тогда заложили основы теоретического оправдания зла — правоты сильного.

Однако, на деле это теоретическое оправдание Зла через Гибрис, через культ Человекобогов, эта культура тщеславия привела к всеобщей междоусобной войне греческих полисов, в конечном итоге погубившей их окончательно. Какие ранние истоки имеет эта вражда греков между собой можно судить по гомеровскому эпосу. Клейн утверждает в «Расшифрованной Илиаде», что это эпос о Поражении ахейцев в Троянской войне, который имел цели поучительные — предупредить ссоры ахейцев и междоусобные войны в будущем, способствовать сплочению Греции.

Л. Клейн «Расшифрованная Илиада»:

> «Для героического эпоса вообще притягательны военные поражения своего народа. Реальное историческое поражение ахейцев явно не вяжется с победным славословием Гомера. Но возьмем в руки Илиаду или Одиссею. Прочтем их повнимательнее — так, как историки давно уже прочли надписи Рамсеса Второго о битве с хеттами при Кадеше. Там за пышными самовосхвалениями проступает горькая правда о поражении. Обратимся к Гомеру. Чем оканчивается повествование в «Илиаде»? По сути ничем. Вся Илиада густо насыщена зловещими предчувствиями ахейцев относительно их собственного грядущего поражения, и это не может быть ничем, кроме по нечаянности не убранных остатков начального повествования, следов исторической реальности. Отблески грядущего поражения так многочисленно, что складываются в систему, охватывающую помыслы всех в Илиаде — героев, богов, судьбы.
>
> Сразу по взятии города Агамемнон и Менелай рассорились по пустячному поводу, Одиссей откололся от Менелая. Новая ссора развела Менелая с Нестором и Диомедом. Корабли разделились, флот рассеялся. Многие герои похода предпочли вообще домой не возвращаться. Главный герой коалиции вместе со своими сподвижниками был убит сразу же по возвращении. Коалиция распалась, и это было как бы прелюдией к страшной картине гибели ахейского мира.
>
> Для героического эпоса вообще притягательны военные поражения своего народа. Все компоненты такого же творчества налицо и в эпосе о Троянской войне Дальний романтический поход, сведенный в легенде из нескольких реальных и пришедшийся на конец золотого века ахейской экспансии. Ахейцы нападали на Египет, на хеттов, на Кипр, но именно этот поход закончился неудачей! А сразу же за тем — Темные века греческой истории, эпоха потрясающей национальной катастрофы, когда само выживание и сохранение народа было поставлено под вопрос. Тяжелые воспоминания о постыдной неудаче терзали участников экспансии, заставляли их снова и снова возвращаться к этому недавнему прошлому, чтобы хотя бы в своих рассказах задним числом «исправить» историю.
>
> Илиада — не о войне. Война в ней только фон и канва. Еще в главном веке ученые заметили, что главный герой поэмы — не царь Спарты Менелай и не его брат Агамемнон, верховный вождь ахеян, а юный царь небольшого царства мирдонян Ахилл. Сюжет поэмы — ссора двух ахейских вождей, Ахилла и Агамемнона, во время осады города. Причина ссоры, ее развитие и результат — этим определен стержень сюжета, этим обусловлены границ поэмы. Последствия ссо-

> ры оказались бедственными. Поэма не воспевает Ахиллов гнев, поэма его осуждает. Все заканчивается похоронами Патрокла и душевным обновлением Ахила. Чувство вины в смерти друга так потрясло Ахила, что сердце его смягчилось, и он согласился выдать тело Гектора отцу его, Приаму, для почетного погребения.
> По греческому миру ходило много подобных песен. В Илиаде перелагается рассказ об обиде и гневе Мелеагра, в Одиссее упоминается ссора Одиссея с Ахиллом на пиру, в Эфиопиде излагается ссора Одиссея с Аяком, закончившаяся самоубийством Аякса. Что породило всю эту серию однотипных песен о ссорах вождей на радость врагу? Прежде всего конечно, сама действительность. Какая же сила настоятельно обращала взоры поэтов 8—7 вв до н.э. на враждующих вождей? Какая сила подняла поэму о ссоре над сказаниями о ходе великой войны, даже над песнями о победе, развернула именно ее в грандиозную эпопею и сохранила на века?»

Л. Клейн показывает в своем исследовании, что это переломный момент в истории греков, когда культура тщеславия делает первые решительные шаги в сторону культуры совести, то есть от демонического утверждения индивида в войне всех против всех к духовному единению человечества в братстве, в единой совести товарищей, основанной на справедливости и сочувствии. Вот где уже обозначается первая борьба «язычества с христианством», как ее понимал Мережковский.

Л. Клейн «Расшифрованная Илиада»:

> «Какова была действительная причина перехода к новому варианту эпизода? Главное отличие — в ином отношении к нравственным ценностям, в иных идеалах. На первый план теперь выступает восхваление жалости, милосердия. Сострадание к человеку и милосердие чувствуются в «Похоронах Патрокла», где бывшие враги Агамемнон и Ахилл совместно хоронят Ахиллова друга.
> Историческое значение «Илиады» в призыве к единению всех греческих племен в борьбе за освоение и защиту Эгейского мира от складывающихся на востоке все более крупных и грозных империй, армии которых волнами лавы катились на запад. Призыв прозвучал своевременно: за век два до самого опасного, персидского нашествия. И не пропал даром. Отстояв свою цивилизацию, греки сохранили для будущего мира разработанные наиболее полно для того времени основы демократии и культуру, в которой человек стал мерой всех вещей. Призыв к единению был естественным образом

> сопряжен в «Илиаде с прославлением взаимопонимания, сдержанности и человечности, и уже в ней самой это требование было распространено на контакты между народами, даже воюющими. Коль скоро так, этот призыв звучит злободневно и без малого три тысячи лет спустя — как обращенный ко всему человечеству в самый ответственный и опасный час его истории».

Клейн в этой связи подчеркивает, что поучительный пафос эпоса состоит в том, чтобы показать как велико было наказание главного героя, Сверхчеловека Полубога Ахилесса за его тщеславие. Последний отказался помогать грекам в войне против троянцев не простив Агамемнону личную обиду — отобранную у него пленницу и желал грекам поражения. В конечном итоге он поплатился жизнью самого близкого ему человека — друга Патрокла. Смерть Патрокла и глубокое огорчение Ахиллеса и составляют главную тему эпоса, считает Клейн, поскольку со всей очевидностью обнажают суетность тщеславия и великую правду истинной силы Духа — в дружбе истинного Я людей, в братстве разумных и благородных человеческих существ. Так, культура тщеславия с ее сатанизмом жестокости и всепобеждающего индивида выставляется гибелью народа и нравственной и духовной в том метафизическом плаче по другу Патроклу, который пронизывает всю Илиаду.

Л. Клейн «Расшифрованная Илиада»:

> «Трогательная дружба Ахилла и Патрокла с давних времен служит лучшим примером боевого союза двух героев и античного представления об идеальной дружбе вообще. Герой, оплакивающий друга, сравнивается со львом или львицей, у которой отняли львят. Ахилл долго отказывается похоронить друга, наконец, погребает, заливая прах медом и маслом. Во сне Ахилл пытается обнять тень Патрокла. Под Троей тень Патрокла печально посещает Ахилла. Все предрекают Ахиллу близкое следование в мир иной за Патроклом и сам он это чует. Ахилл знает, что вступаясь за Патрокла, он будет убит, но это не может его удержать.
>
> Тема Патрокла — это гимн беззаветной дружбе и в то же время реквием, ибо время дружбы скоротечно и друзьям суждена разлука навек. Патрокл погиб за друга, вместо друга и перед ним: вскоре погибнет и кратковечный Ахилл. Но пока он жив его терзает осознание

> безнадежности утраты и тяжести ошибок. Он предвкушал близкое торжество над ахейцами и упивался этим, не зная, что цена торжества — утрата того, кто был ему дороже всех. Чего стоят слава, дары и ненужная дева! Это тема суетности и величия, возмездия и раскаяния. Раскаяния — в чем? Возмездия — за что? Тут есть о чем подумать. Излишне и говорить, как важна эта тема для Илиады в ее нынешнем виде — поэмы о гневе Ахилла, о его злосчастной обиде, о ссоре с Агамемноном, выведшей Ахилла из боев, сделавшей его врагом ахейцев и предопределившей смерть Патрокла. Об этом гибельном междоусобном раздоре из-за несправедливости одного и обидчивости, болезненного самолюбия другого».

Как бы ни старался Мережковский, а в своем желании «синтеза и гармонии Язычества и Христианства» в поисках разящего меча против Зверя Государства он приходит к прямо противоположной цели: его меч разящий затупляется и на глазах плавится в кисельные берега неопределенности и путаницы.

Стоит только вспомнить героев его трилогии «Христос и Антихрист», где Мережковский на роль Антихристов приглашает Юлиана Отступника, Леонардо де Винчи и Петра Великого, видя в них начала «самоутверждающего я» противоположного слабости христианского самоотречения. Что же тогда получается?

Языческий Герой Гомера = Сверхчеловек Ницше = Человекобогу = Антихристу и значит равен Зверю Государства!

И где же теперь наш меч разящий? Ведь в конечном итоге в поисках синтеза между язычеством и христианством Мережковский приравнивает Христа и Антихриста. Кого разить и зачем? Вот почему провалилась его религиозная революция.

И видимо, осознав свою ошибку, он в статье «Пророк русской революции» проводит такую жесткую черту между Язычеством Человекобожества и Христианским Богочеловечеством, раз навсегда отвергая всякую мысль о синтезе между богом и дьяволом. И опять оттачивается меч, и опять виден Зверь, и вновь высвечена вся глубина метафизической пропасти между Христом и Антихристом.

ГЛАВА 3. «РАЗДВОЕННОСТЬ» МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. СЛАБОСТЬ ХРИСТИАНСКОГО СМИРЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пушкин и Лермонтов — поэты Сверхчеловечества
2. «Слабость» христианского смирения Толстого и Достоевского
3. Ультрапурпуровый цвет религиозной революции социалистов-христиан

1. ДЕМОНИЧЕСКИЙ БУНТ ЛЕРМОНТОВА. КЛЕОПАТРА-ВАКХ ПУШКИНА

Все ту же «Раздвоенность» видит Мережковский центральной темой мировой и русской литературы. Раздвоен Гете и его Фауст между Язычеством и Христианством, раздвоен «Герой нашего времени» — Печорин Лермонтова, раздвоена поэзия Пушкина, воспевающего одинаково языческих героев и христианское смирение. И вот только безумный Ницше с одной стороны ставит вопрос об уничтожении христианства, и о полной победе язычества, а с другой стороны «возможно не менее безумный Толстой» ставит вопрос о полном упразднении язычества и торжестве христианства. В этой односторонности «безумии» Ницше и Толстого, тогда как великий гений Пушкина и Гете в их способности найти синтез и гармонию между Язычеством и Христианством.

В целом по Ницше и Толстому можно судить о двух противоположных направлениях западной и русской литературы: если демонические герои западной литературы несут свой бунт

до конца непримиренные, то русская литература напротив, выводит на сцену этих Героев Полубогов, чтобы в конечном итоге осмеять и смирить их гордыню, чтобы показать что зло в бесовстве гордыни, которая рождает Человекобогов. В этом Мережковский видит воспевание «слабости» в русской литературе в противоположность воспеванию силы романтических бунтарей западной литературы.

В этом смысле он хвалит Пушкина и Лермонтова, которые кажутся ему единственными кто несет знамя «самоутверждающего я» наравне с героями полубогами западной литературы, прославляя силу, а не слабость героя. Это поэты ницшеанского сверхчеловечества, и в их раздвоенности Мережковский видит «Богоборчество» на пути к религиозной революции и третьему завету. Вот такое в самом деле «ницшеанство», которое вначале его творчества внесло путаницу в его миросозерцание. Ибо как отделить святое богоборчество от обыкновенного сатанизма, которое тоже есть война с богом?

Мережковский в роли критика русской литературы противопоставляет Пушкина и Лермонтова как «поэтов Сверхчеловечества» — Толстому и Достоевскому, упрекая последних в прославлении христианского смирения. Для него это старая неразрешимая дилемма противостояния «Силы» Языческих Героев с их «самоутверждением Я» и «Слабости» Христианского смирения с его «Самоотречением».

В этом смысле он воспевает Пушкина за «синтез и гармонию» темы Язычества и Христианства в его произведениях, и прославляет «Демонический бунт» Лермонтова в статье «Лермонтов — поэт Сверхчеловечества», поскольку только в силе Языческих Героев Мережковский видит силу, способную подвигнуть общество на борьбу со злом, на борьбу со Зверем Государства.

В то же время, Мережковский не устает осуждать и порицать «христианское смирение» Толстого и Достоевского, их отказ от западной культуры, и видит в нем пропаганду «слабости» христианского самоотречения, которая ведет к соглашательству со злом.

Таким образом, знамя Революции он вручает Пушкину и Лермонтову, а Толстого и Достоевского считает тормозом на пути к Царству Божьему.

Д. С. Мережковский «Лермонтов — поэт Сверхчеловечества»:

> «Смирись, гордый человек!» — воскликнул Достоевский в своей пушкинской речи. Но с полной ясностью не сумел определить, чем истинное Христово смирение сынов Божиих отличается от мнимо христианского рабьего смирения. Кажется, чего другого, а смирения, всяческого — и доброго и злого, — в
> Если кто-нибудь из русских писателей начинал бунтовать, то разве только для того, чтобы тотчас же покаяться и еще глубже смириться. Забунтовал Пушкин, написал оду Вольности и смирился — написал оду Николаю I, благословил казнь своих друзей, декабристов:
> Забунтовал Гоголь — написал первую часть «Мертвых душ», и смирился — сжег вторую, благословил крепостное право. Забунтовал Достоевский, пошел на каторгу — и вернулся проповедником смирения. Забунтовал Л. Толстой, начал с анархической синицы, собиравшейся море зажечь, и смирился — кончил непротивлением злу, проклятием русской революции.
> Где же, где, наконец, в России тот «гордый человек», которому надо смириться? Хочется иногда ответить на этот вечный призыв к смирению: докуда же еще смиряться?
> И вот один единственный человек в русской литературе, до конца не смирившийся, — Лермонтов.
> Богоборчество Иова повторяется в том, что Вл. Соловьев справедливо называет у Лермонтова «тяжбою с Богом». «Лермонтов, — замечает Вл. Соловьев, — говорит о Высшей воле с какою-то *личною обидою*».
> Вл. Соловьев осудил Лермонтова за богоборчество. Но кто знает, не скажет ли Бог судьям Лермонтова, как друзьям Иова: «Горит гнев Мой за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб мой Иов» — раб мой Лермонтов.
> «Он не сатана, он просто черт, — говорит Ив. Карамазов о своем черте, — раздень его и наверно отыщешь хвост, длинный, гладкий, как у датской собаки».
> Вся русская литература есть, до некоторой степени, борьба с демоническим соблазном, попытка раздеть лермонтовского Демона и отыскать у него «длинный, гладкий хвост, как у датской собаки».

> Никто, однако, не полюбопытствовал, действительно ли Демон есть дьявол, непримиримый враг Божий.
> Хочу я с небом примириться,
> Хочу любить, хочу молиться,
> Хочу я веровать добру.
> Но для того чтобы этого достигнуть, надо принять, исполнить до конца и преодолеть христианство. Трагедия Лермонтова в том, что он христианства преодолеть не мог, потому что не принял и не исполнил его до конца.
> Замечательно, что во всей его поэзии, которая есть не что иное, как вечный спор с христианством, нет вовсе имени Христа.
> От матери он принял «образок святой»:
> Дам тебе я на дорогу
> Образок святой.
> Но этот образок — не Сына, а Матери. К Матери пришел он помимо сына. Непокорный Сыну, покорился Матери.
> Религия Вечной Женственности, Вечного Материнства уходит корнями своими в «мать сырую землю» — в стихию народную.
> Что такое Матерь Божия в народном всемирном христианстве? Не предчувствие ли в нем того, что за ним?
> Христианство отделило прошлую вечность Отца от будущей вечности Сына, правду земную от правды небесной. Не соединит ли их то, что за христианством, откровение Духа — Вечной Женственности, Вечного Материнства? Отца и Сына не примирит ли Мать?
> Не от «благословенного» Пушкина, а от «проклятого» Лермонтова мы получили этот «образок святой» — завет матери, завет родины. От народа к нам идет Пушкин; от нас — к народу Лермонтов; пусть не дошел, он все-таки шел к нему. И если мы когда-нибудь дойдем до народа в предстоящем религиозном движении от небесного идеализма к земному реализму, от старого неба к новой земле — «земле Божией», «Матери Божией», то не от Пушкина, а от Лермонтова начнется это будущее *религиозное народничество»*.

И тем не менее, Достоевский был прав: Демон Лермонтова не более чем черт с хвостом длинным как у датской собаки. Самое обыкновенно Гибрис-Эго эллинского героя -демона, эллинского Человекобога, с его преклонением перед эстетическим в ущерб всему нравственному, всему этическому. Удивляешься, читая эти строки, в чем же собственно нашел Мережковский Святое богоборчество Лермонтова на пути к Третьему завету, который он здесь называет Заветом Матери, которая примирит

предыдущие заветы Отца и Сына? В том ли «женская тема» Лермонтова, что он подобно всем Языческим Героям Полубогам всегда заканчивающим самой банальной идолопоклоннической Влюбленностью в противоположный пол, тоже и в Демоне своем и в других произведениях ставит центральной темой глупости романтической влюбленности? Он развивает эту тему, упраздняя свое понятие Антихриста — Человекобога, как Зверя, который воплотится в самозванца на троне Христа в критике Толстого, объявившего войну язычеству:

Д. С. Мережковский «Толстой и революция»:

> «И не то же ли, что о героях Шекспира, мог бы он сказать о Прометее Эсхила, о Фаусте Гете, о Каине Байрона, о Заратустре Ницше, — о всех высочайших точках европейского гения, который по преимуществу есть гений личности, самоутверждающейся, бунтующей, богоборческой во временных путях своих, но в вечных целях Богосыновней?
> Побеждаемое отрицание как путь к побеждающему утверждению, язычество как путь к христианству, богоборчество как путь к Богосыновству — вот чего Толстой не видит — не видит и потому ненавидит, — отрицает всю культуру европейского, может быть, и не «христианского», но подлинно Христова человечества, ибо откровение Христа и есть откровение абсолютной личности.
> И во вселенской культуре, так же как в своем художественном творчестве, Толстой отдаляет себя от всех, утверждает себя против всех, порывает связь со всеми. Говорит всем: вы или я, вы все или я один. Самоутверждение личности, религиозное начало всякой революции, Толстым отрицаемое, заставило его отрицать и русскую революцию».

В очерке о преклонении Пушкина перед Языческими Героями Мережковский замечает, что Пушкин одинаково восхищается низостью аморальных поклонников силы и святостью христианского смирения, потому что и те и другие ищут бога. Да, но какого бога: Человекобога, который преступно обожествляет себя, становится Антихристом или Богочеловека, то есть Христа учащего отказу от суеты тщеславия? Пушкин воспевает безумного Наполеона, который заканчивает свою карьеру римского императора как всякий колос на глиняных ногах и развратную

Клеопатру, демонический соблазн которой стоил трона Римской Империи и Цезарю и Антонию. Этот вопрос Мережковский оставляет неотвеченным, и этим перечеркивает свои поиски Зверя и затупляет свой меч в борьбе с ним.

Д. С. Мережковский «Пушкин»:

> «Религию жалости и целомудрия как философское начало, которое проявляется в разнообразных исторических формах — в гимнах Франци-
> ска Ассизского и в греческой диалектике Платона, в индийском нигилиз-
> ме Сакья-Муни и в китайской метафизике Лао-Дзи, — можно опреде-
> лить как вечное стремление духа человеческого к самоотречению, к слия-
> нию с Богом и освобождению в Боге от границ нашего сознания, к
> нирване, к исчезновению Сына в лоне Отца.
> Язычество как философское начало, которое проявляется в столь же
> разнообразных исторических формах — в эллинском многобожии, в гим-
> нах Вед, в книге *Ману* и в законодательстве *Моисеяпь*, — можно опреде-
> лить как вечное стремление человеческой личности к беспредельному раз-
> витию, совершенствованию, обожествлению своего «я»,
> Поэзия Пушкина представляет собою редкое во всемирной литературе,
> а в русской единственное явление гармонического сочетания, равновесия двух
> начал — сочетания, правда, бессознательного по сравнению, напр., с Гёте.
> Мы видели одну сферу миросозерцания Пушкина; теперь обратимся
> к противоположной.
> Пушкин, как галилеянин, противополагает первобытного человека со-
> временной культуре. Той же современной культуре, основанной на власти
> черни, на демократическом понятии равенства и большинства голосов,
> противополагает он, как язычник, самовластную волю единого — творца
> или разрушителя, пророка или героя. Полубог и укрощенная им сти-

хия — таков второй главный мотив пушкинской поэзии.
Красота героя — созидателя будущего; красота первобытного чело-
века —
хранителя прошлого: вот два мира, два идеала, которые одинако-
во при-
влекают Пушкина, одинаково отдаляют его от современной культу-
ры,
враждебной и герою, и первобытному человеку, мещанской и по-
средст-
венной, не имеющей силы быть до конца ни аристократичной, ни
народнои, ни христианскои, ни языческой
Пушкин берет черты героизма всюду, где их находит, — так же, как
черты христианского милосердия, потому что и те и другие имеют
один и
тот же источник, основаны на едином стремлении человека от своей
чело-
веческой к иной, высшей, природе.
Любопытно, что русский нигилист, Раскольников, заимствовал у пуш-
кинского Магомета эти слова о «дрожащей твари». Два идеала, прес-
ле-
дующие воображение Раскольникова — Наполеон и Магомет, при-
влека-
ют и Пушкина.
Более чем кто-либо из русских писателей, не исключая и Достоев-
ско-
го, Пушкин понимал эту соблазнительную тайну — ореол демонизма,
окружающий всякое явление героев и полубогов на земле.
Однажды, беседуя при Смирновой о философском значении библей-
ского и байроновского образа Духа Тьмы, Искусителя, Пушкин
на одно
замечание Александра Тургенева возразил живо и серьезно: «суть
в на-
шей душе, в нашей совести и в *обаянии зла*. Это обаяние было бы
необъ-
яснимо, если бы зло не было одарено прекрасной и приятной внеш-
ностью. Я верю Библии во всем, что касается Сатаны; в стихах о Пад-
шем Духе, прекрасном и коварном, заключается великая философ-
ская ис-
тина».
«Обаяние зла», — языческого сладострастия и гордости, поэт выра-
зил в своих терцинах, исполненных тайною раннего флорентийско-
го Воз-

рождения142. Здесь Пушкин близок нам, людям конца XIX века: он уга-
дал предчувствия нашего сердца — то, чего мы ждем от грядущего искус-
ства.

Красота этих божественных призраков ближе сердцу его, чем «пол-ные святыни словеса» строгой женщины в темных одеждах. Бо-лее всех
других привлекают отрока два чудесные творенья:

То были двух бесов изображенья.
Один (Дельфийский идол) — лик младой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.
Другой — женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал,
Волшебный демон — лживый, но прекрасный.

Эти два демона — два идеала языческой мудрости145: один — Апол-лон, бог знанья, солнца и гордыни, другой — Дионис, бог тайны, неги и
сладострастия.

Оба время от времени воскресают. Последним воплощением дель-фий-
ского бога солнца и гордыни был «сей чудный муж, посланник про-виде-
нья, свершитель роковой безвестного веленья... сей хладный крово-пийца,
сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари»146, — Наполеон. В самые
темные времена, среди воплей проповедников смирения и смерти, воскре-
сает и другой демон, «женообразный, сладострастный», — со своею песнью на *пире во время чумы:*

Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы —
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие чумы!
Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении чумы!

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог147!

Это упоение ужаса еще яснее выражено в *Египетских ночахш*. Клеопатра, бросающая поклонникам своим вызов: «...свою любовь я продаю:
скажите: кто меж вами купит ценою жизни ночь мою»149, является воплощением демона Вакха в образе женщины. На вызов отвечают три мужа, три героя — римский воин, греческий мудрец и безымянный отрок, «любезный сердцу и очам, как вешний цвет едва развитый», с первым пухом юности на щеках, с глазами, сияющими детским восторгом, столь невинный и бесстрашный, что сама беспощадная царица остановила на нем взор с умилением:

Свершилось! Куплено три ночи.
И ложе смерти их зовет.

Но рядом со смертью — какая нега, какая беззаботная полнота жизни, освобожденной от добра и зла:

Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Фонтаны бьют, горят лампады.
Курится легкий фимиам
И сладострастные прохлады
Земным готовятся *богамт*.

Они достойны этого фимиама — избранники Диониса, герои сладострастия, ибо, увлекаемые безмерностью своих желаний, они преступили границы человеческого существа и сделались «как боги».

В страстях самых низких Пушкин, которого в этом отношении можно сравнить только с Шекспиром, находит черты героизма и царственного величия. Человек не хочет быть человеком: все равно, в какую бы то ни было пропасть, — только бы прочь от самого себя.

Необходимым условием всякого творчества, которому суждено иметь

всемирно-историческое значение, является присутствие и в различных
степенях гармонии взаимодействие двух начал — нового мистицизма как
отречения от своего *«Я»* в Боге и язычества как обожествления своего
«Я» в героизме.
Дух Возрождения освободил язычество из-под гнета католицизма и в то же
время освободил родники христианского чувства из-под развалин и об-
ломков язычества, схоластики и варварской латыни166. Два мировых нача-
ла в первый раз встретились в духе Возрождения и вступили в живое
взаимодействие, в борьбу как два равноправных, равносильных бойца.
Достижимо ли полное примирение? Это — неразрешенный, быть может,
даже неразрешимый, вопрос будущего.
То, что Пушкин смутно предчувствовал, Гёте видел лицом к лицу.
Как ни велик *Фауст* — замысел его еще больше, и весь этот необъятный замысел основан на сознании трагизма, вытекающего из двойствен-
ности мира и духа, на сознании противоположности двух начал:
Из этого разлада двух стихий — *«двух душ, живущих в одной груди»*, возникает двойник Фауста, самый страшный из демонов, — Мефи-
стофель. Борьба Отца Светов с духом тьмы, борьба этих вечных врагов в
сердце человека, неутолимо жаждущем единства, — таков смысл траге-
дии Гёте. Небо и ад, благословения ангелов и проклятья демонов, христи-
анская мученица любви Маргарита и языческая героиня Елена, дух се-
верной готики и дух эллинской древности, сладострастные ведьмы на
Брокене и священные призраки умерших богов над Фессалийскою равни-
ною, самоубийство мудреца, достигшего предела знаний, и детская ра-

> дость пасхальных колоколов, поющих «Христос воскресе», — от начала
> до конца во всей поэме стихия восстает на стихию, мир борется с миром — и над всем веет дух гармонии, дух творца поэмы»

2. «СЛАБОСТЬ» ХРИСТИАНСКОГО СМИРЕНИЯ ТОЛСТОГО И ДОСТОЕВСКОГО

Однако, в конечном итоге Пушкин остается таким же слабаком, как и вся русская литература, которая не признала языческих героев — полубогов и терпит их на своих страницах только в показательно-воспитательных целях. Более того, Пушкин в конечном итоге изменяет своему благородному синтезу и дает крен в сторону христианского смирения: его Евгений Онегин — этот тот самый западный байронический герой с демоническим бунтом против Бога — заканчивает плачевно, проигрывая абсолютно героине христианского смирения Татьяне. Этим первым русским романом Пушкин задал направление всей русской литературе уверяет Мережковский, которая после него казнит на своих страницах западную языческую гордыню, жертвуя ею для победы христианского смирения.

Д. С. Мережковский «Пушкин»:

> «То, что нерешительно и слабо пробивается, как первая струя нового течения, в *Кавказском пленнике*, что достигает зрелости в *Цыганах* и *Галубе*, получает здесь, в заключительной сцене первого русского романа,
> совершенное выражение. Пушкин *Евгением Онегиным* очертил горизонт
> русской литературы, и все последующие писатели должны были двигаться и развиваться в пределах этого горизонта. Жестокость Печорина и доброта Максима Максимовича, победа сердца Веры над отрицанием Марка Волохова, укрощение нигилиста Базарова ужасом смерти, смире-

> ние Наполеона-Раскольникова, читающего Евангелие, наконец, вся жизнь
> и все творчество Льва Толстого — вот последовательные ступени в раз-
> витии и воплощении того, что угадано Пушкиным106.
> «Я думаю, — замечает Смирнова, — что Пушкин — серьезно ве-
> рующий, но он про это никогда не говорит. Глинка рассказал мне, что он
> раз застал его с Евангелием в руках, причем Пушкин сказал ему: «вот
> единственная книга в мире — в ней все есть»»

С этих пор христианство русской литературы создает «бесконечную галерею портретов слабости, калек, неудач». «Если бы иностранец поверил Гоголю, Тургеневу, Гончарову, — говорит Мережковский — то русский народ должен бы представиться ему народом, единственным в истории отрицающим самую сущность героической воли». Однако, Ренан в «Истории Израильского народа» указал другой такой народ, который в основу своей священной борьбы и священной истории положил не только борьбу с государством, как Мережковский, но и борьбу «анавим с арицим», то есть святых покровителей слабых с элитой сильных, угнетающих народ.

Д. С. Мережковский «Пушкин»:

> «По-видимому, явления столь гармонические, как Пушкин и Гёте,
> предрекали искусству XIX века новое Возрождение, новую попытку при-
> мирения двух миров, которое начато было итальянским Возрождением
> XV века. Но этим предзнаменованиям не суждено было исполниться:
> уже Байрон нарушил гармонию поэта-олимпийца, и потом, шаг за шагом,
> XIX век все обострял, все углублял разлад, чтобы дойти наконец до по-
> следних пределов напряжения — до небывалого, безобразного противо-
> речия двух начал в лице безумного язычника Фридриха Ничше и, быть,

может, не менее безумного галилеянина Льва Толстого.
Тургенев создает бесконечную галерею, по его мнению, истинно рус-
ских героев, то есть
героев слабости, калек, неудачников. Он окружает свои «живые мо-
щи»
ореолом той самой галилейской поэзии, которой окружены образы
Татья-
ны, Тазита, старого цыгана. Он достигает наивысшей степени доступ-
ного
ему вдохновения, показывая преимущества слабости перед силой,
малого
перед великим, смиренного перед гордым, добродушного безумия
Дон-Ки-
хота перед злою мудростью Гамлета. У Тургенева единственный
сильный
русский человек — нигилист Базаров. Конечно, автор *Отцов и детей*
настолько объективный художник, что относится к своему герою без
гнева
и пристрастия, но он все-таки не может простить ему силы. Поэт как
будто
говорит нам, указывая на Базарова и не замечая, что это вовсе
не герой,
а такой же недоносок, неудачник, как его «лишние люди», ничего
не соз-
дающий, обреченный на гибель: «вы хотели видеть сильного русско-
го че-
ловека — вот вам сильный! Смотрите же, какая узость и ограничен-
ность
воли, направленной на разрушение; какая грубость и неуклю-
жесть пе-
ред нежною тайною любви; какое ничтожество перед величием
смерти.
Вот чего стоят ваши герои, ваши русские сильные люди!». Ес-
ли бы ино-
странец поверил Гоголю, Тургеневу, Гончарову, то русский народ дол-
жен
бы представиться ему народом, единственным в истории отрицаю-
щим са-
мую сущность героической воли. Если бы глубина русского духа ис-
чер-
пывалась *только* христианским смирением, *только* самопожертво-
ванием,

то откуда эта «божия гроза», это великолепие, этот избыток удачи, воли,
веселия, которые чувствуются в Петре и в Пушкине?
Но это еще не последняя ступень. Гоголь, Тургенев, Гончаров кажутся писателями, полными уравновешенности и здоровья по сравнению с
Достоевским и Львом Толстым. Без того уже захудалые и полумертвые
русские герои, русские сильные люди — Базаров и Марк Волохов, оживут еще раз в лице Раскольникова, Ивана Карамазова, в уродливых видениях «бесов», чтобы подвергнуться последней казни, самой утонченной
адской пытке в страшных руках этого демона жалости и мучительства —
великого инквизитора Достоевского.
Последовательнее Тургенева Достоевский еще и в другом отношении:
он не скрывает своей славянофильской гордости, не заигрывает с культурою Запада. Эллинская красота кажется ему Содомом, римская сила —
царством Антихриста. Чему может научиться смиренная, юная, богоносная Россия у гордого, дряхлого, безбожного Запада?
Тем не менее как художник он ближе к Пушкину, чем Тургенев и
Гончаров. Это единственный из русских писателей, который воспроизводит *сознательно* борьбу двух миров. Великая душа Достоевского — как
бы поле сражения, потрясаемое, окровавленное, полное скрежетом и воплями раненых, — поле, на котором сошлись два непримиримых врага.
Кто победит? Никто никогда. Эта борьба безысходна.
Казалось бы — вот предел, дальше которого идти некуда. Но Лев
Толстой доказал, что можно пойти и дальше по той же дороге.
Лев Толстой есть антипод, совершенная противоположность и отрицание Пушкина в русской литературе. И, как это часто бывает, противоположности обманывают поверхностных наблюдателей внешними сходст-

> вами. И у Пушкина, и у теперешнего Льва Толстого — единство, равно-
> весие, примирение. Но единство Пушкина основано на гармоническом
> соединении двух миров; единство Льва Толстого — на полном разъеди-
> нении, разрыве, насилии, совершенном над одной из двух равно вели-
> ких, равно божественных стихий. Спокойствие и тишина Пушкина свиде-
> тельствуют о полноте жизни; спокойствие и тишина Льва Толстого — об окаменелой неподвижности, омертвении целого мира.
> Многознаменательно, что величайшее из произведений Льва Толстого развенчивает то последнее воплощение героического духа в истории, в
> котором недаром находили неотразимое обаяние все, кто в демократии
> XIX века сохранил искру прометеева огня — Байрон, Гёте, Пушкин, да-
> же Лермонтов и Гейне. Наполеон184 превращается в *Войне и мире* даже
> не в нигилиста-Раскольникова, даже не в одного из чудовищных «бесов»
> Достоевского, все-таки окруженных ореолом ужаса, а в маленького по-
> шлого проходимца, мещански самодовольного и прозаического, надушен-
> ного одеколоном, с жирными ляжками, обтянутыми лосиною, с мелкою и
> грубою душою французского лавочника, в комического генерала Бона-
> парта московских лубочных картин. Вот когда достигнута последняя сту-
> пень в бездну, вот когда некуда дальше идти, ибо здесь дух черни, дух
> торжествующей пошлости кощунствует над Духом Божиим, над благо- датным и страшным явлением героя».

Д. С. Мережковский «Достоевский»:

> «Байрон создал нового человека, новую героическую душу — в Корса-
> ре, Чайльд-Гарольде, Каине, Манфреде. В то время в воздухе носились

семена, зародыши тех настроений, которые сумел выразить поэт.
Жюльен Сорель, — герой великого, но, к сожалению, мало известного в России романа Стендаля *Le Rouge et le Noir*32* — по духу родной брат байроновских героев, хотя он создан совершенно самостоятельно,
помимо влияния Байрона.
Манфред и Жюльен Сорель — родоначальники героев, наполнивших литературу XIX века, — отдаленные отпрыски их сложного генеалогиче-
ского дерева простираются до нашего времени.
и в Манфреде, и
в Раскольникове есть нечто мировое, вечное, связанное с основами чело-
веческой природы и вследствие этого повторяющееся в самых различных
обстановках.
В герое Достоевского та же ненависть к толпе, тот же страстный протест против общества, как и в байроновских типах. Он тоже презирает
людей, видит в них насекомых, которых «властелин» имеет право разда-
вить. Пролив кровь, он тоже считает себя не виноватым, а только непо-
нятым.
Хищное и гордое начало его природы возмущается. В сосредоточенной ненависти к людям он превзошел даже байроновских героев.
Этот тонкий и стройный молодой человек, с огненными черными гла-
зами и бледным лицом, внушает им почтение или даже суеверный страх.
Простые люди видят в нем что-то *«демоническое»*. Соня прямо говорит,
что «Бог его предал дьяволу»36. Человек из толпы, Разумихин, сознавая
его неправоту, преклоняется и почти трепещет перед ним. Как байронов-
ские герои, он обладает громадной силой, но тратит ее без пользы, пото му что он тоже слишком мечтатель, в нем тоже нет ничего практического,
он презирает действительность.
Автор не думает скрывать или прикрашивать его слабости. Он пока-

> зывает, что гордость, одиночество, преступление Раскольникова происходят не от силы и превосходства его над людьми, а, скорее, от недостатка любви и знания жизни. Прежний грандиозный и мрачный герой сведен с пьедестала и развенчан. Корсар, Жюльен постоянно рисуются, как будто играют роль, наивно верят в свою правоту и силу. А герой Достоевского уже сомневается, прав ли он. Те умирают непримиримыми, а для него это состояние гордого одиночества и разрыва с людьми только временный кризис, *переход к другому миросозерцанию.*
>
> В Раскольникове крайнее развитие личности, одинокой, мятежной и восставшей против общества, достигло последней границы — той черты, за которою или гибель, или переход к другому миросозерцанию. Он дошел путем ожесточенного протеста до отрицания нравственных законов, до того, что наконец сверг с себя как ненужное бремя, как предрассудок все обязательства долга. Он «по *совести* позволил себе кровь». На людей смотрит он даже не как на рабов, а как на гадких насекомых, которых следует раздавить, если они мешают герою. На этой ледяной теоретической высоте, в этом одиночестве кончается всякая жизнь. И Раскольников неминуемо должен бы погибнуть, если бы в душе его не было скрыто другое начало. Достоевский довел его до момента, когда в нем пробуждается подавленное, но не убитое религиозное чувство.
>
> Автор покидает героя в ту минуту, когда он на каторге в Сибири задумался над Евангелием, еще не смея открыть его».

3. УЛЬТРАПУРПУРОВЫЙ ЦВЕТ РЕЛИГИОЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ СОЦИАЛИСТОВ-ХРИСТИАН

Но почему же в конечном итоге из демонического бунта Лермонтова революционера никак не получается (Лермонтов — революционер — это вздор, говорит Мережковский), а христианское смирение Достоевского и Толстого делают их Пророками и Вождями Русской Религиозной Революции?

Не потому ли, что Языческие Герои — это только колос на глиняных ногах, а истинное христианское смирение — это настоящая сила Истинного Я, духовной энергии Интеллекта. Те кто сохраняет абсолютную свободу в мышлении, подчиняясь только голосу разума и фактам действительности — самые отчаянные борцы за царство божие, обладающие единственной силой доступной человеку — силой интеллекта. Христианское смирение не есть отказ от борьбы, ибо христианство в своей суть есть борьба со злом. Христианское смирение есть отрицание суеты тщеславия, но только на этом пути отрицания ложного Я обретается сила истинного Я — сила духовной энергии человечества.

Поэтому нетрудно решить, за кем на самом деле сила, а за кем слабость: за теми ли, кто прославляет колос на глиняных ногах языческих героев полубогов, или за теми, кто ставит целью своих произведений показать всю иллюзорность «силы» суетного тщеславия, как это делает русская литература. И конечно, не Толстой и не Достоевский проявили слабость в своем христианском смирении, ибо нож интеллектуального анализа из разума заточен до абсолютной остроты: и тот и другой со свободой титанов режут и анализируют христианские догматы, доказывая тем самым что отказавшись от ложного Эго, они со всей мощью утвердили силу истинного Я — свободу мышления.

И в том что они сознательно отказываются от плодов современной им западной культуры опять сила, а не слабость, причем абсолютно согласная с мнением самого Мережковского, который провозглашает победу Материализма, позитивизма, скепти-

цизма, эмпиризма как сатанизм Грядущего Хама и абсолютного мещанства: «абсолютное мещанство — абсолютное свинство». Так в чем же провинились Толстой и Достоевский, если они видели этого Грядущего Хама дарвинизма до Мережковского и сознательно отвернулись от него, пользуясь все той же абсолютной свободой своего христианского смирения?

И вот Мережковский вынужден констатировать на практике тот факт, о котором пишет Ренан в «Жизни Иисуса», где он утверждает, что Евангелие Христа будет поднимать народы на освободительные движения пока однажды не победит церковь. И где Ренан пророчески предупреждает, что без Христа никакого социализма никогда быть не может, что социализм придет только вместе с Христовой церковью, а значит настоящие революционеры — это революционеры –христиане. О том же пишет П. Новгородцев, современник Мережковского, эмигрировавший как и он заграницу после революции в «Лекциях об истории философии права»: начиная с революции Кромвеля, затем Американской революции, которая стала источником Французской революции — все великие освободительные бунты поднимались теорией естественных прав человека, содержащейся в Евангелии.

Теперь нетрудно понять, почему в романе Достоевского сыщики много больше опасаются «социалистов –христиан чем социалистов –безбожников», и почему красные знамена революционеров –материалистов меркнут перед ультрапурпуровым цветом религиозной революции.

Д.С.Мережковский «Пророк русской революции»:

> «Один из слушателей беседы старца Зосима с Иваном Карамазовым, русский атеист и либерал, вспоминает слова сказанные ему в Париже «не то что сыщиком, а в роде управляющего целою командой политических сыщиков».
> «- Мы собственно, этих всех социал-анархистов, безбожников и революционеров, не очень то и опасаемся; мы за ними следим и ходы их нам известны. Но есть из них, хотя и немного, несколько особенных людей: это в Бога верующие и христиане, а в то же время и социалисты. Вот этих то мы больше всех опасаемся; это

страшный народ. Социалист-христианин страшнее социалиста-безбожника». Слова эти и тогда меня поразили, но теперь у вас господа, они мне как-то припомнились.
— То есть вы их прикладываете к нам и в нас видите социалистов? — прямо и без обиняков спросил отец Паисий».
Вопрос этот остается без ответа, а между тем это самый важный все решающий вопрос для религиозно-общественных идей Достоевского. Ответ, впрочем, для нас теперь уже ясен: конечно, старец Зосима, отец Паисий, Иван Карамазов, и сам Достоевский, с точки зрения не только французских и русских сыщиков, но и тех кого эти сыщики преследуют, — опаснейшие бунтовщики, революционеры и анархисты. Красные знамена политических восстаний бледнеют перед этим невиданным ультрапурпуровым цветом религиозной революции. Такова последняя сущность общественных идей Достоевского, которую проглядели одинаково как русские реакционеры, так и русские революционеры».

Д. С. Мережковский «Толстой и Революция»:

«ведь вся его собственная жизнь — не что иное, как вечный внутренний бунт, вечная внутренняя революция. Не должно ли, наконец, внутреннее слиться с внешним? Доныне бунтовал он за себя против всех; не начнет ли, наконец, бунта за всех против себя?
«Накиньте намыленную веревку на мою старую шею!» — что значит этот крик последнего одиночества, это обратное «моление о чаше»: да не идет чаша сия мимо меня?
Не задумается ли он, почему мимо него идет чаша, почему Голгофа для него в том, что нет Голгофы, крест для него в том, что нет креста? А для тех, кого он явно проклял и кому, может быть, втайне завидует, — тысячи крестов, тысячи «намыленных веревок»?
Откровение абсолютной личности, откровение Христа совершается во всех делах человеческих; но сейчас, в России, больше, чем во всем остальном, — в русском освобождении, которое ведь и есть не что иное, как освобождение, восстановление абсолютной личности в порабощенном и поруганном лице народа. Сейчас, в России, или нигде, или в освобождении — Христос. Или русский народ не несет креста своего, или этот крест — освобождение.
И Толстой не один, а только со всем русским народом сможет поднять свой крест.
Что он это сделает, особенно хочется верить сегодня, когда против воли других, против воли своей оказался он лучезарным средоточием русской свободы. Он осудил ее, она оправдала его; он проклял ее, она благословляет его; он развенчал ее, она венчает его. Сегодня

> враги русской свободы — враги Толстого; друзья его — ее друзья. Сегодня он и она — одно. Хотят ли этого или не хотят, праздник Толстого — праздник русской революции.
> Когда это поймет и он, тогда исполнится его желание: мы не только увенчаем его, как художника, но и пойдем за ним, как за пророком. Как пророк русского и всемирного освобождения, пока живо человечество, будет жив Толстой».

ГЛАВА 4. АНТИХРИСТ НЕРОН. РОЖДЕНИЕ ЗВЕРЯ ИЗ ПЕНЫ ЭЛЛАДЫ

1. АФРОДИТА-ЭРОС — ЗВЕРЬ АПОКАЛИПСИСА, ПОРОЖДЕННЫЙ ЭЛЛАДОЙ

Вот как много мы узнаем о греческой богине любви и красоты и в краткой сводке из Википедии: Рождена от «детородного члена», отрезанного у бога Урана и брошенного в море: из этой пены рождается богиня любви и красоты. Имеет мужа труженика, бога Гефеста, того самого который сделал для Ахиллеса его знаменитый щит, но сама бездельница по определению, способна и обязана внушать всем влюбленность и похоть, и не имеющая права работать (разделение труда между богами0олимпийцами). От мужа детей не имеет, но множество детей от связей с другими богами. Так, от знаменитого Бога Вакха имеет сына Приапа: «Испугавшись большого полового органа своего новорождённого сына Приапа, оставила его в лесу одного». Не только гулящая жена, но и отвратительная мать, не только бездельница, но и безумная: «Афродита первой бросилась с Левкадской скалы, чтобы излечиться от любви к Адонису». Адониса погубил ее другой любовник Арес, от которого Афродита родила самого знаменитого бога любви — Эрота. Она не только изменница, но и преступница, потому что тех, кто отказывается от ее раз-

врата она нещадно преследует и умерщвляет. Иными словами, согласно эллинской культуре «все хорошие девочки пойдут в ад», и это противоречит культуре иудейской и христианской.

> «Была безжалостна к тем, кто отвергает любовь. Помогая любящим, Афродита преследовала тех, кто пренебрегал её культом и отвергал любовь. Она была причиной смерти Ипполита и Нарцисса, внушила противоестественную любовь Пасифае и Мирре и наделила отвратительным запахом женщин с Лемноса. Афродита жестоко наказала Аталанту, которая хотела оставаться девственницей». Нам также сообщается, что «Согласно Евгемеру, Афродита — женщина, которая изобрела проституцию».

Наконец, это та самая богиня, которая внушила преступную любовь Парису и Елене, и спровоцировала этим эпохальную Троянскую войну, на которую прибыли все греческие государства того времени.. «Во время вызванного Эридой спора о том, какая богиня — Гера, Афина или Афродита — самая красивая, Парис принял решение в пользу Афродиты и отдал ей золотое яблоко. За это она пообещала Парису любовь Елены, помогла ему похитить её и следила за прочностью их союза, хотя Елена и бранила её. Во вспыхнувшей по этой причине Троянской войне Афродита защищала троянцев». Будучи бессовестной супругой, изменявшей своему мужу Гефесту с кем попало, она втягивает в свои безобразия и Елену, вынуждая ее бросить мужа Менелая и бежать с царевичем Парисом. Вот нравственный облик греческой богини любви и красоты, вдохновившей самых великих художников на создание шедевров знаменитого эллинского искусства. Поклонение Красоте и непревзойденные высоты в искусстве — таковы основные черты эллинской культуры.

Всем известно о великой роли Греции в становлении мировой цивилизации. На том пути «от мифа к логосу», на котором мы движемся к научной цивилизации, вклад Античной Греции с ее рационалистической философией Пифагора, Сократа и Платона оказался решающим в свое время наряду с другими народами откровения осевого времени. Об этом очень много сказано, и нет смысла повторять эти восторженные эпитеты опять. Ибо это так и есть.

Однако, я не помню, чтобы кто-нибудь указал и обратное влияние Греции, принесшей миру не только откровение от бога, но и тяжелую болезнь юного интеллекта, заблудившегося на поле Эгосистемы — шизоидность. Я много писала об этом в своих работах, но не припомню чтобы кто то еще поставил акцент на темной стороне влияния греческой культуры на цивилизацию. О «раздвоении» Греции пишуь со времен Ницше, который выделили две противоположные линии культуры: линию Аппполона (рационализма) и линию Диониса — Вакха (магического сознания варваров). Однако, мало кто наряду с положительным влиянием линии рационализма подчеркнул столь же отрицательное влияние вакхического начала в эллинской культуре, то есть ее закоренелого язычества. А ведь именно язычество победило в конечном итоге в древней Греции, казнившей Сократа за оскорбление Олимпийских богов в его рационалистической философии признававшей только одного бога — Интеллект, бога разума и совести, противного, как мы видели на примере Афродиты, ее любовников и детей, безнравственности вакхического язычества.

> **«Вакхана́лия** (лат. *bacchanalia*) — оргиастические и мистические празднества в честь бога Вакха (Диониса), шедшие с Востока через Грецию и распространившиеся сначала на юг Италии и Этрурии, а ко II в. до н. э. — по всей Италии и в Риме.
> В расширительном толковании — любое разгульное пиршество, оргия; в переносном смысле — широкий спектр состояний беспорядка, от мелкой локальной неорганизованности до газетной гиперболы, характеризующей широкомасштабный разгул своеволия, буйства и зачастую насилия в широких общественных масштабах».

Разве приходится удивляться, что Иудеи ответили восстанием Маккавеев на попытки насильно насаждать этот греческий культ бога Диониса (Вакха) в Иудее? А между тем, даже Ренан который сообщает об этом факте в «Истории Израильского народа», хоть и не одобряет насильственного насаждения какой либо культуры вообще, и в частности вакханалий, а все же общий тон его рассуждений — критика иудеев за то, что отказа-

лись от «солнца эллинской культуры». Ницше, разделив Греческую культуры на антитезу рационального и вакхического начал, становится, как известно на сторону вакхического начала. В то же время, римские писатели сатирики, о которых пишет в своем очерке К. Марта «Философы и поэты –моралисты во времена Римской империи», очень хорошо знали цену языческой культуре Греции, которую они противопоставляли истинной философии Сократа и Платона.

Гораций в своих сатирах высмеивает «Афродиту — Елену», чье величие в пагубных и низких страстях, губящих человечества, и в целом отзывается об «Илиаде» Гомера, которая воспевает войну и прелюбодеяние и жертвует им невинных и детей и дружбу — «безумием». В том же роде, в каком Л. Клейн пишет, что с течением времени именно «плач по Патроклу» как проклятие войны и низких страстей тщеславия и разврата становится главное темой эпоса.

Гораций, Книга 1 Сатира 3:

> Тут уклонились они от войны; города укрепили;
> Против воров, любодеев, разбойников дали законы:
> Ибо и прежде Елены велись из-за похоти бабьей
> Стыдные войны не раз; но все, кто в скотском порыве
> Рвался страсть утолить, от сильной руки погибали
> Смертью бесславной — как бык погибает, убитый сильнейшим

Гораций, Книга 2 Сатира 3:

> Молви, Атрид, почему хоронить не велишь ты Аякса?
> ≪Царь я — вот мой ответ!≫ — Ну, что ж! я — плебей, я смолкаю. —
> — Царь! за что же Аякс, сей герой, второй по Ахилле,
> Греков спасавший не раз, истлевает под небом открытым?
> Или на радость Приаму и Трое лишен погребенья
> Тот, кем их юноши были могил лишены в их отчизне?
> ≪Нет, а за то, что казнил он овец, восклицая, что режет
> Он Менелая, Улисса, меня!≫ — А когда ты в Авлиде
> Милую дочь, как телицу, привел к алтарю и осыпал
> Солью с мукою ей голову, был ли ты в здравом рассудке? —
> ≪Что за вопрос?≫ — Но безумный Аякс перерезал лишь стадо,

Много ли в этом вреда? Ни жену он не тронул, ни сына:
Только Атридам, Атридам одним грозил он расправой —
Тевкру не сделал он зла, не коснулся он даже Улисса. —
≪Я же, чтоб ветер попутный судам от враждебного брега
Боги послали, хотел смячить их той жертвенной кровью≫.
— Чьею? своею, безумный? — ≪Своей, но совсем не безумный!≫
— Всякий безумным слывет, которому ум затмевает
Призраков ложных игра, взметаемых пагубной страстью,
Гнев ли причиной тому или попросту глупость людская.
Пусть был безумен Аякс, поражающий агнцев невинных;
Но неужели ты сам разумен и чист от порока,
Если спокойно творишь преступления почестей ради?
Если б кто вздумал носить на покойных носилках овечку,
Шить ей, как дочери, платье, дарить ожерелья, служанок,
Куколкой, девочкой ласково звать и готовить для брака,
Верно бы претор ему запретил управленье именьем
И передал бы его хозяйство родным под опеку.
Ну, а если кто дочь настоящую вместо овечки
В жертву приносит богам, — ужели он в здравом рассудке?
Всюду, где глупость — там и безумие; где преступленье —
Там и припадок; а там, где погоня за хрупкою славой, —
Там помраченье ума, как от грохота ярой Беллоны!
Бросишь ли признаки страсти, все эти запястья, повязки,
Эти венки, как бросил их он, вином упоенный,
Только услышав случайно философа слово, который
В школе своей натощак проповедовал юношам мудрость!
Столь же разумный слуга между тем говорит: ≪Господин мой,
То, в чем ни меры, ни смысла, — никак под законы рассудка
Нам подвести невозможно. В любви ведь это и худо:
В ней то война, то последует мир. Но кто захотел бы
Сделать то постоянным, что переменно, как ветер
Или как случай, — это все то же, как если б он вздумал
Жить как безумный и вместе по точным законам рассудка!≫
Как? когда ты гадаешь и зернышки яблок бросаешь,
Чтобы попасть в потолок, неужели ты в здравом рассудке?..
Как? когда ты, беззубый, лепечешь любовные речи,
То умнее ль ребенка, который домики строит?
Вспомни и кровь и железо, которыми тушат сей пламень;
Вспомни Мария: он, заколовши несчастную Геллу,
Бросился сам со скалы и погиб; не безумец ли был он?
Если же это безумие ты назовешь преступленьем,
В сущности будет все то же, различие только в названье!

Ювенал, Сатира 3:

«Высказать я поспешу, — и стыд мне не будет помехой, Что за народ стал приятнее всем богачам нашим римским: Я ж от него и бегу. Перенесть не могу я, квириты, Греческий Рим! Пусть слой невелик осевших ахейцев, Но ведь давно уж Оронт сирийский стал Тибра притоком, Внес свой обычай, язык, самбуку с косыми струнами, Флейтщиц своих, тимпаны туземные, разных девчонок: Велено им возле цирка стоять. — Идите, кто любит Этих развратных баб в их пестрых варварских лентах! Твой селянин, Квирин, оделся теперь паразитом, Знаком побед цирковых отличил умащенную шею! Греки же все, — кто с высот Сикиона, а кто амидонец, Этот с Андроса, а тот с Самоса, из Тралл, Алабанды, Все стремятся к холму Эсквилинскому иль Виминалу, В недра знатных домов, где будут они господами. Ум их проворен, отчаянна дерзость, а быстрая речь их Как у Исея течет. Скажи, за кого ты считаешь Этого мужа, что носит в себе кого только хочешь: Ритор, грамматик, авгур, геометр, художник, цирюльник, Канатоходец, и врач, и маг, — все с голоду знает Этот маленький грек; велишь — залезет на небо; Тот, кто на крыльях летал, — не мавр, не сармат, не фракиец, Нет, это был человек, родившийся в самых Афинах

Поверить легко, что не маска актера Женщина там говорит: настолько пусто и гладко Под животом у нее, где тонкая щелка двоится. Греков нельзя удивить ни Стратоклом, ни Антиохом, Ни обаятельным Гемом с Деметрием: комедианты Весь их народ. Где смех у тебя — у них сотрясенье Громкого хохота, плач — при виде слезы у другого, Вовсе без скорби. Когда ты зимой попросишь жаровню, Грек оденется в шерсть; скажешь «жарко» — он уж потеет. С ними никак не сравнимся мы: лучший здесь тот, кто умеет Денно и нощно носить на себе чужую личину, Руки свои воздевать, хвалить покровителя-друга, Как он ловко рыгнул, как здорово он помочился, Как он, выпятив зад, затрещал с золоченого судна. Похоти их нет преграды, для них ничего нет святого: Будь то семейства мать, будь дочь-девица, будь даже Сам безбородый жених или сын, дотоле стыдливый; Если нет никого, грек валит и бабушку друга Все-то боятся его: он знает домашние тайны. Раз уж о греках зашла наша речь, прогуляйся в гимнасий, Слышишь, что говорят о проступках высшего рода: Стоиком слывший старик, уроженец того побережья, Где опустилось перо крылатой клячи Горгоны, Друг и учитель Бареи, Барею угробил доносом. Римлянам места нет, где уже воцарился какой-то Иль Протоген, иль Дифил, иль Гермарх, что по скверной привычке Другом владеет один, никогда и ни с кем не деляся; Стоит лишь греку вло-

> жить в легковерное ухо патрона Малую долю отрав, естественных этой породе, Гонят с порога меня, и забыты былые услуги»

Ювенал, Сатира 6:

> «С самых старинных времен ведется, мой Постум, обычай Портить чужую постель, издеваться над святостью ложа. Скоро железный век все другие принес преступленья, Первых развратников знали уже и в серебряном веке.
> Трагика любит. — Не жди, чтоб влюбились в Квинтилиана. Женишься ты, а жене настоящим окажется мужем Иль Эхион-кифаред, иль Глафир, или флейта-Амброзий. Ставьте подмостки в длину всех улиц узких, богато Лавром украсьте все косяки и дверные пороги: Лентула знатный сынок в своей черепаховой люльке Весь в Эвриала пошел иль в другого еще мирмиллона! Бросивши мужа, жена сенатора Эппия с цирком В Фарос бежала, на Нил и к славному городу Лага; Сам Каноп осудил развращенные нравы столицы: Эта блудница, забыв о супруге, о доме, о сестрах, Родиной пренебрегла, позабыла и детские слезы, После же — странно совсем — и Париса забросила с цирком.
> Хуже всего, что супруга себя не признает красивой, Если не сможет себя из этруски сделать гречанкой, Из сульмонянки — афинянкой чистой: все, как у греков. Хоть и позорнее нашим не знать родимой латыни, Греческой речью боязнь выражается, гнев и забота, Радость и все их душевные тайны. Чего еще больше? Любят, и то — как гречанки! Простительно девушкам это; Ну, а вот ты — девяносто тебе уже скоро ведь — тоже Хочешь по-гречески? Нет, для старух эта речь непристойна, Сколько уж раз говоришь ты по-гречески так похотливо: «Жизнь ты моя и душа»; при всех произносишь, что было Только что под одеялом! Бесстыдно-разнеженный голос Похоть разбудит у всех, захватит, как пальцами; пусть же Перья спадут, и лицо твои годы выдаст, хотя бы Ты говорила нежнее, чем Гем, нежней Карпофора.
> Спросишь: откуда же гнусность такая и в чем ее корни? Некогда скромный удел охранял непорочность латинок, И небольшие дома не давали внедряться порокам Там, где был труд, где недолог был сон, и грубые рук Были от пряжи этрусской жестки, а к самому Риму Шел Ганнибал, и мужья охраняли Коллинскую башню. Ныне же терпим мы зло от долгого мира: свирепей Войн налегла на нас роскошь и мстит за всех побежденных. Римская бедность прошла, с этих пор у нас — все преступленья И всевозможный разврат; на наши холмы просочился Яд Сибариса, Родоса, Милета, отрава Тарента, Где и венки и разгул и где господствует пьянство. Деньги пре-

> зренные сразу внесли иностранные нравы; Нежит богатство, — оно развратило роскошью гнусной 300 Все поколение: нету забот у прелестницы пьяной»

Д. С. Мережковский игнорирует эту темную вакхическую сторону, завещанную великой греческой культурой, и понимает ее «язычество» как «самоутверждение я», которым следует восхищаться и которое следует заимствовать. А между тем, ведь так очевидно, что именно с этого Вакха-Диониса, Афродиты –Эроса начинается тот Грядущий Хам, тот Зверь Апокалипсиса, которого он увидит только в 20-м веке, и так и не сумеет идентифицировать. Попробуем восполнить этот пробел в пророчествах Мережковского. Ведь и Жюльен Бенда в своем знаменитом очерке «Предательство Интеллектуалов», где он тоже разоблачает Грядущего Хама Мережковского, тоже не сумел узнать Зверя в его зародыше в язычестве античной Греции, и выделяет только положительную, рациональную линию греческой культуры противопоставляя ее агностицизму и эмпиризму немецкого идеализма. Но разве не Греции -родина скептиков, софистов, агностиков, эмпириков, циников также как она остается родиной рационализма? Впрочем, Ж. Бенда все же отмечает, что «предательство интеллектуалов» против истины и этики началось еще в Древней Греции и нашло отражение в споре Сократа с Калликлом в диалогах Платона: Платоновский Сократ на стороне истины и справедливости, тогда как Калликл утверждает что все решает сила и целесообразность. Но замечает, Бенда, тогда позиция Калликла возбуждала всеобщее возмущение, а сейчас ей аплодируют.

Ж. Бенда «Предательство Интеллектуалов»:

> «Мы только говорим, что интеллектуалы, впавшие в такой фанатизм, изменили своему предназначению, ибо оно заключается в том, чтобы в противовес несправедливости, на которую обрекает народы поклонение земному, составлять корпорацию, поддерживающую единственный культ — культ истины и справедливости. Правда, эти новые интеллектуалы заявляют, что им неведомо, что такое справедливость, истина или другие ≪метафизические туманности≫; что

> для них истинное определяется полезным, а справедливое — обстоятельствами. Все это высказывал еще Калликл, с тем, однако, различием, что он возбуждал негодование влиятельных мыслителей своей эпохи. ...Можно отметить и такую инновацию интеллектуалов. До наших дней люди знали только два учения о связи политики и морали: по Платону, ≪мораль определяет политику≫, по Ма- киавелли, ≪политика не имеет никакого отношения к морали≫. Теперь они знают третье: ≪Политика, — назидает Моррас, — определяет мораль≫. Однако истинная новизна не в том, что людям преподносят эту догму, а в том, что они к ней прислушиваются. Еще Калликл объявлял, что сила — единственная мораль; но мыслящий мир презирал его. Воспитатели человеческой души, принимающие сторону Калликла против Сократа, — вот революция, которая, смею сказать, важнее всех политических переворотов»

Действительно, хотя и тогда эти дебаты Сократа с языческой Грецией закончились его казнью, в эпоху Ренессанса и Нового времени, именно движение Калликлов, разрушающих метафизику интеллекта Платона, его рационалистическую философию становится ведущим и оформляется в того Грядущего Хама торжествующего эмпиризма, позитивизма, материализма, агностицизма, цинизма, который вскоре вместе с утвердившейся парадигмой Социального Дарвинизма, станет уже не просто отрицанием Бога как истины и этики, но утверждением Анти – Бога, Сатаны в Сатанинской библии Ла Вея, основанной на положениях Социального Дарвинизма.

К. Марта в очерке «Философы и поэты –моралисты во времена Римской империи» рассказывает на примере обращения Диона Хризостома из софиста в философа о том, какая пропасть лежала между тщеславными и глупыми софистами с одной стороны и философами –платониками с другой стороны, определяя софистов и платоников как «зло и добро», как «безумие и разум» соответственно.

К. Марта «Философы и поэты –моралисты во времена Римской империи»:

> «В эту эпоху философия было своего рода религией, налагавшей по крайней мере добродетельную внешность. ...Мы ничего

> не говорим об их нравах, так как догадаться о них легко. Сердце слишком близко к уму для того, чтобы испорченность одного не перешла к другому. Невозможно было вполне предаваться легкомысленной игре ума, мелочной изысканности тщеславия, не отказавшись от истинного уважения к самому себе, и от гордости честного человека. Потому то их раздоры, зависть и скупость были так же известны, как их надменность, а их сладострастная жизнь была такова, что подала даже повод к появлению поговорки: жить как софист.… Мы видим у Филострата, Эвнапа чем сделалось красноречие благодаря отсутствию предмета: пустой декламацией, театральной игрой, с позами гистриона и блестящими одеждами, с женственным пением, словом, достойной забавой праздного и раболепного общества. Ничего великого и разумного не могло выйти из этих хотя и любопытных а подчас и трагичных, но смешных состязаний, так как ценою борьбы было лишь удовлетворение самолюбия, и так как самая борьба была не более как битвой двух тщеславий. …Софистов узнавали по их распущенным нравам и надменным манерам, а философов по их достойному поведению и осанке. Вступление в философию было как бы назидательным обращением на истинный путь, выход из нее был каким-то позорным отступничеством.
> Это доказывается и счастливой переменой в жизни Диона, и противоположным
> примером некоего Аристокла, строгого и скромного перипатетика, дерзнувшего на старости лет сделаться софистом. Он объехал все театры Италии, чтобы участвовать в ораторских состязаниях, и приняв нравы своей новой профессии, огорчил всех честных людей своими беспутными выходками.
> Сам Дион с интересным простодушием рассказал о своем обращении. Трогательная исповедь, простота кото-
> рой может нас удивить со стороны софиста, некогда напыщенного самим собой. Два он начал размышлять о совести и нравственности, он заметил что люди не более как безумцы, занятые тщеславием, деньгами и удовольствиями. Тогда он впервые увидел свое собственное безумие, замечает Дион с истинным смирением философа, который отказался от тщеславия софиста».

Мережковский упрекает Достоевского в том, что тот видит в красоте эллинского искусства «только Содом разврата». Однако, правда на стороне Достоевского, если великий свой талант греческие скульпторы поставили на прославление языческих богов, которые в действительности оказываются воплощением

зла, Демоном Лермонтова, что «блистая неземною красой», одержим только порочными мыслями о развращении юных дев. Не красота виновата в сатанизме греческого Диониса Вакха, Афродиты-Эрота, а тот факт, что красоту поставили на службу магическому сознанию поля Эгосистемы. Ибо, единственный дьявол — это материальная энергия психики, весь дьяволизм которой состоит в том, что она разрушает живую и разумную энергию духа — фундаментальную энергию психики человека. Поле Эгосистемы — самая обыкновенная детерминированная законами природы энергия, такая же как электрическая или механическая энергия например. И сама по себе никакого «зла» не представляет. Ее зло в том, что это паразит, который может существовать только за счет ресурсов энергии духа, поля Интеллекта человека. «Магическое сознание» поля Эгосистемы называется так не потому что действительно обладает какой то волшебной силой, а потому что это «кривое зеркало» чувственного восприятия, которое отражает только две фигуры — самого человека и весь остальной мир, как две противостоящие силы, Эго и СуперЭго. Такую картину дает физический контроль закона сохранения силы психики, порождая «магическое сознание» как фигуры Эго и СуперЭго — полюса силового поля материальной энергии. Что отражают эти две фигуры? Фрейд, который обнаружил их опытным путем в процессе анализа психики многих своих пациентов, отмечал что это прежде всего система: Эго и СуперЭго всегда вместе, и во вторых что это противостоящие фигуры, то есть на языке энергетики «плюс и минус силового поля». Что они отражают? Это количественная абстракция «силы», в которой все разнообразные энергии природы сводятся к единой количественной абстракции силового давления. Чье давление больше Эго или СуперЭго — таков смысл этого кривого зеркала физического контроля закона сохранения силы. Леви-Брюль в «Первобытном сознании» отмечает, что «страх сверхъестественных сил» есть доминирующая мотивация всего поведения аборигенов. Понятно, что «сверхъестественные силы» — это искажение информации о человеке

и мире в кривом зеркале Эгосистемы как количественной абстракции всего двух сил, где весь мир противостоит человеку. А страх — это реакция на картину, запускаемая законом сохранения силы психики, на картину силе Эго противостоит сила всего мира. Вот собственно как просто расшифровывается «магическое сознание» и как вовсе не сверхъестественен дьявол — материальная энергия психики.

Однако, для человека эта материальная энергия есть настоящий дьявол, поскольку она разрушает его разумную, живую, этическую, мощную энергию научного контроля — его духовную энергию. Конечно, этот процесс будет остановлен как только научный контроль духовной энергии будет иметь знания о механизмах материальной энергии психики (открытие психической энергии) и сможет нейтрализовать поле Эгосистемы через снятие эгозащиты (я много об этом писала в своих предыдущих монографиях). А пока, автоматизмы законов природы, которыми детерминирована материальная энергия, и есть то самое «бессознательное», чье угрожающее влияние на сознание человека было открыто Фрейдом.

Красота, сила, богатства — все это имеет значение и свою истинную ценность поскольку происходит из духовной энергии человека, из его способности к научному контролю, из его интеллекта и живых эмоций поля Интеллекта. Однако, с рождением настоящего интеллекта в Греции — родился и фиктивный интеллект, который вместо фактов действительности заблудился в кривое зеркало поля Эгосистемы. Такой интеллект — ложный, потому что видит своей задачей не открытие и контроль законов природы, а защиту Эго от СуперЭго — то есть вмешивается в автоматизмы материальной энергии (и ломает их, в этом тайна шизофрении). Это и есть философии Человекобога как у Ницше и подобных ему «языческих героев», которые противопоставляют себя всему миру и богу, в гордом Сатанизме или же в Сверхчеловечестве, или же в Дендизме, когда Красота становится целью вместо всесилия.

Таким образом, фиктивный интеллект превращает настоящую природу — ее красоты, ее разнообразные энергии — в ко-

личественную абстракцию силового давления кривого зеркала Эгосистемы. То есть в безумие, которое разрушает прежде всего их самих.

Но это безумие всегда однотипно, потому что в его основе всегда один и тот же механизм: сводить весь мир к борьбе двух количественных абстракций силового давления: Эго как ложное Я и СуперЭго как ложное восприятие мира в виде противостоящего врага, которого надо уничтожить. Вот почему этому полю незнакома совесть и справедливость (этика) составляющие основу поля Интеллекта, где закон сохранения силы показывает человеку совсем другую картину: единство духовной энергии человечества в его взаимодействии (научном контроле) со средой.

Божественное Откровение (поле Интеллекта духовной энергии) великой греческой рациональной философии Пифагора, Сократа и Платона (и всех истинных ученых) породило великую культуру, эстетику, искусство и красоту. А Язычество варварского магического сознания поля Эгосистемы превратило эту красоту в Эгозащиту, в фабрикацию Полубогов и Человекобогов, Гибрис Эго, через фиктивный шизоидный интеллект, который тоже в это время получает свое развитие и будет развиваться вплоть до открытия психической энергии. Так рождаются одновременно и Богочеловк истиной рациональной философии и Человекобог шизоидной Эгозащиты, Бог и Дьявол в культуре человека.

Красота становится только орудием в борьбе Сверхчеловеков за свое превосходство, за победы друг над другом в тщеславной погоне за славой, становится той количественной абстракцией силового давления, которая выхолащивает до абсурда и бессмыслице все поведение человека. «Дендизм», который так метко раскритиковал Альберт Камю в «Бунтующем человеке» есть прямое порождение этого культа эстетики греческого язычества. Ему же поклоняется и Ницше, возродитель Диониса — Вакха.

Те же самые процессы происходят с государством и «богатствами» как продуктами труда человека. Они выхолащиваются до количественной абстракции в борьбе тщеславие за силовое

давление друг на друга. Государство превращается в бога-Левиафана, в «машину для насилия», в самоцель или иначе в абсурд, как всякая мотивация поля Эгосистемы. «Богатства», которые на самом деле есть продукты труда и необходимое сырье для работы духа, научного контроля, также превращаются в самоцель, в количественную абстракцию денег, и также становятся объектом культа сами по себе, как красота и государство. Это тот «золотой телец», тот истукан на глиняных ногах материальной энергии психики, который получает свое рождение здесь, в шизоидности языческого Гибрис Эго.

Гений греков создал естественное право законов природы, которое получит свое развитие в философии Цицерона и в Римской Империи святого Марка Аврелия. Болезнь юного интеллекта, шизоидность Гибрис Эго создала (в теории Калликлов) государство как машину для насилия, который получит свое развитие в Риме безумных императоров, в Риме Антихриста Нерона, и в Левиафанах всех последующих сверхчеловеков язычества — в концлагерях Гитлера, в ГУЛАГах Сталина. Гений греков создал социализм государства Платона и пифагорейских общи и прославил этику как законы природы единого духа человечества — совесть, справедливость сочувствие и отражают единство истинного человеческого «Я», как мощной энергии научного контроля, сила которой в дружбе и в доступе к силе всех прочих детерминированных энергий природы. Болезнь юного интеллекта, шизоидность Гибрис Эго создала Сверхчеловеков поля Эгосистемы, которые на смерть сражаются за доказательство друг другу своего абсолютного превосходства во всем: в красоте, в силе, в деньгах. «Дендизм», тот демонизм эстетического противостоящего этике божественного, как ложное Эго истинному Я, над которым посмеялся Кьеркегор в «Болезни к смерти», в «Или-Или» станет развитием этого болезненного извращения красоты. Американское «общество потребления», станет развитием культа денег, где все человеческое получило свое выражение в количественной абстракции денег, и таким образом превратилось в абсурд, в поклонение истукану на глиняных ногах. Так что в конечном

итоге правы те, кто искал раздеть Демона Лермонтова, «блиставшего неземной красотой», чтобы найти обыкновенного черта Достоевского «с длинным хвостом как у датской собаки».

2. ПРИТЯЖЕНИЕ САМОЛЮБИЯ И ВЛЮБЛЕННОСТИ, САДОМАЗОХИЗМ: ЦИКЛИЧЕСКИЙ ГОМЕОСТАЗ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ

Персидский Дьявол, как полная противоположность богу, как зло противостоящее добру, первая абстракция зла, которая потом будет заимствована в другие религии. Однако, он еще слишком абстрактен, чтобы оказывать большое влияние на культуру. Даже иудейский и христианский Сатана, который пришел туда из персидского зороастризма, если верить Ренану, тоже очень абстрактен. Он «отец лжи, человекоубийца» и тот кто искушал Христа земными царствами. Больше мы о нем ничего не знаем.

Зато Дьявол греческого язычества абсолютно конкретен, и в этом секрет его громадного влияния на человеческую культуру. Греческий Дьявол — Дионис-Вакх, Афродита-Эрос — это бог сладострастия, бог половой любви, чье божественное происхождение должна подтвердить «неземная красота». Вот что делает языческого дьявола греков таким живым.

Дело в том, что Поле Эгосистемы материальной энергии психики — это поле циклического гомеостаза двух эмоциональных притяжений — Самолюбия и Влюбленности. Что это значит? Все материальные энергии природы (детерминированные энергии), как доказывали Вильгельм Оствальд, Эрнст Мах, Гельм, — имеют в своей основе механизм баланса-дисбаланса, то есть циклического движения энергии, провоцируемого неравновесием между двумя противоположными величинами: разница температур, разница давлений, разница электрических зарядов. Это неравновесие провоцирует ток энергию в сторону равновесия — уравнивания температур, давлений, зарядов.

И тогда ток энергии останавливается. И чтобы его возобновить, надо возобновить состояние неравновесия. В этом смысл циклического движения равновесия –неравновесия, которому подчинены все материальные энергии. Оствальд в этой связи приводит даже примером с движением рек, текущих в моря — ведь это движение провоцируется разницей в высоте. Все течет через этот механизм циклического гомеостаза, кроме духовной энергии человека, чье движение обусловлено полюсами Интеллекта: Активный (мышление) и Пассивный (законы природы). Страсть к познанию есть двигатель духовной энергии, вот почему это единственный случай не кругового, а линейного движения и устойчивого равновесия: человек постигает законы природы, умножает свои знания. Сила духа растет и умножается, доступ к истине законов природы гарантирует устойчивое равновесие.

Совсем не то в случае с материальной энергией психики, с поле Эгосистемы в основе которой обычный циклический гомеостаз всех природных энергий. «Неравновесие» в данном случае ощущается как «голод». Неравновесие одинаково ощущается как «голод» и для биологической энергии и для психической энергии. На примере циклического гомеостаза биологической энергии мы можем приблизиться к пониманию поля Эгосистемы. Голод пищевой, голод половой, голод тепловой, голод кислородный — это двигатели биологической энергии. Неравновесие голода приводит в действие организм — поиски пищи, поиски тепла, поиски полового партнера. В этих циклах от голода к удовлетворению проходит вся жизнь животного.

Поле Эгосистемы действует по тому же принципу. Кривое зеркало магического сознания — сила Эго против силы СуперЭго — провоцирует «страх сверхъестественных сил» (у дикарей эти «загрузки СуперЭго природа, потому они поклоняются тотемам, у современных людей загрузки СуперЭго социальный мир, потому они поклоняются „авторитетам“, как доказали эксперименты Милграма). Так возникает „голод“ поля Эгосистемы: страх его движущий мотив. Если поле Эгосистемы показывает

что Эго меньше чем СуперЭго — то возникает эмоциональное притяжение Влюбленности (например у тех, кто на низших ступенях соцлестницы смотрит на верхние слои, „авторитеты“). Если поле Эгосистемы показывает обратную картину, что Эго больше чем СуперЭго в данном случае (если „загрузки СуперЭго“ у человека который смотрит сверху соцлестницы на тех кто обитает внизу), то возникает эмоциональное притяжение Самовлюбленности. Эти два притяжения взаимно необходимы друг другу, потому что это „голод“ поля Эгосистемы, который удовлетворяется противоположными притяжениями: Самовлюбленности нужны те, кто в нее влюблены, а Влюбленности нужны те, кто их подчинит и будет ими командовать. Это отношения насилия, „господства и подчинения“, садомазохизма, существо которых в циклическом равновесии-неравновесии поля Эгосистемы. Отношения эти всегда недолговечны, потому что „маски“ кривого зеркала Эго и СуперЭго» ложные, и когда образы господина и раба размываются, начинается поиск нового равновесия «господства и подчинения». Это те отношения, которые Фромм в «Человек для себя» и «Искусство любви» обозначает как отношения садомазохизма, как ложную любовь, как патологию психики. Здесь четко прослеживается аналогия с «голодом» и циклическим гомеостазом биологической энергии: садомазохизм в отношениях людей есть психическое поедание, уничтожение друг друга, существо этих отношений — насилие, жестокость, злорадство, убийство, эксплуатация. Это физический контроль мертвой энергии, который не знает совести и морали, а знает только закон количественной абстракции силы — чье силовое давление больше. Это «машина для насилия», как Ленин определил государство Левиафан, основанное на физическом контроле поля Эгосистемы. Поэтому этим людям так нравится Социальный Дарвинизм — он действительно весьма правдоподобно описывает сущность отношений людей с активным полем Эгосистемы.

Б. Рассел, «Борьба за счастье»:

> «Лучшая любовь та, которая обеспечивает взаимное дарование жизни; каждый получает любовь с радостью и дарит без усилий, и каждый находит мир значительно более интересным в результате этого взаимного счастья. Имеется, однако, и другая любовь, вне сомнений ненормальная, когда один человек высасывает энергию другого человека, один получает от другого все, а сам взамен не дает ничего. Многие энергичные люди принадлежат к этой категории кровопийц. Они обескровливают одну жертву за другой, и пока они процветают и становятся все более обольстительными, те, на ком они наживаются, бледнеют, хиреют и глупеют. Такие люди видят других только как средства для своих целей, и никогда не рассматривают их как людей самих по себе. У них нет реальной заинтересованности в людях, которых как им кажется они сейчас любят; они заинтересованы только в стимулах для своей собственной деятельности, возможно весьма безличного характера. По всей очевидности это следствие ущербности личности этих людей, но болезнь эта трудна для диагностирования и лечения».

В этой цитате из книги Бертрана Рассела «Борьба за счастье», которую я сама переводила, ставится вопрос о том, что голод «кровопийц» называется любовью. Действительно, мы привыкли слышать, что «все есть любовь». Синяки регулярно избиваемой жены — это любовь, торговля сутенеров проститутками — это любовь, разлагающий разврат последователей маркиза Сада — это любовь, и так далее и так далее. Так ли это? Если искать общее, то можно сказать, что все есть — «голод». Тигр который поедает косулю, несомненно, любит косулю, также как человек поедающий баранину (Рассел проводит эту аналогию в «Предложенных дорогах к свободе»). Кушая баранину, человек любит баранину, психически поедая человека ему подчинившегося, господин любит раба, а раб любит господина. Это механизм голода материальной энергии, и он одинаково работает и на уровне биологической энергии, и на уровне психической энергии. Шекспир в Отелло формулирует это так: «Мужчина брюхо, а жена — еда, он ее жрет и жрет», хотя конечно, может быть и обратная картина, чаще все таки именно мужчины поедают женщин, о чем писала Симона де Бовуар. Джон Стюар Милль в «Свободе женщин» так-

же безапелляционно заявляет, что закон силы, который вроде бы перестал действовать со времен варварства, все еще полностью сохранился в «своей главной цитадели» — в отношениях мужчин и женщин, и чтобы окончательно победить рабство, мы должны победить его в этой главной цитадели. Герберт Спенсер в «Социальной статике» пишет, что есть прямая пропорциональная зависимость между магическим сознанием варваров (аборигенов, дикарей) и «поклонением, благоговением страхом перед силой (awe of power), и что там где правит закон насилия, нет и не может быть морали, это всегда лживые, бесчестные и жестокие садисты.

Так должны ли мы называть все человеческие отношения «любовью» или мы должны строго разделять «голод садомазохизма» материальной энергии психики и любовь, или лучше скажем дружба, поскольку любовь еще долго будет нести смысловую путаницу, духовной энергии поля Интеллекта (живой и разумной, моральной энергии человека).

Итак, мы противопоставили «голод садомазохизма» — дружбе духовной энергии, как зло — добру, как бога — дьяволу, как мертвое — живому, как безумное — разумному.

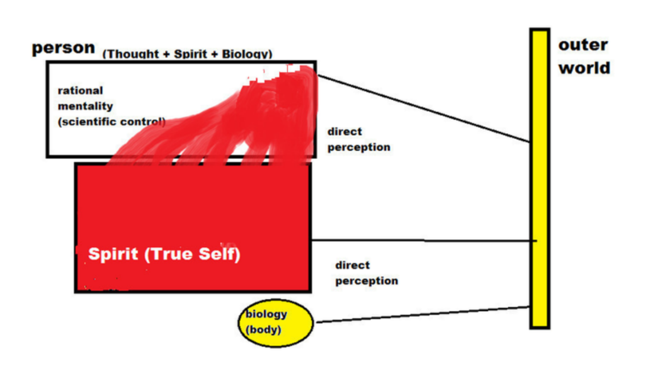
Как нам отличить одно от другого? Именно этот вопрос стоит в центре работы Эриха Фромма «Искусство любить». Там Фромм подчеркивает принципиальную разницу в том, что «садомазохизм» (это его термин) ложных отношений — это «fusion without integrity», то есть соединение без единства, соприкосновение без слияния, контакт на самой поверхности ложного «Я», который разделяет, а не соединяет истинное «Я» людей. Там же он указывает что садист (господин) так же нуждается в мазохисте (рабе) как раб в господине, то есть подчеркивает взаимодополняющий характер двух притяжений — Самолюбия и Влюбленности как частей единого циклического гомеостаза. Так же подчеркивает временный характер (цикличность) этих союзов, и одиночество партнеров, которые остаются всегда одни за своими масками (загрузки Эго). Фромм не забывает указать, что такая «невротическая мотива-

ция» оказывает патологическое влияние в том числе на биологическую мотивацию человека, расстраивая отношения уже на уровне половых отношений. Ненасыщаемость циклического гомеостаза, постоянно провоцирующего голод, и проявляется в неспособности увидеть и понять друг друга за масками поля Эгосистемы. Зависть, ревность, злорадство, взаимное мучительство, ложь, лицемерие, страх, — весь букет отношений на поле Эгосистемы и называется «соединением которое разделяет» или соединением ложных Эго и разделением истинных «Я».

И напротив, настоящие отношения людей — это всегда дружба, единство истинных «я», преодоление одиночества, искренность, моральные отношения совести и сочувствия, все то что Фромм называет «братской любовью», уверяя что братские отношения людей лежат в основе всех истинных отношений, в том числе эротических.

Теперь понятно, почему люди проглядели за языческим Дионисом-Вакхом, Афродитой — Эротом — безобразный облик Дьявола, и почему именно боги сладострастия стали самыми живучими богами в мертвой культуре дарвинизма. Проглядели потому что скрылись за священным именем «любовь» — к чему они не имели никакого отношения. Оказались столпами общества дарвинизма потому что это общество мертвой энергии поля Эгосистемы. А боги сладострастия — это дьяволы ненасыщаемого «голода садомазохизма», дьяволы порока и разврата, Содом и Гоморра, чье «сладострастие» во всем его сатанизме запечатлено в гимнах «преступлению» и «Проституции» маркиза Сада.

Именно тот факт, что поле Эгосистемы есть поле голода садомазохизма и отражен во всем мифологическом творчестве языческих богов Олимпа: их аморализм, их порочность, их преступность, их безмерное тщеславие, их ненасытная похоть. И все это до поры до времени скрывается в «романтике великой красоты», «великой силы», «великого наслаждения». Но далеко ли великой любви Афродиты с богами олимпийцами

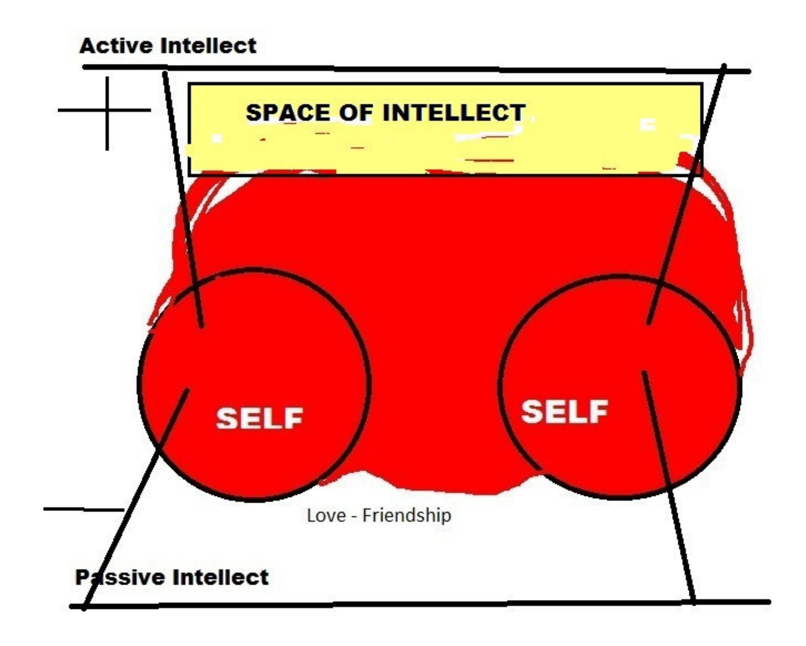
до современной американской проститутки, следящей чтоб соответствовать красоте Афродиты? И далеко ли Елене до Клеопатры, погубившей Цезаря и Антония и наложившей на себя руки? Далеко ли от Дон Жуана, который заменяет великую любовь к одной на любовь к великому множеству женщин? И далеко ли от бескорыстной любви к великому множеству обиженных женщин до соединения поклонения красоте и деньгам, до торговли соблазненными женщинами? И вот уже основной закон государства маркиза Сада в действии — все обязаны заниматься проституцией. Не все ли проститутки в обществе, где все можно выразить в деньгах? И вот в итоге, демон неземной красоты Лермонтова — обыкновенный черт, а богиня сладострастия — истукан на глиняных ногах.

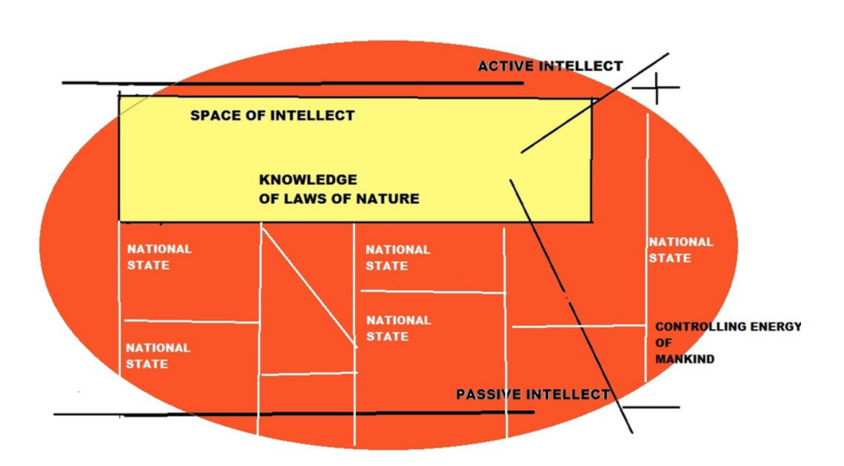
1) Поле Интеллекта: тайна одного, тайна двух и тайна трех

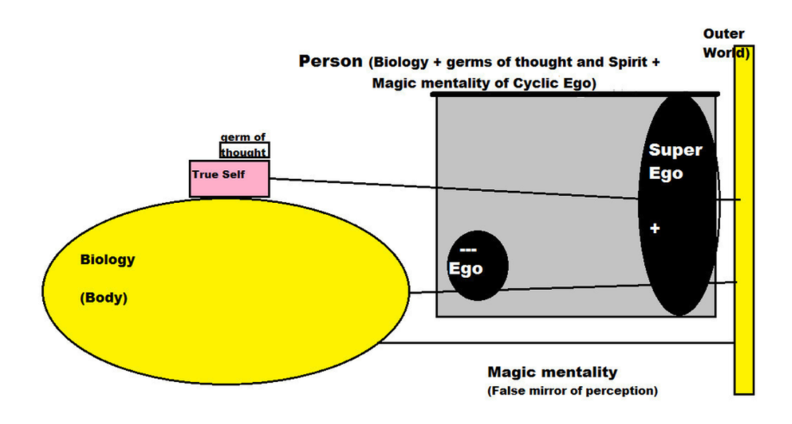
2) Поле Эгосистемы: тайна одного (обычное Эго магического сознания и Гибрис Эго фиктивного интеллекта), тайна двух, тайна трех

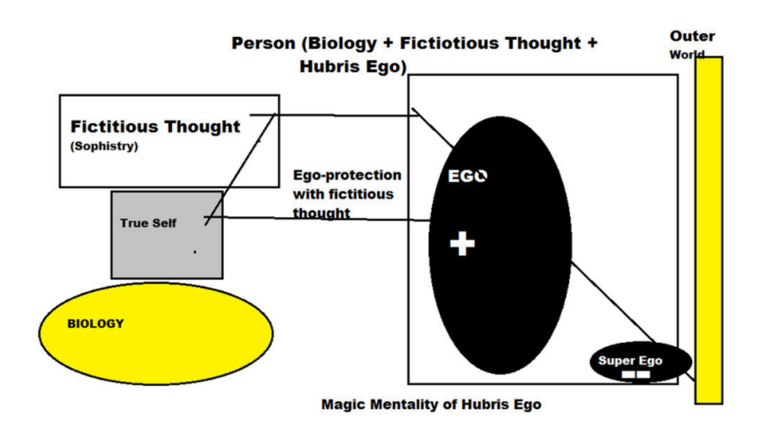
Э. Ренан «История Израильского народа»:

> «Таким образом у римлян, сделавшихся господами всего мира расцвело взяточничество не имевшее себе равных ни до ни после этого времени. Римляне того времени гиганты, но гиганты побежденные

Active Intellect
SPACE OF INTELLECT
SELF
SELF
Love - Friendship
Passive Intellect

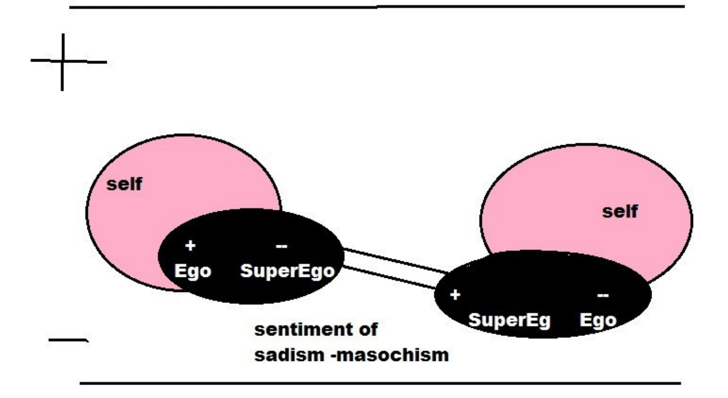

ACTIVE INTELLECT
SPACE OF INTELLECT
KNOWLEDGE
OF LAWS OF NATURE
NATIONAL
STATE
NATIONAL
STATE
NATIONAL
STATE
NATIONAL
STATE
NATIONAL
STATE
CONTROLLING ENERGY
OF
MANKIND
PASSIVE INTELLECT

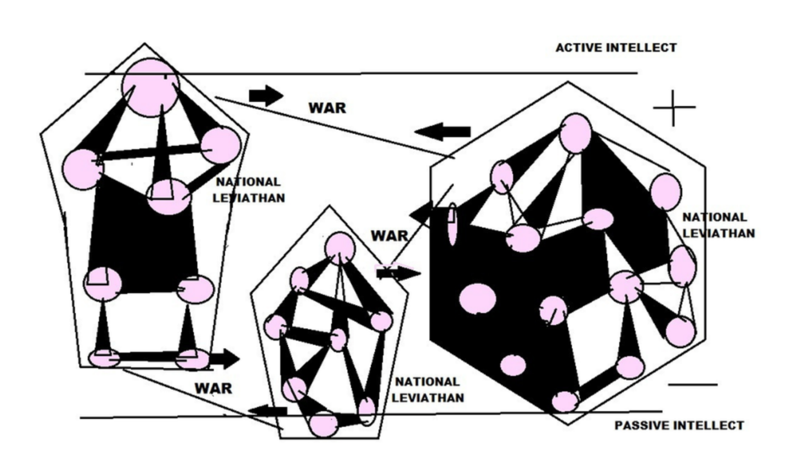

> одной страстью, важные, жадные, слдострастные. Это золото, эти новые наслаждения вскружили им голову. Римляне и греки познакомились с роскошью, римские генералы поддались искушению беспутной жизни. Антоний, в особенности, сделался настоящим идиотом. Этот человек, несравненный в сражении, казалось потерял рассудок. Его жизнь в продолжении десяти лет была лишена всякого смысла,. Она была сплошным развратом»

Гораций, Книга 1, Сатира 1:

> Очень много людей твердят, опьяняясь корыстью:
> ≪Мало нам, мало всего! ведь нас по богатству лишь ценят!≫
> С этими что толковать! Пускай их мучатся вволю!
> Был же в Афинах один скупец, богатый и гнусный —

> Он презирал людскую молву, говоря о гражданах:
> ≪Пусть их освищут меня, говорит, но зато я в ладоши
> Хлопаю дома себе, как хочу, на сундук свой любуясь!≫
> Так вот и Тантал сидел в воде, а вода убегала
> Дальше и дальше от уст... Чему ты смеешься?
> Лишь имя Стоит тебе изменить, — не твоя ли история это?..
> Так ведь и ты над деньгами проводишь бессонные ночи,
> Их осужденный беречь как святыню; любуешься ими,
> Точно картиной какой!
> Все ненавидят тебя! Ты дивишься? Чему же? Ты деньги
> В мире всему предпочел, — за что же любить тебя людям?
> Если ты хочешь родных, без труда твоего и заботы
> Данных природой тебе, и друзей удержать за собою, —
> Тщетны надежды твои: с таким же успехом осленка
> Мог бы ты приучать к ристанью на Марсовом поле!

И вот уже Мережковский, который одинаково не мог принять, ни «государства силы» российского, ни «Общества потребления» западного, и чувствовал себя во Франции подобно Герцену и Солженицыну «угодило зернышко промеж жерновов», но подобно им оставался там, где больше свободы, видит в своих языческих героях, только «абсолютное мещанство и абсолютное свинство». Действительно, когда рушатся воздушные замки бредовых мифов о богинях сладострастия, о великой силе наслаждения и красоты, в голый остаток выпадает только разврат и свинство. Толстой в «Крейцеровой сонате» прямо говорит, что «Романтика» светских женщин также превращает все их поведение и стремления по сути, если не по внешности в проституцию, и что в этом смысле нет разницы между жизнью света и публичными домами, где все одержимы самолюбием и влюбленностью. Флобер, книги которого Толстой включает в «круг чтения», в «Госпоже Бовари» показывает то же безумие романтики, которое заканчивается смертью героини. Однако, в наше время целесообразности, когда культ денег соединился с культом сладострастия языческих героев — развращенных и изнасилованных женщин больше не убивают, х учат становится товарами «Общества потребления», ставить цену на свою «красоту» и гордиться ценником.

Люди-товары в рыночной экономике исследуются в «Здоровом обществе» Фромма.

«Только подумай об этом вселенском мещанстве, — дважды цитирует письмо Герцена Мережковский в „Грядущем Хаме“, жалуясь на победивший дарвинизм, — и у тебя волы встанут дыбом». И у последнего действительно волосы становятся дыбом: вот уже от языческих богинь остался только истукан на глиняных ногах: абсолютное мещанство — абсолютное свинство.

Д. С. Мережковский «Цветы мещанства»:

> «Уходя с митинга, я попал из одной толпы в другую. На площади Республики по случаю воскресного дня устроено было гулянье, балаганы, карусели с музыкой. Ночь была тихая, теплая. Полный месяц стоял на безоблачном небе. Но в ослепительно белом, как бы дневном свете электричества гасло ночное светило. В одной из каруселей бегали вместо лошадок исполинские свиньи; хвостики закручены колечками; розовые голые тела как живые; оскаленные морды точно смеются, и в маленьких глазках лукавство, как будто что-то знают, да сказать не хотят. Музыка играла военный марш, и с быстротой головокружительной мчались верхом на свиньях мужчины, женщины, дети. Они тоже смеялись.
> И вдруг мне почудилось здесь то же, что там, на митинге: какой-то достигнутый предел, наступившая вечность, тишь да гладь, Божия благодать «Серединного Царства», «земного неба». Тоска, как во сне, сжала мне сердце. Что-то жуткое, вещее, как будто апокалипсическое, было в этой черной толпе и в свете солнц ночных, гасящих лунный свет, и в розово-голых, смеющихся свиньях» Что в одном, то и во всех; что наверху, то и внизу. Там, на площади Республики, в черной толпе и в розово-голых, смеющихся свиньях — глубокий чернозем, жирный навоз, а здесь — благоуханный цветок, как бы мистическая роза мещанства. Абсолютное мещанство — абсолютное свинство».

3. АНТИХРИСТ НЕРОН

В статье «Пророк русской революции» Д. С. Мережковский наконец произносит имена настоящих антихристов — безумных императоров Римской империи: Нероны, Тиберии, Калигулы.

Ведь известно, что история Рима, как история Греции глубоко раздвоена: был великий Рим великих императоров — Цезаря, Августа, Веспасиана и Тита, Нервы, Траяна, Адриана, Антонинов, Юлиана Отступника, Александра Севера, и был падший Рим, Содом безумных развратников — Тиберия, Калигулы, Нерона, Коммода, Каракалы, Гелиогабала.

Мережковский теперь четко указывает на языческих Сверчеловеков — императоров Содома — как на Антихристов. И здесь он наконец, соединяется с Эрнестом Ренаном, другим таким же неутомимым искателем Третьего Завета: они оба указывают на Нерона как Зверя Апокалипсиса и воплощение Антихриста, которое еще не раз появится на земле до победы Царствия Божьего.

Действительно, Нерон — это несомненное Гибрис Эго, шизоидность фиктивного интеллекта языческой культуры Греции. Он — «литератор», страстный поклонник греческой литературы, вырастивший в себе громадное Гибрис Эго языческих Человекобогов — Олимпийцев. Он безумен в своих поисках всемирной славы артиста и литератора, он добивается поездки в Грецию для обретения этой славы великого Олимпийского Бога и получает ее. И наконец, он же подобно Вакху и Афродите, великий бог сладострастия, который не останавливается ни перед одним преступлением, ни перед одним извращением, чтобы насытить раздутое тщеславием пламя сладострастия, которое остается вечно ненасыщаемым.

Это именно тот человек, с которого святой Иоанн напишет Зверя Апокалипсиса, ибо это он прольет реки крови христиан, подвергнув их невиданным дотоле зверствам. Именно тот Антихрист, который со всей очевидностью скажет людям всей своей жизнью: нет и не может быть середины, синтеза между языческими героями красоты, силы и наслаждения с одной стороны и благочестивыми людьми единого бога разума и этики с другой стороны, — будь то бог-интеллект Платона и Сократа, Ахура-Мазда Заратустры, Яхве иудеев или Иисус у христиан. Олимпийские боги красоты и сладострастия — машины для насилия, чье

величие в количестве побитых и изнасилованных, а благочестие единого бога разума и совести — напротив в игнорировании силы ради силы, в отсутствии «голода садомазохизма» и в стремлении к единству братского духа в церкви дружбы и научного контроля.

1) НЕРОН — БЕЗУМНЫЙ АРТИСТ –ЛИТЕРАТОР, ПОКЛОННИК ГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

Э. Ренан «Антихрист»:

> «Бешеное помешательство Нерона дошло до своего апогея. Это было самое ужасное из событий, какие видал мир. Мир находился во власти чудовища. В отношении Нерона это было нечто ужасное и карикатурное, грандиозное и абсурдное. Так как цезарь был очень начитан, то и безумие его было главным образом литературным. Мечты всех веков, все поэмы, все легенды, Бахус и Сарданапал, Нин и Приам, Троя и Вавилон, Гомер и пошлая современная пиитика — все это создало хаос в бедной голове артиста, посредственного, но весьма самоуверенного, которому случай дал власть осуществить все свои химеры.
> В этом отношении Сенека причинил своему воспитаннику своим плохим литературным вкусом гораздо больше вреда, нежели принес ему пользу своей прекрасной философией. Сперва эти странности у Нерона казались безобидными; обезьяна любовалась на самое себя некоторое время и сохраняла позу, которой ее научили. Жестокость обнаружилась у него только после смерти Агриппины; очень скоро он всецело отдался этому чувству. С этого времени каждый год его жизни отмечен преступлениями: Бурра нет, и весь мир думает, что Нерон его убил; Октавия сошла в могилу, покрытая позором; Сенека в опале, с часу на час ожидает решения своей участи, думая только о пытке, закаляя свою мысль размышлениями о мучениях, стараясь доказать себе, что смерть есть освобождение. Тигеллин властвует надо всеми, сатурналия в полном разгаре. Нерон ежедневно возвещает, что одно лишь искусство следует считать серьезным делом, что всякая добродетель — ложь, что порядочный человек это тот, кто умеет всем злоупотреблять, все терять, все расточать. Добродетельный человек в его глазах лицемер, мятежник, опасная личность и прежде всего — соперник; когда он узнает о какой-нибудь ужасной подлости, оправдывающей его теорию, то испытывает припадок радости. Обна-

> руживалась вся политическая опасность кичливости и того ложного духа соревнования, которые с самого начала являлись червями, подтачивавшими латинскую культуру. Комедианту удалось завладеть правом жизни и смерти своей аудитории; дилетант угрожал людям пыткой, если они не будут восхищаться его виршами. Мономан, опьяненный литературным мелочным тщеславием, обративший преподанные ему великие истины в каннибальское шутовство, свирепый шалопай, гоняющийся за аплодисментами уличных пошляков, — вот каков был владыка великой империи. Подобной нелепости никогда еще не видано было в мире. Восточные деспоты, грозные и важные, никогда не раздражались безумным хохотом, не предавались невоздержанностям эстетического распутства. Самое ужасное зрелище он представлял, когда на манер декламации играл своими угрызениями совести и брал их темой своих стихов. Со свойственным ему одному мелодраматическим видом он говорил, будто фурии терзают его, цитировал греческие стихи об отцеубийцах. Его как будто бы сотворил бог иронии, чтобы дать себе представление об ужасном хаосе человеческой натуры
> Истинные римляне с полным правом негодовали против распространения восточных привычек. Но уже было неизбежно, чтобы более старая и более изношенная цивилизация укротила более молодую путем развращения ее. Еще Антоний и Клеопатра мечтали о восточной империи. Самому Нерону внушали идею о подобной же царской власти. Доведенный до крайности, он думал просить себе префектуру Египта. Начиная с Августа и до Константина каждый год приносил с собой новые победы части империи, говорившей на греческом языке, над частью, говорившей на латинском. надо помнить, что в то время безумие было в воздухе».

2) НЕРОН — БЕЗУМНОЕ ТЩЕСЛАВИЕ ГРЕЧЕСКОГО ОЛИМПИЙСКОГО БОГА: САМЫЙ КРАСИВЫЙ ИЗ ВСЕХ ГОЛОСОВ НА ПЛАНЕТЕ

Э. Ренан «Антихрист»:

> «В то время, как римская власть потерпела на Востоке такое кровное оскорбление, Нерон, переходя от преступления к преступлению, от одного безумства к другому, всецело отдавался своим химерам претенциозного артиста. Вместе с Петронием из окружающей его среды исчезло все, что называется вкусом, тактом, изяществом. Колоссальное самолюбие вызывало у него неутолимую жажду стяжать

славу во всей вселенной; он испытывал свирепую зависть к тем, кто привлекал к себе внимание публики; иметь какой бы то ни было успех — это значило совершить государственное преступление; уверяют, что он хотел запретить продажу произведений Лукана. Он стремился к неслыханной известности

Давно уже он мечтал о путешествии в Грецию, не в силу серьезного желания видеть образцовые художественные произведения несравненного греческого искусства, а в силу карикатурного самолюбия, побуждавшего его выступить на состязаниях, существовавших в различных городах Греции, и получить там призы.

Певческая мания у него дошла также до крайних пределов. Одной из причин смерти Тразеа было то обстоятельство, что он не приносил жертвоприношений в честь «небесного голоса» императора. Перед парфянским царем, своим гостем, он не нашел ничего лучшего, чем гордиться своим искусством править колесницей на бегах. Сочинялись лирические драмы с главной ролью для него, причем боги, богини, герои, героини были замаскированы и костюмированы так, чтобы изображать его и его любовницу. Таким образом он исполнял роли Эдипа, Фиестия, Геркулеса, Алкмеона, Ореста, Канацея; он являлся на сцене в цепях (сделанных из золота), в виде слепца, в виде безумного, даже в роли роженицы. В числе последних его планов было выступить на сцене голым, в виде Геркулеса, причем он должен был задавить льва руками или убить его палицей; для этого, говорят, лев был уже выбран и дрессирован, но в это время императора постигла смерть.

Мы уже говорили, что ему было досадно, что в Италии он был обязан своим успехом только шайке клакеров, очень хитро организованной и дорого оплачиваемой; он обходился с ними, как с невеждами, говорил, что уважающий себя артист может ценить только мнение греков о нем.

Столь желанный отъезд его последовал в ноябре 66 года. Нерон находился уже несколько дней в Ахайе, когда получил известие о поражении Цестия.

Нерон умер 9 июня. Во время рассказанных нами событий в Иудее он продолжал свою артистическую карьеру в Греции; в Рим он возвратился лишь в конце 67 года. Никогда он так не веселился; в угоду ему все игры были отпразднованы в течение одного года; все города отправили ему призы своих состязаний; ежеминутно к нему являлись депутации с просьбой приехать петь в их родные города. Этот большой ребенок, ротозей (а быть может, насмешник), каких еще не бывало, был в восхищении: «Одни греки умеют слушать, — говорил он, — одни греки достойны меня и моих стараний». Он осыпал

> их привилегиями, объявил на истмийских играх свободу Греции, с щедростью широкой одарил оракулы, пророчествующие в его пользу, покарал тех, кем остался недоволен: как говорят, велел удавить одного певца, который не понизил своего голоса настолько, насколько нужно было, чтобы выдвинуть вперед его голос. Краска бросается в лицо при мысли, что Греция была запятнана таким пошлым маскарадом.
> Тем временем до него доходили самые тревожные вести; почти уже год прошел, как он покинул Рим; он дал приказ возвращаться. Возвращение соответствовало самому путешествию. В каждом городе его встречали как триумфатора; разрушали стены для его торжественного въезда. В Риме устроен был неслыханный карнавал. Нерон ехал на колеснице, служившей при триумфе Августа; рядом с ним сидел музыкант Диодор; на голове у него был олимпийский венец, справа лежал пифийский; впереди несли все прочие венцы и доски с перечнем всех его побед, имена тех, кого он победил, названия пьес, в которых он выступал; за ним следовали клакеры, разделявшиеся на три рода клаки, изобретенные им, и всадники Августа; для его въезда снесли арку Большого Цирка. Кругом раздавались клики: «Да здравствует Олимпионикий! Пифионикий! Август! Август! Нерон-Геркулес! Нерон-Аполлон! Единственный периодоникий! единственный во все времена! Август! Август! О божественный голос! блаженны слышавшие его!» Все поднесенные ему 1800 венцов были выставлены в Большом Цирке и прикреплены к египетскому обелиску, который был здесь поставлен Августом, чтобы служить метой».

3) НЕРОН — ЗВЕРЬ АПОКАЛИПСИСА, АНТИХРИСТ

ставший второй Голгофой для христианства, машина по разврату и насилию, проливавшая реки невинной крови. Дионис — Вакх и Афродита — Эрос во всем блеске своего «величия».

Э. Ренан «Антихрист»:

> «После того дня, в который Иисус испустил дух на Голгофе, день празднества в садах Нерона (днем этим можно считать 1 августа 64 года) был самым торжественным в истории христианства. Прочность всякого построения находится в прямом отношении с суммой добродетели, жертв, преданности делу, положенных в его основание. Одни фанатики могут создавать что-либо: иудаизм все еще су-

ществует благодаря интенсивному изуверству его пророков, его ревнителей, христианство — благодаря мужеству его первых исповедников. Оргия Нерона была великим крещением кровью, которое отметило Рим, как город мучеников, для совершенно особой роли в истории христианства и возвело его в степень второго священного города. В этот момент триумфаторы неизвестной до тех пор категории овладели Ватиканским холмом. Ненавистный безумец, управлявший миром, не замечал того, что он был основателем нового порядка и что он подписал для будущего хартию, начертанную, словно киноварью, подтверждаемую в своих положениях и по прошествии восемнадцати веков. Рим, сделавшийся ответственным за всю кровь, пролитую в нем, стал, подобно Вавилону, священным и символическим городом. Во всяком случае, с этого дня Нерон занял в истории христианства первостепенное место. Это чудо ужаса, чудо извращенности стало для всех очевидным знамением. Спустя сто пятьдесят лет Тертуллиан восклицает: «Да, мы счастливы тем, что объявление нас вне закона было торжественно возвещено подобным человеком! Когда научились его понимать как следует, то поняли, что все, осужденное Нероном, могло было быть только великим делом». Идея, что пришествию истинного Христа должно предшествовать пришествие некоего адского Христа, который будет полной противоположностью Иисуса, была уже распространена. Сомнений больше не могло быть; Антихрист, Христос зла, существует. Антихрист — не кто иной, как чудовище с человеческим обликом, составленное из жестокости, лицемерия, бесстыдства, гордости, которое объезжало весь свет в образе смешного героя, изверг, освещавший свои кучерские триумфы факелами из человеческих тел, упивавшийся кровью святых, совершавший, быть может, и еще худшие дела. Действительно, можно предполагать, что именно к христианам относится сообщение Светония о чудовищной забаве, придуманной Нероном. На арене к столбам привязывают обнаженных юношей, мужчин, женщин, молодых девушек. Из cavea появляется зверь, который удовлетворяет свою похоть над каждым из этих тел. Вольноотпущенник Дорифор делает вид, будто убивает зверя. Зверь же этот был сам Нерон, одетый в шкуру хищного животного. Дорифор был негодяй, за которого Нерон вышел замуж, испуская вопли девственницы, подвергающейся насилию... Таким образом, Нерону дано прозвище: Зверь. Калигула был Анти — Бог, Нерон будет Анти — Христос. Идея Апокалипсиса родилась в сознании. Христианская девственница, привязанная к столбу и подвергающаяся позорному объятию Зверя, унесет с собой в вечность этот ужасный образ.

Казни эти представляли собой нечто ужасное. Никогда не видано было такой утонченной жестокости. Почти все арестованные христиане были humiliores, люди ничтожные. Казнь, предназначаемая таким несчастным в случае обвинения их в оскорблении величества или в святотатстве, заключалась в том, что их отдавали на съедение диким зверям или сжигали живыми в цирке, причем это сопровождалось жестокими бичеваниями.

На этот раз к варварству мучений присоединили еще и осмеяние. Осужденных приберегали для празднества, которому, без сомнения, был сообщен характер искупительной жертвы. В Риме насчитывалось немного столь необычайных дней. Во время ludus matutinus, утренних игр, посвященных травле диких зверей, римлянам представилось неслыханное зрелище. Осужденных вывели зашитыми в шкуры диких животных на арену, и здесь они были растерзаны собаками; других распинали на крестах, третьи, наконец, одетые в туники, пропитанные маслом и смолой, были привязаны к столбам, чтобы служить вместо факелов для освещения празднества ночью. Когда наступила ночь, эти живые факелы были зажжены. Для этого зрелища Нерон предоставил свои великолепные сады по ту сторону Тибра. При свете этих ужасных факелов Нерон, который ввел в моду вечерние скачки, показывался на арене, то вмешиваясь в толпу зрителей в костюме жокея, то управляя колесницей и стараясь заслужить аплодисменты.

Женщины и девушки подверглись страшной участи при этих ужасных зрелищах. Нет имени тем недостойным истязаниям, какие были над ними совершены для общего удовольствия. При Нероне вошло в обычай заставлять осужденных исполнять в цирке мифологические роли, сопряженные с неизбежной смертью их исполнителей. Подобные отвратительные представления, при которых с помощью искусных машин достигались удивительные эффекты, были в то время новинкой; Греция была бы удивлена, если бы ей вздумали внушить подобную попытку применить зверство к эстетике, сочетать искусство с пытками. Несчастного выводили на арену в богатом костюме бога или героя, обреченного на смерть, и затем казнь его происходила в виде трагической сцены из мифов, воспетых поэтами или увековеченных скульпторами. Иногда это был Геркулес в неистовстве, сожигаемый на горе Эте, старающийся сорвать со своего тела пылающую смоляную тунику; то изображался Орфей, разрываемый на части медведем, или Дедал, низвергнутый с неба и преданный на съедение зверям, Пасифая, отданная в добычу быка, умерщвление Аттиса; иногда ставились на сцене ужасные маскарады, в которых мужчины были одеты жрецами Сатурна. В заключение являлся Меркурий с раскаленным желез-

ным прутом, которым он прикасался к каждому телу, чтобы посмотреть, не дрогнет ли оно; прислужники, замаскированные Плутоном или Орком, утаскивали трупы за ноги, приканчивая молотом все, что еще трепетало. Самые почтенные христианские дамы должны были испытать подобные зверства. Одни из них исполняли роль Данаид, другие роль Дирцеи. Трудно себе представить, с какой стороны миф о Данаидах мог служить темой для кровавых представлений. Казнь, которая, судя по всем мифологическим преданиям, была предназначена для этих преступных женщин и которая изображалась в лицах, была бы недостаточной, чтобы удовлетворить Нерона и привычных посетителей его цирка.

Так началась эта необычайная поэма христианского мученичества, эта эпопея амфитеатра, которой суждено было продолжаться двести пятьдесят лет и среди которой народилось облагораживание женщины, восстановление раба в своих правах, при посредстве таких эпизодов, как мученичество Бландины, распятой на кресте и ослеплявшей глаза своих собратьев до того, что они видели в кроткой и бледной невольнице образ распятого Иисуса; как случай с Потамиеной, которую защитил от оскорблений толпы молодой воин, конвоировавший ее на казнь; как ужас, охвативший толпу при виде обнаженной груди Фелицаты; как мужество Перпетуи, закалывавшей булавками на арене свои волосы, растрепанные животными, для того, чтобы не иметь скорбного вида. Легенда рассказывает, что одна из таких святых мучениц, идя на казнь, заметила молодого человека, который, тронутый ее красотой, смотрел на нее с состраданием. Ей захотелось оставить что-нибудь ему на память о себе, и она бросила ему покрывало, которым была прикрыта ее грудь; очарованный этим залогом любви, молодой человек спустя мгновение принял и сам мученическую кончину».

ГЛАВА 5. МЕРТВЫЕ И ВОСКРЕСШИЕ БОГИ МЕРЕЖКОВСКОГО. ЧЕЛОВЕКОБОГ И БОГОЧЕЛОВЕК: КЛЕОПАТРА И ПАТРОКЛ

Добро и Зло, Бог и Дьявол, Христос и Антихрист, Человекобог и Богочеловек — таковы известные нам имена двух энергий психики, Духа божественной энергии Интеллекта и материальной энергии садомазохизма поля Эгосистемы.

Весьма остроумно Л. Клейн в «Расшифрованной Илиаде» добавил еще одну пару имен к уже нам известным: Клеопатра и Патрокл.

«Имя Патрокл, — пишет Клейн, — является всего лишь перевертышем имени Клеопатра: Клео — патр –а и Патро — кле — ос. Греческий корень клее- означает «слава», а корень патр- — «отец». Клеопатра — «Славоотчая», Патрокл — «Отчеслав»

Действительно, мы можем расшифровать эти имена как «Отца Слава», «Богочеловк» — Патрокл, и «Известная предками», «Человекобог», как обычно расшифровывают имя Клеопатры. Мысль Клейна состоит в том, что идея «Илиады» как она дошла до нас состоит в осознании суетности тщеславия, которое в основе постоянной вражды греческих героев, и которое приносит в жертву истинное сокровище — дружбу, братство, единство людей, и в частности ахейцев. «Плач по Патроклу» как укоризна и проклятие всем войнам аристократов — вот основной мотив «Илиады», утверждает Клейн. И хотя он добавляет расшифровку имени Патрокла в другой связи, мне видится в этой расшифровке подтверждение его идеи об основной теме эпоса как «плачу по Патроклу».

Дело в том, что имя Клеопатра — это наследственное имя греческой династии Птолемеев македонского царства Египта. И в этом смысле — это символ эллинистических царств востока, образовавшихся после завоевания Востока Александром Македонским. Здесь, на востоке, на вершине деспотических Левиафанов, Гибрис Эго греков, этот Зверь Диониса — Вакха, порожденный фиктивным интеллектом, получил полную свободу для своего воплощения.

Дело в том, что Гибрис Эго, будучи порождением фиктивного интеллекта, который вторгается на поле Эгосистемы (материальной энергии, чьи механизмы никак не связаны с активным интеллектом), разрушает циклический гомеостаз поля Эгосистемы. Вот почему, в осевое время (время первого откровения) стали рушится государства Левиафаны, основанные на господстве-рабстве циклического гомеостаза. Как например, в Древней Греции, в еврейских государствах, позже в Риме. Гибрис Эго фиктивного интеллекта превращает людей в Человекобогов, которые уже не способны никому подчиняться, и потому физический контроль садомазохизма оказывается разрушен, и деспотические Левиафаны рушатся. Греция и Иудея знамениты таким яростным разрушением своих древних деспотических государств. На место Левиафанов приходили междоусобные войны, борьба Человекобогов друг с другом, и неспособность создать дружную общественность.

Так, Зверь Диониса — Вакха уничтожил себя у себя на родине в междоусобных войнах. Однако, с македонским завоеванием древних восточных деспотий Египта и Малой Азии, греческий Зверь оказался на самой вершине государств с нормально функционирующим физическим контролем (циклическим гомеостазом садомазохизма господства и подчинения) магического сознания варваров. У себя на родине в постоянной борьбе за абсолютную власть Человекобогов, греки жили в вечной борьбе между демократиями и тираниями — или всех подчинить себе или как минимум быть равными. Тиранов конечно убивали другие человекобоги и войны вновь возобновлялись.

Здесь, Зверь Диониса смог наконец сесть на стабильное царство. Самые знамениты имена языческого Зверя Диониса эллинистического востока известны всем: Антиох Четвертый Эпиман, тот чьи попытки насильственно эллинизировать Иудеи подняли восстание Макковеев и стоили ему жизни. Митридат Шестой Эвпатор, известный как Царь Азии, ставивший себе целью превратить всю Азию в один огромный Левиафан под своей единоличной властью. Знаменит своей паранойей которая стоила жизни двум его сыновьям, его дочерям и женам, а также ненавистью к римлянам: Эфесная вечеря стоило жизни 150 тысячам римлянам по приказу Митридата. И наконец, не менее знаменитое имя Клеопатры, женщины использовавшей все чары Зверя Афродиты-Эроса, чтобы превратить великий Рим в «восточное царство», то есть в варварский Левиафан садомазохизма, рабскую деспотию. И конечно, все эти Человекобоги эллинистического востока продолжали свои бесконечные войны уже между собой: наследники Македонского на вершинах своих восточных Левиафанах грызлись между собой с такой же озлобленностью, как в свое время греческие граждане и греческие полисы.

Дух Божий создает науку, красоту, силу, а материальная энергия психики превращает все это в мертвые Идолы через «загрузки СуперЭго». Тело человека, его биология — прекрасны, пока служат целям Духа. Но когда человек воспринимает свое тело через кривое зеркало Эгосистемы как «загрузки СуперЭго» оно превращается в Идола, и становится самоцелью, которому жертвуется разумная и моральная энергия Духа. Красота как творчество Духа — прекрасна, биологическое соединение людей соединенных на духовном уровне не развращает и не превращает похоть в самоцель. Но стоит только увидеть красоту и «наслаждения» через поле Эгосистемы, как они превращаются в Идолов, в самоцель, которая пожирает божественную энергию Духа. Такова суть языческих богов греческого Олимпа, этих Идолов красоты и наслаждения, и рожденного ими Зверя Гибрис Эго. Действительно, что может быть ужаснее греческих вакханалий, «оргий с массовым насилием», а Ренан замечает в Истории

Израильского народа, что Антиох Эпиман насильственно насаждал культ Вакха в Иудее и показательно зарезал на алтаре Иерусалима свинью.

Ренан в «Истории Израильского народа» отводит ведущее место в становлении всемирной цивилизации трем государствам — Иудеи, Греции и Риму. Согласно Ренану, роль Рима очень велика, поскольку именно Рим послужил распространению и соединению откровений Греции и Иудеи. Действительно, в Риме соединилось откровение Пифагора, Сократа Платона с откровением Ветхого Завета в Евангелиях христианства, в особенности в Евангелии Иоанна –Филона, как его называют исследователи (Ренан, Рассел, Мережковский). Здесь же мир впервые увидел Церковь естественного права законов природы, как государство понимается в «Республике» Платона и в «Законах» Цицерона. В этом смысле, Рим не только посредник между откровениями Греции и Иудеи, но и участник откровения. Огромным вкладом в цивилизацию стали империя Августа, поставившая законы государства как законы божьи выше человеческой воли, и адоптивная империя второго века от Нервы, Траяна, Адриана до расцвета ее в империи Антонинов. Это период становления государства как Церкви естественного права законов природы, который впоследствии дал современные правовые государства (еще далекие от естественного права, но уже опирающиеся на «Права человека», не только на волю большинства).

В чем различие между Человекобогом и Богочеловеком?

Богочеловек — тот, кто подчинил себя законам природы Бога, и такое подчинение всегда есть отношения Интеллекта, отношения мышления познающего законы, установленные богом, фундамент духовной энергии. Человекобог тот, кто обожествил свою собственную волю и противопоставил ее воле божьей, как о том пишет Кьеркегор в «Болезнь к смерти» и Камю, когда говорит о дендизме в «Бунтующем человеке». Богочеловек в награду за свою покорность Богу получил великий дар Духовной энергии с ее мощью научного контроля, открывающей доступ

к энергиям природы, с ее относительной свободой в контроле законов природы, с ее способностью к творчеству, к стабильному равновесию, к росту и развитию, к святой дружбе единого Духа человечества, к настоящим положительным эмоциям, чистым и устойчивым, способным расширять свою позитивную силу бесконечно. Человекобог был наказан за покушение на власть бога, за утверждение своей воли против бога тем, как известно, что был брошен в пучину ада. Так ли далек этот миф от правды? Ведь Гибрис Эго, то есть Эгозащита фиктивного интеллекта, есть потеря могучей силы божественной энергии Духа, в добровольном пожертвовании ее мертвым автоматизмам поля Эгосистемы, материальной энергии психики. Чем оборачивается мнимая абсолютная воля Человекобога, безумца, который ищет всесилия в материальной энергии? Прежде всего, «человекобоги» шизоидного интеллекта теряют всю силу реального интеллекта — мощь научного контроля. Более того, вместе с разумом они теряют и все преимущества поля Интеллекта — стабильность равновесия, чистота и мощь позитивных эмоций, способность свободы в пределах контроля (абсолютно свободен только бог, установивший законы природы, но человеку дан доступ к свободе вместе с научным контролем), способность к творчеству. Ведь автоматизмы циклического гомеостаза — это мотивация боли (страх, голод), это амбивалентность эмоций, открытая еще Фрейдом (смешение позитивных и отрицательных эмоций, ведь притяжения влюбленности и самолюбия замешаны на страхе и в основе их ненависть), это навязчивые состояния разрушенной воли в автоматизмах детерминированной энергии, — в общем весь набор адских симптомов «уплощения эмоций и разрушенной воли» психиатрии. Безумие Гибрис Эго часто заканчивается полным распадом психики — от шизоидной романтики богов Олимпа только один шаг до психического трупа шизофрении.

Что есть Клеопатра как Человекобог? Тот кто жертвует сокровища Духовной энергии на алтарь мертвых автоматизмов материальной энергии психики. Тот, кто убивает своих детей,

родителей, свою отчизну, совесть и разум, чтобы пожертвовать все это тщеславию, ненасыщаемой похоти садомазохизма, подлости в торжестве над обманутыми и униженными, растерзанными и убитыми товарищами. Действительно, было несколько цариц эллинистического востока с этим именем. Так, например, Клеопатра Тея прославилась тем, что убила своего мужа, чтобы быть регентом при детях, а потом убила своего старшего сына и пыталась убить младшего. Другая Клеопатра также пожертвовала своих детей от Цезаря и Антония, которые все были безжалостно убиты, своим тщеславным планам завовевать Рим в восточное царство искусными чарами Афродиты –Эроса. Действительно, если в случае с Цезарем еще были сомнения кто кого соблазнил и подчинил, то ее политика в течении многих лет с Антонием поставила все точки над «и». Как пишет Ренан, разврат превратил Антония в полного идиота, который в течении десяти лет ничего не делал и только предавался разврату в восточном царстве Клеопатры.

Что есть плач по Патроклу? Обратная тенденция в этой смертной войне между добром и злом, богом и дьяволом, человекобогом и богочеловеком, духовной и материальной энергиями психики: это когда всеми силами изничтожают поле Эгосистемы материальной энергии, чтобы сохранить всю мощь, чистоту и святость энергии духовной. И когда это не получается, когда Зверь Человекобог превращает государство в свое логово Левиафан, тогда и раздаются надрывные рыдания по погубленному божьему духу, по растерзанной невинности, по убитой совести, по погубленным детям, друзьям, чести, человечности. Великий вклад священны писаний Тацита в том, что он запечатлел этот плач по Патроклу в Римской империи времен Человекобогов Калигулы и Нерона, Тиберия и Домициана. Так, лира Тацита плачет невыразимым горем, рассказывая о бесчисленных жертвах Зверей — Человекобогов, казнивших цвет нации, достойнейших, невиннейших, только чтобы ограбить их, унизить их, насытить свое тщеславие насилием, и проводить дни в бесконечных вакханалиях. Так казнят простых граждан и знатных граждан, и так-

же казнят цезарей. Так, изображенная пером Тацита трагедия казни невинных детей Клавдия — Британника и Октавии — принесенных в жертву его похоти, которая подчинила его влиянию Агриппины и будущего Антихриста Нерона, была положена в основу многих позднейших трагедий, написанных на эту тему. Эта традиция Человекобогов жертвовать детей и родителей, родных и друзей на алтарь тщеславия и похоти сохранится до самого конца существования Левиафанов, возглавляемых этими чудовищами. Константин Великий, который вместе с Византией, унаследует эллинистическое царство, продолжит эту традицию, погубив своего старшего сына Криспа, а его потомки окончательно утвердят ее, устроив массовое избиение всей своей семьи после его смерти, чтобы устранить соперников на трон. Император Август говорил об Ироде, царе Иудеи, которого на этот трон посадил Антоний, и которого евреи ненавидели, что лучше быть свиньей этого человека, чем его сыном. В этом смысле, это можно сказать обо всех Зверях Человекобогах, стабильно приносивших в жертву все человеческое, все святое на алтарь тщеславия и похоти.

Интересно, что Калигула и Нерон, два развратных Зверя Человекобога, оба прямые потомки Антония от Октавии, сестры Августа. А ведь Антоний в погоне за восточным царством с Клеопатрой, с позором выгнал свою жену Октавию из дома в соответствии с требованиями Клеопатры. Но вот, его потомки сидели на троне только благодаря сестре Августа. И трон этот все таки стал троном Клеопатры — троном Зверя Человекобога.

Рим известен также своей отчаянной борьбой с Человекобогом, со Зверем эллинистического востока. Иудеям Маккавеям мы обязаны поражением Антиоха Эпимана, но угроза Митридата Эвпатора, по прозвищу Дионис, и Клеопатры Птолемея была обезврежена всецело усилиями Римской Империи. Одолеть Митридата оказалось совсем непросто — только гений Суллы нанес ему решительное поражение, и еще таким гигантам как Лукулл и Помпей приходилось его добивать. Клеопатра не сдавалась и после смерти Антония, которую она невольно подготовила, возбудив к себе и к нему ненависть всего Рима. Она вела пере-

говоры с Октавианом, надеясь и с ним выторговать себе свое царство, как с Цезарем и Антонием: ведь они не лишили ее восточного царства, этого донора с которого Зверь Диониса — Вакха питал свою демоническую гордость кровью рабов. Именно в этом видно, что Цезарь уступил чарам Афродиты — Эроса также как Антоний: ведь вступая в любовную связь с царицей на троне, они объявляли возможных потомков царской династией, одинаково легитимной для Римской империи и для Египта. Не так поступил сын Цезаря, Октавиан. Он категорически отказал Клеопатре в ее просьбе оставить ей царство и сделал его провинцией Рима, а ее саму намеревался провести пленницей в своем триумфе. Зато он обещал сохранить ей жизнь. Гибрис Эго Зверя Человекобога признал свое поражение, ведь Гибрис Эго не умеет подчиняться: Октавиан нашел только труп Клеопатры. С этой смертью заканчивалась история Зверей, порожденных языческим Олимпом на эллинистическом востоке. О славе македонского похода сказано очень много, в том числе и о пользе, которую принесло распространение эллинской культуры на восток. Однако, о Звере, рожденном языческим Олимпом, принято умалчивать.

Однако, зараза проникла так глубоко в саму ткань государства, что в дальнейшем борьба Человекобога и Богочеловека шла уже внутри государства, достигнув апогея в столкновении Антихриста Нерона с христианами. Зверь Человекобог уверенно побеждал Христа Богочеловека, пока Римская Империя не была разрушена окончательно. Тиберий принес в жертву прекрасного Германика, только для того, чтобы залить Рим кровью «Процессами по оскорблению величества» и оскорбить человеческую совесть чудовищными вакханалиями, о которых Тацит говорит, что ему воровали отовсюду юношей и девушек, принуждая их силой. И век Тиберия увидел распятого Богочеловека — Христа. Не пожалел Тиберий ни своего собственного сына Друза, ни семью Германика, убив жену и двух сыновей этого доблестного и честного римлянина самыми подлыми методами, которые с тех пор в арсенале всех Зверей Человекобогов.

Резкий контраст между Добром и Злом на троне Римской Империи, который поочередно занимали Человекобоги — Звери и Богочеловеки — Христы отмечен в гениальном труде Гиббона: История падения Римской Империи. Действительно, именно здесь эта борьба велась с небывалым ожесточением за счет того факты что рельефы Человекобога и Богочеловека впервые обретали такие ясные и четкие очертания. Калигула с Тиберием против убитой им своей семьи, Нерон против Сенеки и Тразея Пета, Домициан против Веспасиана и Тита, Коммод против Марка Аврелия, сыновья Константина Великого против Юлиана Отступника, Гелиогабал против Александра Севера. Вот где раздвоение между языческим Человекобогом и христианским Богочеловеком, о котором столько писал Мережковский, достигло своего апогея: концентрация сатанинской энергии поля Эгосистемы против концентрации божеской энергии духа.

Чем же закончилось это противостояние? Известно чем. Греческого и Римского откровения, создавшего первую Церковь Естественного права законов природы в империи Марка Аврелия оказалось недостаточно для победы Богочеловека над Зверем Человекобогом. Уже сын Марка Аврелия, Коммод, пустил по ветру все достижения отца, возвращая империю в русло варварского Левиафана садомазохизма. На помощь откровениям Греции и Рима пришло откровение иудейского народа, которое по словам Ренана, достигает своего апогея в притчах Иисуса, «последнего иудейского пророка». И только соединившись все вместе, эти три откровения порождают Римскую католическую церковь — церковь, которая примет наследие античной цивилизации и сохранит ее для последующих поколений. Церковь, которая разделением светской и духовной власти спасет для мира Церковь естественного права законов природы, порожденную Богочеловеками Римской империи, и таким образом, даст возможность появиться современным правовым государствам.

Однако, это далеко не конец истории, ибо как утверждает Мережковский, несмотря на громадность вклада Римской церкви в цивилизацию, в конечном итоге и ее ждал такой же печаль-

ный конец который постиг церковь византийскую (православную) сразу при ее рождении: она перестала быть церковью и стала Левиафаном сама, породив чудовищных Зверей Ренессанса, лучшим примером которых может служить папа Александр Борджа. А дальше Грядущий Хам дарвиновской парадигмы возродил Зверя Богочеловека уже в современных правовых государствах.

Так, языческий Зверь, порожденный греческим Олимпом, умирал и воскресал, непобедимый в своей отчаянной борьбе с Богочеловеками- Христами. Он был поражен в междоусобных войнах в Греции, Македонский оживил его на самых вершинах царств эллинистического востока, он был поражен римлянами на востоке, Клеопатра дала ему жизнь на троне Римской Империи. Христианская церковь истребила его в Римской империи, Зверь снова ожил в Папстве Ренессанса и в абсолютных монархиях той империи, когда папство и короли с их двором стали одинаково развратны, когда вакханалии вернулись во всей своей силе вместе со всем составом языческого Олимпа.

Очевидно, что прав Мережковский когда говорит, что без следующего откровения Зверя не одолеть. Первое откровение, дарованное Греции, Персии и Иудее позволило разрушить магическое сознание варваров — первые деспотии Левиафаны. Второе откровение, дарованное Риму, позволило одолеть Гибрис Эго языческой мифологии (Олимпа) греков. Синтез иудейского, греческого и римского откровения в христианстве позволил одолеть Зверя на римском престоле. И вот теперь, чтобы нас одолеть вновь ожившего Зверя, необходимо следующее, Третье откровение, о котором писал Мережковский. И на этот раз, это уже будет язык научного контроля, законы природы человека, открытие психической энергии. Потому что только наука, только знание законов природы, дают человеку полную силу его Духа, его поля Интеллекта, основанного на научном контроле. И чтобы одолеть Зверя, человек должен знать законы поля Интеллекта и поля Эгосистемы, которые дадут ему всю силу духовной энергии и позволят ему нейтрализовать поле Эгосистемы.

Ибо, Зверь Человекобог, ожив в эпоху Возрождения, с тех пор набрался еще огромной силы, по сравнению с которой его античный прародитель просто вредное насекомое. Теперь это тот Грядущий Хам, о котором Мережковский писал словами Достоевского «конец света… антихрист идет». Тот материализм, цинизм, национализм и милитаризм, о котором в ужасе писал Ж. Бенда в «Предательстве интеллектуалов», та победа материализма и нигилизма, абсурда и бунта против разума, о которой говорит А. Камю в «Бунтующем человеке», наконец, это то абсолютное утверждение Левиафана, которое предсказывает Дж. Оруэлл в «1984». Это безумие Первой мировой войны, это Зверь Гитлер Второй Мировой войны, это ГУЛАГи Сталина, это «общество потребления» и «люди-товары» современной Америки, это воскресшее «самодержавие-православие» Путина. Вот каких необъятных размеров достиг воскресший языческий Зверь Человекобог.

Мережковский прослеживает прямую наследственность между языческим Зверем Византии и «самодержавием — православием» царской России. Путин в интервью Оливеру Стоуну прямо говорит, что «самодержавие-православие» царизма и ГУЛАГи Сталина — суть одна система монархии «только вывеска изменилась». Это так и есть, следует только добавить, что Византийская Империя Константина Великого и есть единый прародитель обеих монархий, царство эллинистического востока. Ведь христианство здесь сразу стало волшебными сказками магического сознания, лишившись своего философского содержания, а в папской церкви только с течением времени. Об этом пишет не один Мережковский, но и Герцен, и Чаадаев, и Толстой, и Тойнби в «Постижении истории». Суть этой системы, о которой упоминает Путин есть нормально функционирующий физический контроль поля Эгосистемы: здоровый циклический гомеостаз материальной энергии психики. Тот самый, который был у всех до первого откровения, и который был разрушен Гибрис Эго фиктивного интеллекта, ломающего циклическое равновесие материальной энергии вторжением мыш-

ления туда, где активному интеллекту не место. После первого откровения Левиафаны античного мира были разрушены и уже больше никогда там не восстанавливались. Греки могли царствовать только на эллинистическом востоке возглавив обычное магическое сознание варваров, но между собой они всегда оставались непримирирыми соперниками и никогда уже не могли объединиться в союз садомазохизма, рабства и подчинения, в Левиафанами под начальством самодержца. Еще менее способны были к этому евреи, уничтожившие всякую светскую власть в своей общине. А вот в эллинистических царствах востока физический контроль циклического гомеостаза сохранился в целости. И именно этот механизм нормально функционирующего садизма-мазохизма Левиафана унаследовал Третий Рим — Царская Россия. А за ней — сталинские ГУЛАГи. И в этом замечание президента России В. Путина Оливеру Стоуну совершенно справедливо. И здесь с ним полностью соглашается Мережковский: «самодержавие-православие» Царской России есть наследство Зверя Человекобога эллинистического востока.

В то же время, прогресс западного христианства позволил создать «правовое государство», как переходную ступень от садомазохизма Левиафана к Церкви естественного права научного контроля. И хотя западный капитализм объявил правовое государство концом истории и эволюции — это даже приблизительно не соответствует истине. Именно потому, что Зверь Левиафана еще никогда за всю историю человечества не был так силен как сегодня. Дарвиновская парадигма, о которой пишут Ж. Бенда, А. Камю, Д. Мережковский, Дж. Оруэлл, А. Швейцер (разрушена философия рационализма, метафизика интеллекта), есть теоретическое оправдание энергии поля Эгосистемы. А что такое интеллектуальная защита Эго? Это фиктивный интеллект на поле Эгосистемы, это шизоидность, это Гибрис Эго языческого Зверя Диониса –Вакха. Вот вам и вся лженаука дарвиновской парадигмы как шизоидность фиктивного интеллекта. Следует ли после этого удивляться, что религия современного запада дар-

виновской парадигмы оформилась в Анти-Теизм, в Сатанизм Ла Вея, в сатанизм маркиза Сада, прославляющие садизм и похоть как «естественные законы природы животного мира», как Библию Дарвинизма?

Однако, Гибрис Эго остается Гибрис Эго — это сломанный цикличный гомеостаз, который не способен к отношениям господства и подчинения, а следовательно, как прежде античные греки, которые все время воевали друг с другом переходя от демократий к тираниям и обратно, современный запад неспособен выстроить империю власть в своей собственной среде. Им нужны как греческому Зверю Дионису-Вакху восточные царства с нормально функционирующим циклическим равновесием физического контроля, насилия и подчинения садомазохизма, для того чтобы их возглавить и там упражнять свою «волю к власти» Сверхчеловеков по определению Ницше. Эту роль всегда на западе играли их многочисленные колонии, и эту же роль они уготовили России и всем государствам, населенным по их мнению варварами.

В то же время в своей среде, они подобно древним грекам, продолжают войны между выборными демократиями и тираниями, что проявляется в массовой коррупции на вершинах власти современных западных государств. Что есть коррупция? Узурпация власти недобросовестными чиновниками. Сколько громких политических скандалов разоблачили эту тотальную коррупцию на вершинах власти правовых государств запада от убийства братьев Кеннеди до Уотергейта.

Это закономерные явления, которые детерминированы победой материальной энергии психики в ее шизоидной форме — Гибрис Эго, потому и вся политическая жизнь продолжает традицию тираний-демократий древней Греции, и политику колоний эллинистических восточных царств. Правовые государства, как воля большинства, не представляют волю народа, что известно абсолютно всем, так что реально правит не народ, а политическая элита запада. Однако, форма правовых государств до сих пор позволяла сохранять некий консенсус в обществе, которое

уже привыкло считать демократию недостижимой, постоянно ускользающей химерой. Что есть правовое государство? Правление народа, выражаемое через волю большинства, то есть не естественное право, которое есть научный контроль, основанный на законах природы, а нормативное право, основанное на законах согласованных волей большинства. И если на деле воля большинства править не может по ряду причин многократно обсуждавшихся в политической литературе (Новгородцев, «Кризис современного правосознания»), то вероятнее всего законы устанавливаются или контролируются политической элитой. Институт прав человека, который есть отражение развития естественного права в современном правовом государстве пришел в полный упадок именно потому, что разрушена его основа, метафизика интеллекта: ведь дарвинизм утверждает, что законов природы не существует, потому что не существует бога, а раз так, то что такое право человека, если не законы природы человека? Об этом прямо пишет Майкл Игнатьев, американский профессор, специализирующийся на правах человека — конец института прав человека в связи с тем, что разрушена его философская основа.

Г. Спенсер «Социальная статика»:

> «Хотя они этого и не высказывают, но, по смыслу своего учения, они вместе с Архелаем признают, что в сущности ничто не может быть правым или неправым — только чрез посредство решения государства оно делается тем или другим. Если верить им, то от правительства зависит определение, в чем должна заключаться нравственность, а не от нравственности, в чем должно заключаться управление. Их дельфийский оракул — палата общин. Руководствуясь их понятиями, можно подумать, что люди живут и двигаются, и даже обязаны своим существованием исключительно законодательным дозволениям. Право человека делать то или другое не есть естественное право, а предоставленное ему право. Вопрос о том, имеет ли гражданин право на произведение своих рук, может быть решен только парламентским большинством. Если большинство выскажется утвердительно, то он получит это право, если отрицательно, то нет».

«Карл Поппер Открытое общество и его враги

> «Мне кажется, что для анализа процесса осознания специфических особенностей природы и общества нам потребуется хорошенько усвоить одно важное различие. Это — различие между (a) *естественными законами,* или законами природы, такими, как например, законы, описывающие движение Солнца, Луны и планет, смену времен года и т. п., а также закон гравитации или, скажем, законы термодинамики, и *(b) нормативными законами или нормами,* запретами и заповедями, т. е. правилами, которые запрещают или требуют определенного образа поведения. В качестве примера нормативных законов можно назвать Десять заповедей, правовые нормы, регулирующие порядок выборов в парламент, и законы афинского полиса. Закон в смысле *(a)* — закон природы — описывает жесткую неизменную регулярность, которая либо на самом деле имеет место в природе (в этом случае закон является истинным утверждением), либо не существует (в этом случае он ложен).Закон природы неизменен и не допускает исключений. Поскольку законы природы неизменны, они не могут быть нарушены или созданы. Хотя мы можем использовать их в технических целях, они недоступны изменению со стороны человека, а их незнание или игнорирование может привести к беде. Ситуация совершенно иная, когда мы обращаемся к *(b)* — нормативным законам. Нормативный закон, будь то правовой акт или моральная заповедь, вводится человеком. Его часто называют хорошим или плохим, правильным или неправильным, приемлемым или неприемлемым, но «истинным» или «ложным» его можно назвать лишь в метафорическом смысле, поскольку он описывает не факты, а ориентиры для нашего поведения. Существование нормативных законов всегда обусловлено человеческим контролем — человеческими решениями и действиями. Этот контроль обычно осуществляется путем применения санкций — наказанием или предупреждением того, кто нарушает закон.
> Вместе со многими учеными, в особенности социологами, я полагаю, что различие между законами в смысле (a), т. е. утверждениями, описывающими природные регулярности, и законами в смысле *(b),* т. е. нормами типа запретов и заповедей, является фундаментальным и что два этих типа законов едва ли имеют между собой что-либо общее помимо названия

В чем же проявляет себя Зверь Дионис-Вакх, Зверь Человекобог языческого Олимпа в современных западных правовых государствах? В Российском государстве все понятно: это постоянно

возвращающийся Левиафан садомазохизма физического контроля, в отношениях господства и подчинения, в рабстве, где правит голое насилие. От византийского «самодержавия-православия» Царской России к марксизму ленинского государства как «машины для насилия» господствующего класса чекистов, от насилия чекистов назад к византийскому «самодержавию-православию», соединенному в чекисте Путине с насилием сталинского режима. Тут как говорит сам В. Путин блажь да благодать — катится варварская страна по рельсам физического контроля Левиафана, «только таблички меняются». И об этом Левиафане со всей отчаянной резкостью сказано в политических статьях того времени у Мережковского, на смерть боровшегося подобно всей русской интеллигенции с Левиафаном «самодержавия-православия».

Однако, в России правительство В. Путина стремится удержать физический контроль садомазохизма за счет поощрения магического сознания у населения, за счет превращения христианства в варварскую мифологию, которую бы можно было использовать как писал Л. Толстой «для одурения и гипнотизации» населения. Запад противопоставляет себя этой варваризации с насмешкой, хвастаясь, что у него «научное мышление». Но мы видели, что наукой и не пахнет дарвиновская парадигма: всего лишь лженаука шизоидного фиктивного интеллекта, всего лишь Гибрис Эго вместо циклического Эго в России.

Значит, на западе также поле Эгосистемы доминирует над полем Интеллекта Духовной энергии, и значит вся мерзость мертвенных автоматизмов поля садомазохимза должна иметь место и там. В чем же она проявляется? Только ли в коррупции и преступности? Только ли в культе гангстеров и культе денег? Эрих Фромм пишет, что современная западная культура — это культ языческого героя, не христианского, культ, всеобщей конкуренции, культ победы любой ценой, где победителя не судят. И что своего пика эта состязательность как в Древней Греции достигает в Олимпийских играх. О том же пишет и Э. Аронсон в «Общественном животном».

Действительно, вот в чем проявляется Бес Человекобога в современном западе, где он не может уже воскреснуть в виде Левиафана господства и подчинения. Если в России Идолом остается государство, которому все поклоняются как самоцели (вместо того, чтобы сделать его средством жизни для людей), то на западе Идол остался греческим: это Идол Денег, Идол Наслаждения и Красоты, Идол Общества Потребления, где все люди превращаются в товары, соперничающие на рынке за цену и сбыт.

В этом разница между Россией Путина и современным Западом: это не есть противостояние Добра и Зла, хотя каждый рисует другого Дьволом, а себя Богом. Это всего лишь противостояние двух разных Человекобогов, двух разных Антихристов: Зверя Вавилона восточных деспотий с физическим контролем садомазохизма, с которым боролись в свое время иудеи, и Зверя Диониса-Вакха языческого Олимпа греков, Гибрис Эго сломанного циклического равновесия. Кто из них черт, а кто из них хороший? Оба хуже, как говорят Герцен и Мережковский, цитируя детей.

Огромный вклад русской интеллигенции эпохи Мережковского в мировую цивилизацию состоит в той бескомпромиссной войне, которую они объявили Зверю Вавилона Царской России можно проследить в трудах Александра Герцена и Петра Кропоткина, запечатлевших в своих воспоминания летопись борьбы русской интеллигенции с Левиафаном самодержавия.

Д. С. Мережковский «Еще о Великой России»:

> «Некую тоже «соборную личность», или, вернее, личину, «искусственного человека», homo artificialis, предсказывал еще Гоббс в «Левиафане». Как бы не оказалась «Великая Россия» этим страшным «искусственным человеком», автоматом, который задушит в мертвых объятиях живую Россию?
> Царь Навуходоносор поставил золотой истукан и объявил: «Народы, племена и языки! Когда услышите звуки трубы, свирели, цитры, цевницы и симфонии, падите и поклонитесь золотому истукану, а кто не падет и не поклонится, брошен будет в печь, раскаленную огнем».

> Национальная симфония «Великой России» напоминает эту вавилонскую музыку, а религиозно-революционные «отщепенцы» — как в русском народе, так и в русской интеллигенции — трех отроков, которые ответили царю: «Бог наш силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавить. Золотому истукану не поклонимся».
> Навуходоносор за то, что велел поклоняться себе, как Богу, стал зверем. На этом смешении лица Божиего с ликом звериным, на старом порядке религиозном зиждется и старый государственный порядок. Нельзя перейти от старого порядка к новому, не преодолев этого религиозного смешения. Но Струве не преодолевает, а утверждает его, когда усматривает «сквозь хищничество Бисмарка его религию»: «Величие Бисмарка остается фактом, хотя бы мы к его имени приписали слово „Зверь" с большой буквы», — не значит ли это, что религиозное величие государственности может являться и «в зверином образе»?
> Мы на это ответим: будем гореть в печи огненной, но Великой России в образе зверином не поклонимся».

Д. С. Мережковский «Красная шапочка»:

> «Я могу представить себе Герцена, умирающего на парижских баррикадах 48-го года за идею всемирного братства с верой, что и Россия когда-нибудь скажет миру свое новое слово об этом братстве. Но какую существенную разницу нашел бы Герцен между государственными идеалами Струве и Николая I — не могу себе представить.
> О Л. Толстом, непримиримейшем враге не только русской, но и всякой вообще государственности, и говорить нечего. Величие Толстого есть воплощенное отрицание великой России, о которой мечтает Струве.
> Я нарочно взял три столь крайние и противоположные точки — Лермонтов, Герцен, Толстой — для того, чтобы показать всю площадь противогосударственной заразы, с которой борется Струве: эта площадь так велика, что истребить заразу значит истребить едва ли не всю русскую интеллигенцию. Во всяком случае, чтобы сделать с ней то, что хочет Струве, нужно вывернуть ее наизнанку, да и то Бог весть, поможет ли — горбатого разве могила исправит.
> Ежели сейчас в России есть фантастичнейшая сказка, отвлеченнейшая утопия, так это мечта о государственной мощи России как «путеводной звезде» для заблудившейся русской интеллигенции. Кажется, лучше пойдет она к черту в лапы, чем в такую Россию, — не примет, подобно Красной Шапочке, волка за бабушку».

Д. С. Мережковский «Пророк русской революции»:

> «но отсутствие религиозной идеи в русской революции свидетельствует именно только о том, что ее настоящий фазис очень ранний. Как ни огромен поднявшийся вал, он все еще не возмутил последних глубин стихии народной. Как ни страшна буря над землею, она лишь слабый отзвук того, что происходит под землею: это одна из тех бурь которые предшествуют землетрясениям.
> Впрочем и теперь уже русская революция бессознательная религия, как и всякий великий переворот общественный, потому что во всякой религиозной общественности скрыто начало соборности, и притом соборности вселенской — «мечта всемирного объединения человечества» в какой-нибудь последней всечеловеческой истине, то есть начало бессознательно-религиозное. В этом смысле душа русской революции — социал-демократия, уже и теперь соборно-вселенская и следовательно, бессознательно религиозная. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — этот призывный клич, напоминающий крик журавлей, нигде еще не раздавался с такой недосягаемо-далекой и торжественно-грозною, словно апокалипсическою, надеждою или угрозою, как именно в русской революции».

Великая Русская Революция свершилась: Зверь «самодержавия-православия», наследие восточного Левиафана Византии был успешно уничтожен. Какого же было удивление всех истинных социалистов, когда прямо из лона Новой Социалистической Республики вновь показалась чудовищная голова Зверя Вавилона, казнящая все живое, человеческое, думающее в огромных городах ГУЛАГа. Д. Мережковский долгое время надеялся на чудо, надеялся что социалисты-материалисты сумеют осознать религиозный характер революции, не станут «Бесами» Достоевского, о чем его статья «Бог или Бес», где он со всем отчаянием защищает русских революционеров. Но надежда оказались напрасными, чуда не случилось, «дарвиновская парадигма» в основе социалистической революции привела к полному краху революции религиозной, о которой говорит Мережковский. И вдруг, показались те религиозные глубины в «революции сверху» Никиты Хрущева, одолевшего Зверя Берию, и развенчавшего Человекобога Сталина в знаменитом докладе «Культ личности». И вдруг лидер громадного советского Левиафана

протягивает руку помощи «униженным и оскорбленным» на самом дне государства-зверя в лице А. Солженицына. Встречается с писателм, полной той религиозной глубины, о которой писал Мережковский как о глубине всей русской революции и разрешает его рукописи, обличающие Советскую Республику как Зверя Вавилона к публикации! Это ли не революция сверху! Это ли не величие русской религиозной революции! И тогда никто не оценил этот жест доброй воли по справедливости, а жест этот в совокупности с другими подобными поступками Хрущева стоил ему отставки с поста генерального секретаря, который в СССР все вожди занимали пожизненно. Хрущев провинился перед Зверем Вавилона своей страны еще и в том, что пошел на сотрудничество с президентом Америки Кеннеди. Последнему это стоило жизни, поскольку там зрел и наливался кровь свой возродившийся Зверь Человекобог дарвиновской парадигмы, а Хрущев отделался отставкой. И вдруг его горячий поклонник Горбачев идет еще дальше в своем миролюбии, в своем религиозном порыве «всечеловечности», и признает, что правовое государство запада несет больше свободы и справедливости и объявляет о переходе к «перестройке» с тем, чтобы соединится в едином всечеловечестве со свободным и гуманным западом! Вот где сбылись все пророчества Мережковского о религиозной глубине русской революции!

Однако, Горбачев просчитался. Запад не был цитаделью свободы и гуманности, а всего лишь Гибрис Эго со сломанным циклическим равновесием физического контроля. И запад за это время успел нарастить и напитать кровью людей своего возродившегося языческого Зверя Человекобога, завоевывая новые колонии, как это было во Вьетнамской войне, и насаждая свои правительства ценой кровавых переворотов в «варварских» государствах третьего мира. Жест доброй воли русской религиозной революции, которая себя осознала наконец до конца и протянула руку к вселенской соборности человечества, как говорит Мережковский был понят как проявление слабости, как переход России из категории соперников в категорию возможных коло-

ний. «Угодило зернышко промеж двух жерновов», как говорит Солженицын в своих Воспоминаниях о том, как он метался между Зверем Запада и Зверем России. Или «оба хуже» как говорят Мережковский и Герцен.

Следует ли удивляться, что в таких условиях в России вновь не удается утвердиться истине религиозной революции как Церкви естественного права законов природы. Ибо что есть всечеловечность? Законы природы человечества, одинаковые для всех стран, народов и эпох. Что есть социализм как не единство духовного Я человечества, выраженное в законах этики поля Интеллекта: совести, справедливости, сочувствии? Выраженное в общем Я духовной энергии столькими многими словами Евангелия? С нападением западного волка проснулись и внутренние волки, которые решили лучше взять страну себе, чем отдавать ее в колонию. Вновь возрождается Зверь Вавилона в России, бес «самодержавия-православия» так много пугавший Мережковского и Герцена, Толстого и Кропоткина. Русская интеллигенция вновь в положении «зернышка промеж двух жерновов»: западного Зверя Человекобога с одной стороны и царствующего чекиста Путина с другой стороны. Зверь Вавилона вновь жив и дышит, Россия вновь варварский Левиафан и кланяется Золотому Тельцу. Неслучайно же правительство Путина прокляло добрую волю Хрущева и Горбачева, которые исполнили пророчество Мережковского, и доказали всем что истинная цель Великой Русской Революции было Царство Божие, Церковь единого человечества.

Для правительства Путина Хрущев и Горбачев — всего лишь изменники, предатели. Действительно, если смотреть с точки зрения Зверя Левиафана, то российского Левиафана они выдали с головой. Но не в этом ли все их величие и все их непреходящее историческое значение, как вождей социализма, исполнивших конечную цель русской революции до конца в поисках братства и справедливости Царствия Божьего?

Ведь совершенно очевидно, что целью поисков русской религиозной революции была Церковь Естественного права зако-

нов природы. И потому и Герцен в «С того берега» и Кропоткин в «этике», и в «Нравственных началах анархизма» отрицают нормативное право, и утверждают естественное право природы человека. Герцен в «Докторе Крупове» дает философию всемирной истории как постепенное излечивание человечества от безумия — то есть вскрывает естественные законы человека как законы его психической энергии. Действительно, разве цивилизация не есть постепенное излечение человечества от безумия материальной энергии психики, от поля Эгосистемы? И разве самые темные времена варварства с их вакханалиями бессмысленного садизма не есть абсолютное безумия жертвы духовной энергии автоматизмам мертвой энергии психики? Этот извечный плач по Патроклу? Однако, ни Герцен, ни Кропоткин, который в «Этике» становится на позиции естественного права Огюста Конта, не могли дать того Третьего Откровения законов природы человека, которое было необходимо для Церкви Естественного права (или иначе Института прав человека). Потому что они оставались на позициях эмпиризма, на позициях дарвиновской парадигмы. Кропоткин пытался обойти дарвиновскую парадигму, противопоставляя ей закону выживания сильнейшего сотрудничество животных в природе, но ошибся: на этой почве правда за теми кто говорит о законе выживания сильнейшего. Сотрудничество — правда там, где четко разделяют духовную энергию человека и материальные энергии природы, уровни психической и биологической энергий.

Даже Ленин старался противопоставить западному эмпиризму, который отрицает законы природы, материализм марксистов с тем, чтобы утвердить естественное право. Все многословие его «Критики эмпиризма» можно свести к простому тезису: да, бога нет, соглашается он с дарвинистами, но законы природы все равно есть. И конечно, проигрывает, потому что если бога нет, то правы эмпирики а не материалисты: тогда и законов природы быть не может. Давид Юм прав, наличие законов природы можно объяснить только первичностью Интеллекта как формы мира, созданной Творцом, в противном

случае отсутствие Бога говорит об отсутствии каких либо закономерностей природы. И попытка Ленина утвердить Естественное право в рамках марксизма провалилась. И тут прав Мережковский когда в Грядущем Хаме говорит Герцену, что тот должен винить свой собственный позитивизм (философию эмпиризма Огюста Конта). Но все же важно отметить, что он сделал эту попытку. Точно также провалились и попытки Огюста Конта утвердить естественное право на основе его эмпирической философии позитивизма, и попытки Бертрана Рассела утвердить естественное право на фундаменте эмпиризма. Они провалились также как попытки материалиста Ленина, и попытки позитивистов Спенсера, Герцена и Кропоткина. Но оцените тот факт, что все они сделали эти попытки.

Герцен «С того берега»:

> *«Люди только справедливы к безумным и к совершенным дуракам, их по крайней мере мы не обвиняем за дурное устройство мозга, им прощаем природные недостатки; с остальными страшная моральная требовательность. Почему мы ждем от всех встречных на улице примерных доблестей, необыкновенного понимания — я не знаю; вероятно, по привычке все идеализировать. Я иначе смотрю, я привык к взгляду врача, к взгляду совершенно противоположному судьи. Врач живет в природе, в мире фактов и явлений, он не учит, он учится; он не мстит, а старается облегчить; видя страдания, видя недостатки, он ищет причину, связь, он ищет средств в том же мире фактов. Нет средств, он грустно пожимает плечами, досадует на свое неведение — и не думает о наказании, о пени, не порицает. Взгляд судьи проще, ему собственно взгляда и не надо. Недаром Фемиду изображают с завязанными глазами, она тем справедливее, чем меньше видит жизнь; наш брат напротив, хотел бы, чтоб пальцы и уши имели глаза. ...да, я отпускаю им зло, ими причиненное, так, как вы отпускаете холодной погоде, которая на днях простудила вашу малютку».*

Б. Рассел, «Предложенные дороги к свободе»:

> *«Когда человек болен инфекционным заболеванием, он опасен для общества, и потому меры по ограничению его контактов с обществом необходимы. Однако, никому не приходит в голову винить его в его болезни. Напротив, его друзья соболезнуют ему. Все предписываемые на-*

> *укой процедуры, а также временные ограничения свободы, как правила принимаются без возражений в таких случаях. Точно такой же подход следовало бы практиковать и в ситуации с тем, что мы называем „преступлением“. Предполагается, что преступник мотивирован эгоистическими соображениями, и что страх наказания, как ресурс противоположного стимула, наилучший сдерживатель от преступления. „The dog, to gain some private end, went mad and bit the man“. Таков распространенный взгляд на преступление; в то же время ни одна собака не сходит с ума по своему предпочтению, и скорее всего, то же самое можно сказать о большинстве преступников, конечно в случаях преступлений на основе страсти. И даже в тех преступлениях, которые основаны на эгоистических мотивах, цель — предотвратить преступление, а не заставлять страдать преступника. Любая боль, которую может повлечь процесс предупреждения преступности, должна быть сведена к минимуму, как боль при хирургических операциях. Человек, который идет на преступление из импульса к насилию, должен быть подвергнут психологическому лечению, рассчитанному на высвобождение более здоровых импульсов. Человека, который идет на преступление из эгоистических соображений, следует убедить в том, что правильно понимаемая любовь к себе, будет значительно лучше удовлетворена полезной для общества жизнью, чем вредительством другим людям. Для этой цели преимущественно необходимо расширить его кругозор и увеличить уровень знаний»*

П. Кропоткин, «Нравственные начала анархизма»:

> «Другие (Гоббс, например) старались объяснить нравственное чувство в человеке влиянием законов. „Законы, — говорили они, — развили в человеке чувство справедливого и несправедливого, добра и зла“. Наши читатели сами оценят по достоинству такое объяснение. Они знают, что закон не создавал общественные наклонности человека, а пользовался ими, чтобы рядом с правилами нравственности, которые люди признавали, дать им в придачу такие предписания, которые были полезны только для правящего меньшинства и которых поэтому люди не хотели признавать. Закон чаще извращал чувство справедливости, чем развивал его. А потому — мимо» Кропоткин Нравственные начала анархизма

Вот почему провалилась религиозная русская революция в поисках Церкви естественного права законов природы.

Как же этот вопрос решается в Научной Революции Энергетики?

До сих пор считалось, что Давид Юм раз навсегда опроверг метафизику интеллекта, доказав что нельзя эмпирически доказать наличие законов природы. Однако, Научная Революция Энергетика опровергает его рассуждения. Это правда что нельзя потрогать причинно-следственных связей законов природы, а потому события могут быть просто последовательностью событий, а не причинными связями законов. Однако, мы можем проверить наличие законов природы опытным путем иначе. Для этого необходимо посмотреть на мир через призму новой парадигмы, через призму Энергетики, которая утверждает, что весь мир есть не более как множество природных энергий, и что научное познание — это только то познание, которое открывает законы энергий природы. Тогда все решается очень просто. Мы легко можем проверить опытным путем правильность или ложность открытых законов природы: если знания дает доступ к силе природных энергий значит наши знания о законах природы верны. И поскольку человество открыло уже множество природных энергий — механическую, электрическую, биологическую, тепловую, ядерную и тп (гравитация, электромагнетизм, биохимия, механика, радиоактивность) — это значит, что мы имеем доступ к силе этих энергий и доказали опытным путем, что законы природы открытых нами энергий существуют. Когда-то Герц доказал так справедливость уравнений Максвелла для электромагнитных волн.

ГЛАВА 6. ПОЛЕМИКА Д. МЕРЕЖКОВСКОГО И Е. ТРУБЕЦКОГО. ЦЕРКОВЬ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА И ГРАД БОЖИЙ АВГУСТИНА

1. Постановка проблемы раздвоенности сознания: язычество и христианство или же язычество против этического.

2. Греческое Возрождение во 2 веке. Вторая Софистика

3. Римские писатели — моралисты. Рождение этической религии в первые два века Римской империи.

4. Церковь естественного права Антонинов. Марк Аврелий и Государство Платона во втором веке.

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ РАЗДВОЕННОСТИ СОЗНАНИЯ: ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО ИЛИ ЖЕ ЯЗЫЧЕСТВО ПРОТИВ ЭТИЧЕСКОГО

В статье «Христианство и Государство» Мережковский отвечает на упреки князя Е. Трубецкого в анархизме, который по видимому назвал теорию Мережковского о церкви как «любовной общественности» противоположной государству-власти — «пустым звуком». Сам Е. Трубецкой оставил нам интересное сочинение «Теология 5-го века. Град Божий Августина», где он ставит себе в заслугу сравнительный анализ естественного права Римской Империи и естественного права, положенного Святым Августином в основании его Града Божьего, и следовательно, католической церкви. Трубецкой говорит о преемственности между этими двумя институтами: естественным правом Римской империи и естественным правом церкви св. Августина.

Мережковский возражает Трубецкому в том смысле, что он признает необходимость государства как средства на пути к обществу возглавляемому церковью, к теократии, и что Трубецкой как «человек умный, добрый» никак не может считать церковь Христа — «пустым звуком». Здесь очевидно, что оба ученых говорят об одном и том же, и что причина их спора простое недопонимание, происходящее от нечетких и многозначных определений и терминов.

Мережковский безусловно прав в том, что существует неразрешимый конфликт между обществом, основанном на силе принуждения и обществом, основанном на дружбе и сотрудничестве, — другими словами между обществом физического контроля поля Эгосистемы и обществом научного контроля поля Интеллекта и совести. Ошибка Трубецкого в том, что он не видит этого неразрешимого конфликта между «государством и церковью». С другой стороны, Трубецкой прав том, что дает наконец определение церкви Мережковского: Церковь естественного права законов природы. В свою очередь, ошибка Мережковского в том, что так и не сформулировал этого положения: что Третий завет, от которого он ждал разрешения всех противоречий (тайна одного, тайна двух, тайна трех), есть не что иное как перевод языка притч евангелия на научный язык естественного права законов природы. Зато, это сделал Трубецкой в книге о Граде Божьем Августина.

В романе о Леонардо де Винчи — втором в трилогии «Христос и Антихрист» — Мережковский вновь ребром ставит вопрос о «раздвоенности» сознания между Язычеством и Христианством. Он не может решить дилемму о соотношении морали, этики, представленную христианством и, с другой стороны», механицизма, который ему представляется противоположным морали научным методом, основанным на голой целесообразности. Очевидно, что ему трудно разрешить этот вопрос потому что он относит душу, духовную энергию к мистическим феноменам, никак не связанным с естественными законами природы. В противном случае, он бы не увидел раздвоенности между научным

методом в механицизме и научным методом в этике: ведь этика — это тоже закон природы, закон сохранения силы духовной энергии.

Очевидно, что ошибка не в том, что он поставил Проблему Раздвоенности Сознания Человека: это величайшее достижение его философии. Ошибка в том, что он видит границу этой раздвоенности в разделении между Язычеством (как дохристианским миром) и догматикой Христианства. Между тем, Раздвоенность Сознания скрытая уже у первобытных людей, поскольку фундаментом любой психики является духовная энергия (у дикарей явно обнаруживается только магическое сознание поля Эгосистемы), со всей очевидностью обнаруживается в осевое время К. Ясперса, когда в Израиле, Греции, Персии, Индии пробуждается духовная энергия с первым откровением этических религий, и делается первый шаг от мифологии к логосу, от магического сознания к рационализму.

Поэтому уже до-христианский мир глубоко погружен в ту проблему Раздвоенности Сознания, которую Мережковский проводит как лейтмотив всех своих художественных и философских сочинений. Ренан показал в «Истории Израильского народа» глубокую раздвоенность сознания иудеев, обозначенную им как «элогизм» и «яхвеизм», противоборствующие в сознании нации: универсальный Бог-Отец против национального Бога-Властелина. В этой связи, он отводит Христу роль «последнего иудейского пророка», который завершил великую религиозную революцию иудейских пророков 8 века до н.э., и утвердил победу Универсального Бога –Отца, религию выстраданную еврейским профетизмом для всего человечества. Раздвоенность сознания Древней Греции еще более известна и глубоко разработана в исследованиях антиковедов. Она также представлена противоборством национальных богов магического сознания (Языческий Олимп Гомера) и с другой стороны Универсальным Богом-Интеллектом (метафизика интеллекта Элеатов, Пифагора, Сократа, Платона). Еще яснее прослеживается раздвоенность римского дохристианского сознания между

магическим и рациональным сознанием в противоборстве Чудовищ-Императоров с одной стороны и Святых Императоров с другой стороны.

С этой точки зрения, чтобы проследить становление Церкви Естественного права законов природы, нам необходимо правильно провести разграничительную линию Раздвоенного Сознания античности, поскольку в этом случае мы не пропустим, как делала эта мировая история до нас, огромного вклада в становление этой церкви, внесенного Римской Империей.

Итак, мы не ставим себе задачу прослеживать раздвоенность сознания между язычеством и христианством. Мы ставим себе задачу объединить христианское сознание со всеми его предтечами в античном мире целое становления поля Интеллекта и совести. И с другой стороны, жестко отделить от него тот Гибрис Эго языческой мифологии, который являлся порождением магического поля Эгосистемы, угнетавшего и разрушавшего попытки духовной энергии к становлению и развитию.

Языческое против Этического, где Языческое есть все магическое первобытное сознание физического контроля, от варваров до греческого Олимпа, полного порочных и безумных богов, а Этическое — все моральные религии, где на место победы тщеславия физического контроля ставится победа добра над злом, разума над безумием. И мы постараемся доказать, что Рим первых двух веков развил платонизм в этическую религию.

Е. Трубецкой «Учение Блаженного Августина о граде Божьем»:

> «Подобно идеальному государству Платона, Град Божий, хочет быть царством сверхчувственной идеи. До сих пор сколько мне известно, никто из современных исследователей не обращал внимания на тесное сродство между мировоззрением Августина и учением римских юристов и Цицерона о «естественном праве» (jus naturale). Между тем, при некотором знакомстве с философскими воззрениями римских юристов, сходство это бросается в глаза..Под естественным правом здесь разумеется неизменный строй вселенной, единый порядок, определяющий взаимные отношения живых

существ между собой. Как Августин различает вечный и неизменный мир, так и римский юрист Марциан различает естественное право, как вечную, незыблемую правду божию, от человеческих законодательств, неустойчивых и подверженных беспрестанным переворотам. «Институты естественного права, которые хранятся одинаково у всех народов, установленные некоторым божественным Провидением, всегда пребывают тверды и неизменны; те же, которые каждое государство установило само для себя, имеют обыкновение часто меняться либо в силу молчаливого согласия народа, либо посредством другого закона, изданного после. Как Августин в понятиях мира смешивает правовой и нравственный идеал, так же точно и римские юристы смешивают то и другое в идее естественного права. «То, что всегда хорошо и справедливо, говорит юрист Павел, «называется правом, какого и есть естественное право». Именно этот идеал справедливости и правды по учению Августина достигается в спокойствии вечного порядка, вечного мира Божия, где воздается каждому должное. Как для Августина Божеский мир, так точно и для римских юристов естественное право есть универсальный порядок, в отличие от различных положительных законодательств, которые носят на себе печать местных и национальных особенностей. «Ибо, — говорит Ульпиан, — при господстве естественного права все люди рождаются свободными». Для Августина, как и для римских юристов, раздробление единого рода человеческого на враждующие между собой царства, войны и рабство суть проявления извращенной человеческой природы. И если с точки зрения римских юристов все эти институты действующего права суть результат некоторого рода отпадения от нормального, естественного состояния, то Августин видит в них следствия грехопадения. Насколько это слияние римского идеала всемирного права с идеей всемирной божественной правды было подготовлено и предвосхищено уже в произведениях самих языческих римских мыслителей, читатель может видеть из следующих слов Цицерона: «Истинный закон есть правый разум, согласный с природой, незыблемый, вечный; он призывает к исполнению обязанностей, повелевая, и запрещая устрашает от обмана. Однако добрым он не напрасно повелевает и запрещает, злых же не подвигает к делу повелениями и запрещениями. Этот закон не может быть изменен или заменен в какой-либо части, либо в целом своем составе. Ни сенат, ни народ не может освободить нас от этого закона. И не нужно искать для него какого либо иного объяснителя или толкователя. И закон этот не будет иным в Риме, иным в Афинах, иным теперь, иным после, но один и тот же вечный и неиз-

> менный закон будет обнимать собой все народы во все времена, и будет единый и общий всем как бы учитель и повелитель — Бог, изобретатель, судья и установитель этого закона. Кто ему не подчинился тот отвергается самого себя и призрев человеческую природу, в силу этого самого понесет величайшие наказания, даже в том случае, если он избежит других мучений, которые считаются таковыми». Так выражается Цицерон в учении, которого римский юридический идеал воспринимает в себя элементы стоической философии. Из позднейших римских стоиков, Сенека в выражениях чрезвычайно напоминающих Августина, говорил о противоположности Божеского и человеческого царств. Марк Аврелий, выражая ту же мысль, возвещает, что «человек есть гражданин высшего города, по отношению к которому остальные города суть как бы отдельные дома». В идее всемирного естественного права римские стоики сходятся с римскими юристами коих философские воззрения, несомненно, носят на себе печать стоического влияния»

2. ГРЕЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ВО 2 ВЕКЕ. ВТОРАЯ СОФИСТИКА

Пифагорейские школы Пифагора, после огромного успеха, который они имели в свое время в Греции, были разгромлены, а сам Пифагор погиб в этом процессе. Сократ был казнен, а тиран Дионисий, которого Платон старался направить на путь «философа — правителя» в конечном итоге выставил Платона на продажу на рабском рынке. Великий Перикл, под руководством которого Греция узнала свои самые славные времена, жил под градом упреков и насмешек: его друга Анаксагора изгнали из Афин, его другого друга знаменитого скульптора Фидия привлекли к суду по обвинению в краже золота, выделенного на статуи богов, его возлюбленной Аспазии не позволили стать его супругой, унижая и презирая ее как иностранку.

Платон, вслед за Пифагором и Сократом, и в единстве с ними выступил против государства «воли большинства», этой «демократии-тирании», угнетавшей женщин и рабов, и неспособной выйти из состояния постоянных революций в переходе от тирании единоличного самодержца к воле большинства народных демократий. Платон впервые ставит вопрос о государ-

стве как обществе естественного права, где законы определяет не воля большинства, а законы природы, и значит законы бога.

Государство Платона — уже та церковь, где обществом правит господь, потому что здесь воле людей противопоставлены знания о законах природы, которые должны блюсти «философы-правители». Потому Ренан в «Истории Израильского народа» называет социальную революцию 8 века до н.э., произведенную иудейскими пророками — первой победой идеализма и первым Государством Платона. Вторым таким примером он видит Римскую Империю Антонинов, утвердившую идею государства как естественного права для всего последующего человечества. В то же время, сама Греция не только не воспользовалась идеями Платона, но как известно подвергла Сократа публичной и позорной казни.

Вот где нам следует обратить внимание на границы раздвоенности между сознанием античности. Греция произвела Платона и стоиков, но именно Рим развил и претворил в действительность их идеи. В то же время так называемое Греческое Возрождение второго века не имело ничего общего с полем Интеллекта настоящей философии, которая прославила Грецию на весь мир. Напротив, эта Вторая Софистика оказалась развитием магического сознания Гибрис Эго, победившего в Греции, то есть той культуры тщеславия (противопоставленной культуре совести Платона), которая в основе магического сознания и Языческого Олимпа Гомера. Таким образом, Вторая Софистика Греческого Возрождения несла только гибельное влияние. В то же время, римские ученые и литераторы в два первых века Империи работали в противоположном направлении, оказывая упорное сопротивление «культуре тщеславия», победившей в Греции, и противопоставляя ей этическую религию, «культуру совести» Сократа и Платона, победившую не на родине, а в Римской империи. Серьезная греческая философия, метафизика интеллекта, становится основой этической религии Римской Империи, в то же время Софисты, то есть фиктивный интеллект Гибрис Эго, представляют пагубное влияние Греческого Возрождения во 2 веке нашей эры.

В «Диалоге об ораторах» Тацита со всей ясностью отражена эта разница между моральностью римлян, которые понимают социальные отношения вообще и ораторское искусство в частности как борьбу добра со злом, как культуру совести поля Интеллекта, и с другой стороны праздной демагогией греческой школы риторов –софистов, не имеющей отношения к науке, к морали и связанной только с тщеславием поля Эгосистемы. В то же время, Тацит, не забывает упомянуть, что самое наука пришла из Греции и что величайшие ораторы Рима, который он прославляет за основательность научного мышления, учились в школах серьезной греческой философии.

Тацит, «Диалог об ораторах»:

> «И древние твердо усвоили это и понимали, что для достижения такой цели нужны не декламации в школах риторов и не упражнение языка и гортани в надуманных и никоим образом не соприкасающихся с действительностью словесных схватках, а обогащение души такими науками, в которых идет речь о добре и зле, о честном и постыдном, о справедливом и несправедливом; ведь только с этим приходится иметь дело оратору. Ибо в суде мы почти всегда толкуем о справедливости, на совещаниях — о пользе, при произнесении похвальных речей — о честности и в большинстве случаев связываем и перемешиваем одно с другим. Но говорить обо всем этом пространно, разнообразно и убедительно может лишь тот, кто познал человеческую природу, и могущество добродетелей, и извращенность пороков,
> «А теперь наших подростков отводят в школы так называемых риторов, впервые появившихся у нас незадолго до времени Цицерона и пришедшихся не по душе нашим предкам, что явствует из отданного им
> цензорами Крассом и Домицием приказания закрыть, как говорит Цицерон, эту «школу бесстыдства». 60 Итак, повторяю, наших подростков отводят в школы, в которых, затрудняюсь, право, сказать, что погубнее — самое место, соученики или способ занятий — действует на их души.
> а что до упражнений, то они чаще всего только вредны.
> И на такую надуманную, оторванную от жизни тему все же сочиняется

> декламация. Вот и выходит, что в школе ежедневно произносят-ся речи
> о наградах тираноубийцам,64 или о выборе, предоставляемом пре-терпев-
> шими насилие девушками своим похитителям,65 или о мерах пресе-чения
> моровой язвы,66 или о кровосмесительных связях матерей с сыно-вьями,67
> или о чем-либо ином в этом же роде, что рассматривается в су-де или
> исключительно редко и я утверждаю, что стать оратором может лишь тот — и никто другой никогда им не становился, — кто приходит на форум, вооруженный всеми науками, как если бы он шел в бой, запасшись необходимым оружием. Но этим настолько пренебрегают современные краснобаи, что в их судебных выступлениях встречаются отвратительные и постыдные ошибки, присущие повседневной речи; они невежественны в законах, не знают сенатских постановлений, больше того, потешаются над гражданским правом и испытывают величайший страх перед изучением философии и наставлениями философов.
> Если нужны свидетели, то назову ли я среди греков кого-нибудь, кто внушал бы больше доверия, чем Демосфен, относительно которого передают, что он был усерднейшим слушателем Платона? 56 И Цицерон, сколько мне помнится, именно в таких словах говорит, что всем, чего он достиг в красноречии, он обязан не заведениям риторов, а садам Академии»

К. Марта, «Философы и поэты моралисты во времена Римской Империи»:

> «Во все времена они любили делать из дара слова забаву или зрелище. Даже в самые лучшие для демократии дни любят уже бесполезные споры, искусственность в мыслях и слоге, неожиданности диалектики. Успехи Горгия, Протагора и др. софистов, современных Сократу, доказывают насколько греки уважали блестящие и трудные мелочи. ... Или восходили к баснословным временам и заставляли говорить какого-нибудь гомеровского героя: речь Менелая после того как у него похитили Елену или что мог сказать Гектор, узнав, что Приам садился за стол Ахилла. Бесполезно разбирать все эти декламации, более или менее остроумные, но почти всегда пустые. Похвалы, лестные перерывы, рукоплескания казались недостаточными для самолюбия оратора. Софист оставался доволен только тогда, когда

> его эффектное слово и тирада неудержимой пылкости прерывались порывами вакхического восторга, а иногда даже вскакивали и бегали кругом как безумные. Даже перед своей аудиторией они пускали в ход хвастовство переходившее иногда границы смелого и смешного. Доказательством этому служит речь Полемона: «Афиняне, говорят будто вы хорошие судьи в красноречии, я сейчас узнаю, заслуживаете ли вы этой репутации» И как им было не потерять голову, этим баловням моды и народным любимцам, когда набожные почитатели делали им возлияния как богам, когда наконец одному из них воздвигли колоссальную статую с надписью: Рим, царица мира, царю красноречия.
> Мы ничего не говорим об их нравах, так как догадаться о них легко. Сердце слишком близко к уму для того, чтобы испорченность одного не перешла к другому; невозможно было вполне предаваться легкомысленной игре ума, мелочной изысканности тщеславия, не отказавшись от истинного уважения к самому себе и от гордости честного человека. Потому то их раздоры, зависть и скупость были также известны, как их надменность, а их сладострастная жизнь была такова, что подала даже повод к появлению поговорки: жить как софист.
> Мы видим чем сделалось красноречие софистов: пустой декламацией, театральною игрой, с позами гистриона и блестящими одеждами, с женственным пением, словом, достойной забавой праздного и раболепного общества. Ничего разумного не могло выйти из этих смешных состязаний, так как ценой борьбы было лишь удовлетворение самолюбия, и сама борьба только битва двух тщеславий».

К. Марта — автор исторического исследования о римских писателях –моралистах первых двух веков Империи: Сенека, Эпиктет, Персий, Марк Аврелий, Ювенал, Дион Хризостом, Лукиан. Это герои его исследования, относительно которых автор подчеркивает, что главная цель всего их творчество — проповедь морали, проповедь нравственности, совести. Другими словами, это писатели которые видели целью своей жизни распространять этическое учение, и ставить борьбу добра со злом во главе всех социальных отношений. К. Марта просто выделяет это направление моралистов, как интересный факт, продолжая утверждать, что вершины культуры, которой достиг Рим в первых двух веках есть результат Греческого Возрождения, что Греция, говоря словами Горация, победила своих Римских завоевателей. Мы же ставим совей целью показать, что Возрождение

Софистики напротив связано с пагубным влиянием, и что Возрождением серьезной греческой философии метафизики интеллекта мир обязан Риму и римлянам. Более того, «золотой век Августа» и «золотой век Антонинов» — это не просто островки взлета Римской культуры, это рождение римской этической религии, которая явилась продолжением той смертельной борьбы Платона и Гомера, языческого Олимпа и морального Бога-Интеллекта Платона, которая началась в Греции и завершилась там казнью Сократа.

Здесь, в Риме, в первые два века христианской эры этическая религия Пифагора, Сократа и Платона побеждает, что находит свое отражение в утверждении идеи государства как церкви естественного права, а также в самом развитии и становлении римского права. Адоптивная монархия от Нервы до Марка Аврелия явила миру вторую победу Государства Платона, после победы революции профетизма в Израиле: истинных философов-правителей во главе государства, Богочеловеков естественного права, презирающих и проклинающих своих смертельных врагов: человекобогов — зверей, императоров чудовищ, похоронивших добродетель и мужество Рима в вакханалиях разврата и насилия над невинными. Писатели –моралисты отражают эту революцию победы этической религии в своих трактатах, отличительная особенность которых — проповедь добродетели и борьба с пороком, незнакомые праздному тщеславию языческих богов.

Так, римский писатель моралист греческого происхождения Лукиан (Плутарх и Эпиктет — также римские писатели моралисты греческого происхождения) известен своей едкой сатирой на порочность и нелепость языческой мифологии древнегреческого Олимпа. Лукиан подчеркивает, что порочность и распущенность богов Олимпа настолько отвратительны, что во всем противоположны законам человеческим, которые должны бы карать таких богов как преступников. Действительно, Г. Спенсер в «Социальной статике» подчеркивает, что «поклонение силе» (физический контроль, насилие-подчинение садомазохизма) ор-

ганически связано с порочностью магического сознания. Таким образом, заслуга Лукиана как моралиста в том, что он своими насмешками над царским двором Олимпа сделал для всех очевидным этот синдром магического сознания: физический контроль, основанный на тщеславии садомазохизма, и во всем противоположный этике и разуму. Софисты, фиктивный интеллект Гибрис Эго (в отличие от серьезной науки, рационалистической философии Греции) и явились продолжением языческой мифологии как «культуры тщеславия» поля Эгосистемы.

К. Марта, рассказывая о вкладе Лукиана в борьбу римским моралистов с погрязшим в распущенности римским обществом, подчеркивает, что языческий миф, несмотря на свою очевидную нелепость и порочность очень упорно держался в сознании античных людей, и что связано это не только с тем, что он постоянно обновлялся суевериями с востока, но прежде всего с тем, что языческая мифология оправдывала порок и приукрашала его поэтическими легендами. В этой связи очевидна параллель с современной дарвиновской парадигмой, которая точно также является фиктивным интеллектом, лженаукой, роль которой служить оправданием порочного и безумного поля Эгосистемы.

К. Марта, «Философы и поэты моралисты во времена Римской Империи»:

> «Впрочем, к чему было стараться разрушить религию, не представлявшую ни малейшей строгости, и не только не подавлявшую страстей, но делавшею их еще более притягательными и украшавшую их тысячью прелестных украшений? Следовательно, мифология меньше должна была опасаться вольнодумцев чем честных людей. Испорченность нравов мирилась с языческой мифологией, и наиболее развратные люди, для того чтобы действовать вполне свободно и исполнять все свои прихоти, не считали нужным возмущаться против языческой веры.. Вот почему басня, которую никому не было интересно разрушать господствовала так долго несмотря на свою лживость. Не только народ продолжал оставаться верным своему культу, но кроме того, таинственные догматы Востока, азиатские и египетские религии явились для того, чтобы подтвердить и обновить язычество.
>
> В эпоху Лукиана боги уже не имели того величия, которое им придал Гомер. Критика Лукиана точна, несмотря на всю свою

ненависть к религии, он передает баснословные предания во всей их неприкосновенности. Лукиана извлекает из басен мифологии естественные и законные следствия, показывающую всю мелочную, безнравственную и постыдную сторону поведения богов. Это серьезная, едкая и действительно философская критика. Он рассеивает обманчивые иллюзии басни и ставит ее перед взорами разума. То, чем мы больше всего восхищаемся в Гомере, кажется нам теперь не более, как ребяческими бреднями; наше смущенное воображение уже не смеет одобрить того, что только что было осуждено нашим здравым смыслом. Трудно описать ту притворную скромность с которой автор дотронулся пальцем до всех гнусностей своей религии. Божеская комедия Лукиана, также как и человеческая комедия Менандра, обязана своим интересом живому наблюдению нравов., он не считает нужным искажать их историю ради их унижения. Есть ли какой-нибудь сюжет который легче бы поддавался карикатуре, чем разнообразные любовные похождения Юпитера?... Когда речь идет о какой-нибудь небесной мерзости, о чем-нибудь слишком смешном, о какой-нибудь чересчур постыдной и нелепой басне, он шутит самым смелым и свободным образом?

Надо сознаться, что в эту эпоху было очень легко уронить в людском мнении богов; достаточно было подобно Лукиану, выставить как бы на театре весь небесный двор, как труппу актеров, и предоставить зрителям размышлять о степени моральности пьесы. Так как религия оставалась неподвижной, а человеческая нравственность делала успехи, то люди могли считать себя лучше богов. Это была странная аномалия в языческом мире. Те самые преступления, которые разрешались примером божества, осуждались философией и законами. Лукиан изобразил нам это странное положение: «Когда еще в детстве я читал у Гомера или Гесиода о войнах и возмущениях между полубогами и между самими богами, об их прелюбодействах, насилованиях, похищениях, спорах, об изгнаниях ими своих отцов, об их браках между братьями и сестрами, я воображал себе, что все это чрезвычайно хорошо и не мало восхищался всем этим. Но когда я увидел что законы воспрещают все это, запрещают прелюбодеяние, мятежи, похищения, я очутился в большом затруднении. Я не мог верить тому, чтобы боги были прелюбодеями не находя этого честным, ни тому что законодатели предписали совершенно противоположное». Эти слова объясняют нападения Лукиана на язычество. С одной стороны законно было разрушать развращающую религию; с другой стороны легко было выставить на посмеяние богов, которых не только могла порицать деликатная нравственность, но кото-

> рых даже положительный закон приговорил бы к самым позорным наказаниям, если бы их вызывали к суду как простых смертных. Лукиан довольно ясно указывает, что намерения его серьезны, цель возвышенна, и что его моральное стремление состоит в том, чтобы извлекать людей из их невежества и безумства».

К. Марта не верит римлянам, единодушно возмущающимся влиянием греческого характера на римскую добродетель. Он подчеркивает, что даже те, кто сам вышел из греческих школ и был поклонником греческой науки, не уставали нападать на коварство, распущенность и лживость греков. Поэтому он не разделяет этой критики, и считает, что это либо притворство, либо неспособность грубых римских умов оценить «изящество» греков. Вот где чувствуется нехватка постановки проблемы о раздвоенности сознания Мережковского. Мережковский в таких случаях ставит вопрос так: те его хвалят, а эти ругают, кто же прав? Правда в том, что его сознание раздвоенное. Действительно, Плавт и Цицерон поклонники Науки Греции, ее серьезной философии, но они же непримиримые враги Гибрис Эго фиктивного интеллекта софистов и языческой мифологии. Поэтому критика Катона, Плавта, Цицерона, Ювенала представляется вполне справедливой, также как и заслуженные восхваления рационалистической философии Греции.

К. Марта, «Философы и поэты моралисты во времена Римской Империи»:

> «Такое предубеждение римлян против греков было уже очень давнее, и Ювенал не более как передатчик всех этих жалоб, раздававшихся в Риме с первого появления греков во времена Катона. Кто не помнит вечных иногда странных жалоб Катона-цензора и его сарказмов против этих иностранцев, их подозрительной философии, лживой риторики и даже человекоубийственной медицины. Плавт, подражатель греков, нисколько не стыдится обижать их он вполне уверен что обрадует свою грубую публику и польстит ей, если выставит этих ловких красноречивых людей развратниками, интриганами и мошенниками. Вследствие того, в комедии и в народном языке явилось несколько поговорок, наивно доказывающих это римское прегрешение: развратничать называлось «жить по гре-

чески»; недобросовестность звали «греческим уверением». О человеке, обдумывающим на сцене мошенничество, говорят: посмотрите, он философствует. Все эти патриотические эпиграммы были очень приятны римлянам, не доверявшим науке, и думавшим, что деревенская простота — наилучшая подруга добродетели. Сам Цицерон, вышедший из школ Афин и Родоса, горячий поклонник Греции, притворялся будто он разделяет общее предубеждение и готовил себе ораторский успех, если если делал в речах нелестное изображение греческого характера. Но эти искренние или притворное презрение не помешали однако грекам победить Рим и навязать своим суровым завоевателям свои искусства, обычаи, моды и даже удовольствия. Ювенал такой завзятый римлянин что он не мог не найти у греков всех пороков. Он говорит то, что говорилось во времена Плавта: они сладострастны, коварны, лживы. «Жестче всякого оружия роскошь поживает нас и мстит за побежденный мир. Разврат устремил на нас всяческие преступления и всяческие гнусности с тех пор, как погибла римская бедность. Роскошь привела на наши холмы изнеженность Сибариса, нравы Родоса, Милета и увенчанного цветами, опьяненного и разрушенного Тарента».

3. РИМСКИЕ ПИСАТЕЛИ — МОРАЛИСТЫ. РОЖДЕНИЕ ЭТИЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ В ПЕРВЫЕ ДВА ВЕКА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Совершенно неслучайно, что Богочеловек науки и этической религии с одной стороны, и Человекобог магического сознания язычества достигли самого острого противостояния в Греции: ведь фиктивный интеллект — это побочный эффект молодого незрелого интеллекта. Греческое Гибрис Эго, которое развило защиту Эго поля Эгосистемы в поэтические образы языческого Олимпа и в теоретическое оправдание порока Софистов в этом смысле прообраз всех последующих ликов Сатаны в культурах народов, также одаренных абстрактным мышлением. Неслучайно, самый мощный Сатана сегодня обитает в западной цивилизации, преемницы не только античной культуры, но и высокой способности к абстрактному мышлению. Это ведь запад с бесстыдством языческого Олимпа утвердил «церковь Сатаны»

и «Библию Дарвина», прославляя физический контроль садомазохизма. Нам важно проследить как и почему самые культурные нации унаследовали греческий Гибрис Эго, который мы сегодня находим и в «культе Я» немецкого идеализма (Кант, Фихте, Гегель, Ницше, Сартр), и в скептицизме и цинизме английского эмпиризма и французского материализма, и в равной степени в византийском самодержавии-православии российского царизма, в цинизме марксистско-ленинского материализма и государства как «машины для насилия».

Велик вклад немецкого гения абстрактной мысли в становление современной дарвиновской парадигмы. Карл Ясперс, один из жестких критиков немецкого идеализма дал самую справедливую критику его, когда сказал, что немецкий идеализм породил гений абстрактного мышления, который заблудился в своем чрезмерном тщеславии. Греческий термин Hubris, который использует Ясперс чтобы описать это шизоидное безумие высокой абстракции, я позаимствовала тогда у Ясперса для обозначения Гибрис Эго. Вот почему грекам самим было так трудно излечиться от своего Гибрис Эго, и вот почему римляне, знаменитые своим здравым смыслом и своим отвращением к пустым абстракциям, сразу сумели отделить здоровое от глубоко нездорового в греческом наследии. По крайней мере римская интеллигенция.

Говорят, что Вергилий велел перед смертью сжечь свою «Энеиду», в которой он прославил в веках Империю Августа как спасение народов от гражданских войн в восстановленной великим императором республиканской свободе римлян. Хотел сжечь, говорят историки, потому что устыдился своей лести, потому что осознал, что империя Августа вовсе не была возвратом к древней свободе римлян, но тиранией самодержца. Так ли это? «Энеида» если ее сравнивать с «Одиссеей» и «Илиадой» Гомера, с которыми ее постоянно сравнивают, несет характеристики уже явно морального, этического произведения, тогда как произведения Гомера, несмотря на некоторую эволюцию в сторону этики, остаются выражением язычe-

ской мифологии. Сюжет Илиады — война двух Человекобогов, двух ахейских царей, которые приносят в жертву своему тщеславию абсолютно все: своих детей, друзей, наконец, всю Грецию. Сюжет «Энеиды» совершенно противоположен: Эней уже несомненный Богочеловек, который приносит в жертву воле Богов самое себя. Это святой, пророк, божий ангел, который наделен самим Богом великой миссией устроить на земле Царствие Божие: Великий Рим, чья мудрость, благочестие в поклонении воли богов, справедливость дадут всему миру Церковь естественного права (если мы будем понимать под естественным правом этическую волю богов Вергилия). Ведь у Вергилия — боги уже моральные. Юпитер, который на языческом Олимпе знаменит своими любовными похождениями, у Вергилия бог самых строгих этических правил: он страшно прогневан незаконной любовной связью Энея с царицей Карфагена Дидоной, и велит ему срочно вспомнить о своей священной миссии и отправляться в путь. Во всем сочинении Вергилия ясно прослеживается этот рок судьбы, тяготеющий над головой главного героя, который ему благочестиво повинуется, жертвуя свою жизнь для своей священной миссии. Наконец, если «небесный двор Олимпа» языческой мифологии есть собрание противоречивых, нелепых и порочных басен, то путешествие Энея в Ад представляет противоположную картину — метафизику этической религии, где Вергилий дает художественное изображение метафизики Пифагора и Платона, строго разделяя добродетель и порок, и потребность бессмертной души быть очищенной от порока. Неслучайно же, Данте берет своим проводником в христианский ад именно Вергилия. Вот где начинается этическая религия римлян. Эмоциональный тон «Энеиды» — это тон Тацита, который придет немного позже, чтобы оплакать победу чудовищ-человекобогов над добродетелью достойных и невинных граждан. Вергилий оплакивает гражданские войны, которые он изображает как войну италиков и троянцев, прародителей римлян, и поруганную невинность человеческой дружбы, человеческого

братства, когда грандиозностью своего поэтического таланта описывает следствия резни в страданиях друзей, матерей, отцов, детей. Это тот «плач по Патроклу», который облагораживает языческий в остальном тон гомеровских поэм. Вергилия обвиняли в империализме из-за его прославления римлян как властителей земли, но тот факт что его поэма — это рождение этической религии, утверждающей царство Богочеловека, во всем послушного этике разума и совести, делает его скорее певцом всечеловечности в Церкви естественного права.

Церковь дружбы, которая всегда возникает вокруг таких святых людей, стала средоточием творческой активности и окружения Вергилия и Горация в их клубе Мецената. Самые трогательные стихи Горация посвящены его дружбе с Вергилием и другим участникам этого морального союза. Варварство нашего века обычно воспевает языческую романтическую любовь и проходит мимо истинного чуда настоящей дружбы. Я напротив, стараюсь повсюду в истории собирать образцы настоящей дружбы как предтечи той «любовной общественности», о которой говорит Мережковский как религиозной революции которая придет на смену государствам, основанным на насилии. И в этом смысле церковь Христа и есть установление той церкви дружбы, святость которой в умении отделить «любовь» садомазохизма от истинного единства духа.

Другой такой пример вскоре после Вергилия и Горация, Персия и Корнута, дадут Тацит и Плиний Младший и множество еще других прекрасных людей их эпохи, упомянутых в письмах Плиния. В том числе, и император Траян, которого Плиний называет своим другом. «Панегирик Траяну» единогласно принято считать классикой жанра лести, я же попытаюсь доказать, что это святая книга, наподобие псалмов, хвалящих господа за отвращение страшных бедствий. Я постараюсь доказать, что книга эта наряду с «энеидой» Вергилия», «Историей Рима» Тита Ливия, сатирами римских моралистов, наряду с плач по поруганной добродетели летописей Тацита, наряду с хроникой святых мучеников, сражавшихся подобно Тразеи и Гельвидию с чудовища-

ми — Человекобогами составляет тот свод Священных Писаний Рима, который запечатлел рождение его этической религии в первых двух веках империи.

Чтобы понять, что славит Плиний в «Панегирике Траяну» нужно сначала прочитать о том горе, которое оплакивает Тацит в своих летописях. Существо каждого из них в том, что они берут моральный тон, что их суждения — это суждения священников этической религии, что они страстно любят добродетель и также страстно ненавидят порок. Тацит пишет о временах, когда Империей правили такие чудовища- Человекобоги, как Тиберий, Калигула, Домициан, Нерон, и потому тон его сочинений — это горе поруганной добродетели. Плиний в «Панегирике Траяну» тоже упоминает о горе, которое пережил он сам, когда Домициан казнил его лучших друзей, и когда его храбрость в защите своих друзей чуть не стоила жизни и ему самому. И он мог бы сказать также как Дион Хризостон Траяну: зачем мне льстить? Когда все боялись говорить правду при Домициане, я защищал честных людей. Плиний не льстит, Плиний плачет слезами поруганной добродетели, слезами поруганной любви к богу и к правде о том, что случилось чудо, и зло, которое казалось всесильным, что зло настолько чудовищное, что убивало одной гнусностью своего существования, что зло погубившее столько четных людей, вдруг понесло заслуженное наказание, а добродетель оказалась отмщенной! Вот о чем пафос восторженной речи Плиния! Это благодарность Богочеловеку, подчинившему себя воле богов в своей праведности и благочестии, и поставившему себя на службу людям вместо того, чтобы за счет их крови делать себя Человекобогом, претендуя в безумии насилия на всесилие богов. И Плиний так четко разграничивает в своей речи чудовище-Человекобогов от ангельской добродетели служащих богу и людям Богочеловеков, что его похвала справедливости и отмщенной добродетели превращается в мощную этическую проповедь, в восторженный гимн отчаянной борьбе со злом не на жизнь, а на смерть.

Тацит, «Анналы»:

> «Я решил приводить только те высказывания в сенате, которые
> представляются мне либо достойными всяческой похвалы, либо примеча-
> тельными по своей исключительной низости, ибо я считаю главнейшей
> обязанностью анналоп сохранить память о проявлениях добродетели и
> противопоставить бесчестным словам и делам устрашение позором в по-
> томстве. А те времена были настолько порочны и гак отравлены грязною
> лестью, что не только лица, облеченные властью, которым, чтобы сохра-
> нить свое положение, необходимо было угодничать, но и бывшие консулы,
> и большая часть выполнявших в прошлом преторские обязанности, и
> даже многие рядовые сенаторы наперебой выступали с нарушающими
> всякую меру, постыдными предложениями. Передают, что Тиберий имел
> обыкновение всякий раз, когда покидал курию, произносить по-гречески
> следующие слова: «О люди, созданные для рабства!». Очевидно, даже
> ему, при всей его ненависти к гражданской свободе, внушало отвращение
> столь низменное раболепие. Затем от недостойных слов понемногу перешли к гнусным делам.
> Этот Криспин первым вступил на жизненный путь, который впоследствии сделали обычным тяжелые времена и человеческое бесстыдство. Нищий, безвестный, неугомонный, пока при помощи лживых наветов, питавших жестокость принцепса, не вгерся к нему в доверие, он стал опасен для самых выдающихся людей государства и, сделавшись могущественным у одного и ненавистным для всех, подал пример, последовав которому многие, превратившись из бедняков в богачей и из презираемых во внушающих страх, приуготовили гибель другим, а под конец и самим себе.
> Неоднократно высаживаясь в окрестностях Рима и побывав даже в садах на Тибре,6 он снова вернулся к скалам и уединенному ост-

рову на море, стыдясь своих злодеяний и любострастия, которым он проникся с такой необузданностью, что, подобно восточному деспоту, осквернял грязным развратом свободнорожденных юношей. И возбуждали в нем похоть не только телесная красота, но в одних — целомудрие юности, в других — знатность рода. Тогда впервые вошли в обиход такие неизвестные прежде слова, как селларии и спинтрии — одно, связанное с названием гнусного места, где совершались эти распутства, другое — с чудовищным его видом.7 Рабы, которым было поручено разыскивать и доставлять к Тиберию юношей, податливым раздавали подарки, строптивых стращали угрозами, а если кого не отпускали близкие или родители, тех они похищали силою, и делали с ними все, что им вздумается, словно то были их пленники.

С поразительным соревнованием в раболепии римская знать принимает решение о свершении молебствий во всех существующих храмах,
о том, чтобы Квинкватры, в дни которых было раскрыто злодейское покушение, ежегодно отмечались публичными играми, чтобы в курии были
установлены золотая статуя Минервы и возле нее изваяние принцепса,
наконец, чтобы день рождения Агриппины был включен в число несчаст-
ливых. Тразея Пет, обычно хранивший молчание, когда вносились льсти-
вые предложения, или немногословно выражавший свое согласие с боль-
шинством, на этот раз покинул сенат, чем навлек на себя опасность.
Тем не менее Нерон медлит, объезжая один за другим города
Кампании, озабоченный тем, как его встретят при въезде в Рим, найдет ли он в нем покорный его воле сенат, благосклонность простого на-
рода; чтобы рассеять его колебания, негодяи из его окружения, которыми
его двор изобиловал как никакой другой, настойчиво внушают ему, что
имя Агриппины всем ненавистно и что с ее смертью народная любовь к нему возросла; Преисполнившись вследствие этого высокомерия, гордый одержанною победой и всеобщей рабской угодливостью, он торжественно
поднялся на Капитолий, возблагодарил богов и вслед за тем безудержно

предался всем заложенным в нем страстям, которые до этой поры если не
подавляло, то до известной степени сдерживало уважение к матери, каково бы оно ни было.

Сенату он направляет письмо, в котором не признается в умерщвлении Суллы и Плавта и говорит только о том, что, хотя они оба и исполнены мятежного духа, он зорко следит за безопасностью государства. На этом основании сенаторы определили назначить молебствия и исключить Суллу и Плавта из состава сената — издевательство еще более гнусное, чем самое злодеяние.

Получив это сенатское постановление и увидев, что все его преступления принимаются как выдающиеся деяния, Нерон изгоняет Октавию, объявив, что она бесплодна, и тотчас же сочетается браком с Поппеей.

Та, долгое время его наложница, помыкавшая им сперва как любовником,
потом как мужем, побуждает некоего из слуг Октавии обвинить ее в прелюбодейной связи с рабом.

А для Октавии день свадьбы сразу же стал как бы днем ее похорон: она вступила в супружество, не принесшее ей ничего, кроме скорби: по-
средством яда у нее был отнят отец, а вскоре после того и брат; затем
над госпожою взяла верх рабыня; потом Нерон, вступив в брак с Поппеей,
тем самым обрек свою прежнюю жену гибели, и, наконец, — последнее об-
винение, которое тягостней самой гибели. Ее связывают и вскрывают ей вены на руках и ногах; но так как стесненная страхом кровь вытекала
из надрезанных мест слишком медленно, смерть ускоряют паром в жарко
натопленной бане. К этому злодеянию была добавлена еще более отврати-
тельная свирепость: отрезанную и доставленную в Рим голову Октавии
показали Поппее. Упоминать ли нам, чта по этому случаю сенат определил
дары храмам? Да будет предуведомлен всякий, кому придется читать. —
у нас ли, у других ли писателей, — о делах того времени, что сколько бы

> раз принцепс ни осуждал на ссылку или на смерть, неизменно воздавалась
> благодарность богам, и то, что некогда было знамением счастливых собы-
> тий, стало тогда показателем общественных бедствий. Впрочем, мы и
> впредь не станем умалчивать о сенатских постановлениях, содержащих
> в себе новый вид лести или особо выдающихся своим раболепием. Никогда Рим не бывал так подавлен тревогой и страхом: все затаились даже от близких, избегали встреч
> и боялись заговаривать как с незнакомыми, так и знакомыми; даже на предметы неодушевленные и немые — на кровлю и стены — взирали они со страхом.
> Даже если бы я описывал внешние войны и говорил о павших в них за отечество, подобное однообразие обстоятельств их гибели и во мне самом породило бы пресыщение, и я бы наскучил другим, которых
> отвратил бы этот мрачный и непрерывный рассказ о смертях римских граждан, с каким бы мужеством и достоинством они их ни встретили; а тут — рабское долготерпение и потоки пролитой внутри страны крови угнетают душу и сковывают ее скорбью».

Только после этой хроники времен императоров –чудовищ, записанной Тацитом с вдохновением пророка, с мужественным благородством оскорбленного ангела, можно понять истинное значение столь же священного восторга Плиния победой добра, как священен гнев Тацита, рассказывающего о гнусностях абсолютной победы зла.

И при этом Тацит и Плиний, современники и друзья, чья дружба увековечена в «Письмах» Плиния, были не одиноки, как я много раз уже упоминала. Что и дает мне основания утверждать, что первые два века Римской империи были ее великой религиозной революций, когда Римская интеллигенция, подобно Русской интеллигенции времен Толстого и Достоевского, Герцена и Кропоткина, создает свою этическую религию на основе платонизма и стоицизма.

К. Марта, «Философы и римские поэты — моралисты»:

«Дион отважился отомстить жестоким памфлетом за смерть одного честного человека, казненного Домицианом. Изгнанный под грозою казни он исчез в изгнании. До тех пор он был просто софистом, влюбленным в самого себя и в славу; несчастье сделало из него теперь философа. Он возил с собой только один диалог Платона и одну речь Демосфена. Толпа народа окружала этого нищего, стремясь послушать его, как вдруг как вдруг туда пришло известие о смерти Домициана и об избрании Нервы. Римские легионы готовились произвести мятеж, когда вдруг Дион бросился на алтарь, и рассказал солдатам свою историю, рассказал о жестокости Домициана, о добродетели Нервы и своим живым красноречием заставил их вернуться к своим обязанностям. Дион вернулся в Рим, где он с тех пор и жил пользуясь милостями Нервы и Траяна. Мы увидим его проповедующим мудрость грекам, варварам, в Риме и Афинах, Родосе, Египте, Азии и взявшего на себя философскую миссию.
Он предписывает уважение к самому себе и поклонение богам. Тогда вы живете как философ, а иначе вы напрасно будете называть себя честным человеком, вы останетесь надменным, безрассудным сластолюбцем. «Знаете ли вы, что такое мудрец? Это человек не заботящийся ни о богатстве, ни о славе, ни об олимпийских венках; это тот кто продолжая оставаться великодушным в бедности, заботливо сохраняет достоинство своей души и свободу речи. Конечно, очень важно оставаться верным добродетели и возделывать ее в себе; но также важно призывать людей к мудрости путем увещеваний и если надо путем жестоких упреков.. Что ново в речах Диона, так это энергическое предложением им всенародной проповеди. Если над вами станут смеяться, видя ваше самоотречение, вашу скромную внешность и ваши смиренные чувства, если вас покроют презрением, ну и что? Будьте философами до конца и распространяйте свои невинные поучения с благодушием отца, брата, друга.
Во дворце любившего его слушать Траяна Дион произнес несколько речей о царских обязанностях. Дион спешит обнаружить тон своей речи: 2Не бойся, что я захочу льстить тебе, я давно уже доказал свою независимость. В прежнее время, я один не боялся говорить истину под угрозой смерти. И зачем мне лгать? Чтобы получить деньги, похвалы, славу? Но ведь я никогда не соглашался брать деньги, и разделил свое состояние на других».
Он берет текстом стих Гомера: «Троны раздаются Юпитером». Следовательно, он начинает говорить не от своего имени; он получил как бы божественное призвание. Если он объявляет, что царствование происходит от Юпитера, что он налагает на царей обязанность быть справедливыми и благотворительными, то держит подобную

речь лишь для того, чтобы повиноваться религиозной обязанности и исполнять повеления бога. Но рассматривая характер Диона, поучавшего государей так же скромно как и свободно, слыша его важную и твердую речь, когда он много раз торжественно излагал царские обязанности в присутствии императора и его двора, невольно хочется назвать его проповедником Траяна. Мы уже находим эти христианские слова у философов. Дион намерен заниматься «священным красноречием»; он называет называет философа «истинным толкователем божественной природы», он «небесный посланник». Дион дейтвительно играет роль проповедника, называемых Боссюэ «посланниками божьими».
В народных собраниях Дион — величайший оратор и бесстрашнейший философ. Греческие города Малой Азии постоянно завидовавшие друг другу, спорили между собой о первенстве, так как каждом из них хотелось сделаться метрополией провинции. Риторы и софисты старались поджигать ненависть и споры. Люди оскорбляли друг друга на улицах, дело доходило до драки. Римляне перестали обращать на них внимание: «Что тут сделаешь? Ведь это греки!» Среди этих волнений Дион являлся в качестве посредника, несущего кадуцей: он не примыкает ни к какой партии и проповедует согласие, почерпывая из философии вечные законы о человеческом обществе «Взгляните на эти громадные тела, движущиеся в величественной гармонии, а вы живя в маленьком городе, не можете оставаться покойными»

4. ЦЕРКОВЬ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА АНТОНИНОВ. МАРК АВРЕЛИЙ И ГОСУДАРСТВО ПЛАТОНА ВО ВТОРОМ ВЕКЕ

Э. Ренан «Марк Аврелий и конец античного мира»:

«Таким образом, окончательно сложилось чудесное целое, названное римским правом, тоже своего рода откровение, честь которого, по неведению, присваивается компиляторам Юстиана; но которое в действительности, было делом великих императоров 2 века., превосходно разъясненным и продолженным выдающимися юристами 3 века. Римскому праву предстояло торжество менее шумное, чем христианству, но в известном смысле более прочное. Вытесненное сначала варварством, оно воскреснет к концу средних веков, станет законом вырождающегося мира и при небольшом изменении сделается законом новейших народов. Этим то путем великая школа стои-

> ков, попытавшаяся во 2 веке преобразовать мир и как казалось, испытавшая полную неудачу, в действительности одержала полную победу. Собранные классическими юристами времен Севера они стали впоследствии законом всего мира. А эти тексты — дело выдающихся законников, которые собрались вокруг Адриана, Антонина и Марка Аврелия и окончательно ввели право в философский его период»… В первой книге своих дум, Марк Аврелий сам начертил нам картину той чудной среды, где как бы в небесном сиянии движутся благородные и чистые образы его отца, матери, деда, наставников. Благодаря ему, мы имеем возможность понять, сколько в старинных римских фамилиях, которые видели царствование дурных императоров, сохранилось еще честности, достоинства, прямоты, гражданского, и смею сказать, республиканского духа. Там чтили память Катона, Брута, Тразея и великих стоиков, душа которых не преклонилась перед тиранией. Царствование Домициана там ненавидели. Мудрецы, перенесшие его без унижения, почитались героями. Воцарение Антонинов было лишь призванием к власти того общества, чье праведное негодование нам изобразил Тацит, общество мудрых, сплотившегося путем союза всех, кого возмущал деспотизм первых цезарей. Никакого сходства с государем наследственным или Божьей милостью, ни с военачальником чисто республиканское владычество Нервы, Траяна, Адриана, Антонина и Марка Аврелия не имело. Это была как бы высокая гражданская должность. Марк Аврелий в особенности не был ни в какой степени государем в прямом смысле этого слова. Его отвращение к «Цезарям», которых он считал своего рода Сарданапалами, роскошными, развратными и жестокими, выражается беспрестанно. В жизненном обиходе он был вежлив до крайности; сенату он возвратил все его прежнее значение»

Богочеловек: Плиний подчеркивает принципиальную важность адоптивной империи (как и Тацит), как предоставление власти в Храме, избранникам богов, добродетельным и мудрым, а не наследникам своего тщеславия.

Плиний многократно противопоставляет императоров –чудовищ и Траяна, как Человекобогов и Богочеловека, как тех кто обожествил свое тщеславие и противопоставил себя богу и людям, и того, кто подчинил себя воле богов в служении добродетели, богу, и людям. В этом фундаментальный религиозный пафос его речи, как благодарности богу за победу святости, победу добра над злом.

Плиний, «Панегирик Траяну»:

> «привлек к участию в этом деле мнения не людей, а богов. Таким образом твое усыновление произошло не в спальне, а в храме, не перед супружеским ложем, но перед ложем великого и всеблагого Юпитера; так-то, наконец, было положено начало не рабству нашему, а свободе, спасению, безопасности. Славу этого дела присвоили себе боги: это их установление, это ими освященная власть. Нерва был лишь при этом помощником; тот, кто усыновлял, в такой же мере повиновался богам, как и ты, которого усыновляли».
> ...Если бы кто другой сделал для народа только одно это, то уже давно голова его была бы осенена лучами славы и уготован ему был бы среди богов трон из золота и слоновой кости, и на священных алтарях принесли бы ему обильные жертвы. Ты же входишь в храм только для того, чтобы самому там молиться, и допускаешь в качестве наивысшей почести для себя, чтобы статуя твоя была поставлена перед дверями храма. Таким образом получается, что боги сохраняют свое возвышенное положение среди людей, раз ты сам на него не претендуешь. Поэтому мы видим всего лишь две-три твоих статуи в притворе храма великого и многомилостивого Юпитера, да и те медные. А всего несколько лет тому назад все ступени и вся площадка перед храмом сверкали золотом и серебром или даже были залиты этими металлами, так как статуи богов стояли там в кощунственном сообществе со статуями нечестивого принцепса. Но твои медные и немногочисленные статуи стоят и будут стоять все время, пока будет выситься сам храм; те же, раззолоченные и бесчисленные, среди ликования народного были низвергнуты и разбиты в качестве искупительной жертвы. Народу доставляло наслаждение втаптывать в землю надменные лики этих статуй, замахиваться на них мечами, разрубать их топорами, словно бы каждый такой удар вызывал кровь и причинял боль. Никто не мог настолько сдержать порыв своей долго сдерживавшейся радости, чтобы не дать воли своей мести и не крушить этих ненавистных изображений и не бросать затем обезображенные их члены и обломки в огонь, который превращал их, наконец, из грозных страшилищ в предметы полезные и приятные для людей. Ты же, цезарь, со свойственной тебе во всем скромностью разрешаешь нам воздавать благодарственные молитвы за твою благость не перед изображением твоего гения, но перед статуей великого и многомилостивого Юпитера
> как вдруг ты ко всеобщему удивлению стал подниматься к креслу консула и позволил потребовать от себя той присяги, которая извест-

> на императорам только потому, что они требуют ее от других. Видишь, как было нужно, чтобы ты не отказывался от консульства. Ведь мы не поверили бы, что ты все это выполнишь, если бы ты отказался. Я поражен, сенаторы, не достаточно доверяю своим глазам и ушам и все задаю себе вопрос, действительно ли я все это видел и слышал? Ведь император — цезарь — август и он же великий понтифик, стоял перед консулом, а тот сидел перед стоящим перед ним принцепсом и сидел без смущения, без страха, как будто бы давно привык к такому положению. Мало того, он, сидя, произносил первым слова присяги, а император повторял слова выразительно и ясно и обрекал в них себя самого и весь свой дом на гнев богов, если он сознательно когда-нибудь нарушит свою присягу. Велика, о цезарь, и справедлива твоя слава,
> Другие государи хотели пережить свое государство и этого добивались; для тебя же ненавистно твое благополучие, если оно не связано с общим благополучием всего государства. Ты не допускаешь никаких пожеланий для себя, если они не сопряжены с пользой для молящихся за тебя; ты каждый год привлекаешь богов к совещанию о тебе и требуешь, чтобы они изменили свое мнение о тебе, если ты перестанешь быть таким, каким ты был избран. Но с твердым сознанием, цезарь, ты вступаешь с богами в договор, чтобы они охраняли тебя, если ты этого заслуживаешь, так как ты знаешь, что никто так это не примечает, как боги».

Молитва за победу добра над злом. Этот благодарственный гимн господу Плиния по мощности своего восторженного пафоса разоблачает глубокую религиозную глубину его чувства: благодарности богу за победу добра над злом. Этот крик души прорывается основным мотивом всей его речи.

Плиний, «Панегирик Траяну»:

> «Как радостно видеть государственное казначейство в тишине и спокойствии, таким, каким оно было до появления доносчиков! Теперь это храм, истинное святилище, а не мрачное хранилище имущества, отнятого у граждан, или добычи, кровью добытой у врага! Это во всем мире единственное место, где при наилучшем принцепсе дурные люди не в равном положении с добрыми. Соблюдается уважение законов, общественная безопасность ни в чем не нарушается, никому не прощается его вина, но за каждую полагается возмездие, и изменилось только то, что страх внушают теперь не доносчики, а законы При таком принцепсе награды добродетелям даются такие же, как при свободе [т. е. республике]; и вознаграждение за добрые поступ-

ки человек находит не только в своем сознании. Ты любишь стойкость граждан; правдивых и деятельных ты не подавляешь и не стесняешь, как другие, но поддерживаешь и возвышаешь. Полезно быть добродетельным, если считается вполне достаточным для человека, чтобы он не вредил. Таким лицам ты раздаешь почетные и жреческие должности, провинции, они процветают от дружбы с тобой, от высокого твоего мнения о них. Подобные награды за усердие и бескорыстие возвышают людей, подходящих к этим качествам, а неподходящих заманивают. Воздаяние за добро и за зло делает людей добрыми или дурными

Насколько же прекрасное зрелище доставил ты нам, цезарь, после того, столь тягостного! Мы видели суд над доносчиками такой же, как над бродягами и разбойниками. Но они строили свои козни не только в уединенных местах или на дорогах, но и в храмах и на форуме. Никакие свидетельские показания не были безопасны, никакое положение не обеспечено, не помогало ни сиротство, ни обилие детей. Зло увеличивалось еще алчностью принцепсов. Но ты обратил на это свои взоры и водворил мир на форуме, как перед этим — в военных лагерях. Ты выкорчевал это внутреннее зло и предусмотрительной строгостью обеспечил, чтобы государство, построенное на законности, не оказалось совращенным с пути законов.

но ничего не было нам столь приятно и столь достойно твоего века, как то, что нам пришлось смотреть сверху вниз на заломленные назад лица доносчиков и шеи их, скрученные веревкой. Мы узнавали их и наслаждались, когда их вели, точно умилостивительные жертвы за пережитые гражданами тревоги, за кровь казненных, на медленную казнь и тягчайшие муки. Все они были посажены на быстро собранные корабли и отданы на волю бурь

Есть ли такое место, до которого не доходила бы низкая лесть, когда похвалы императорам расточались на игрищах и в состязаниях, а дела их изображались в плясках, во всякого рода зрелищах, изнеженными голосами, жестами, движениями превращались в посмешище. Но особенно было недостойно то, что они одновременно прославлялись сенаторами в сенате и комедиантами на сцене. Ты же совершенно отстранил театральное искусство от участия в прославлении твоих деяний.

но для обсуждения и утверждения справедливости и для воздания благодарности твоей простоте и правдивости

Разве совсем недавно не приносили человеку величайшую опасность такие соображения государя: «О, этого человека хвалит сенат, он приятен сенату»? Принцепс ненавидел всякого, кого мы любили,

> но и мы ненавидели его любимцев! Теперь же самые достойные люди соревнуются в том, чтобы заслужить любовь как принцепса, так и сената. Мы выдвигаем взаимно друг друга, доверяем друг другу, что является самым верным признаком взаимной любви, мы любим одних и тех же лиц.
> Римский народ видел тебя на древнем престоле своего могущества; ты терпеливо выслушал длинное молебствие комиций, — продолжительный момент, не допускающий улыбки, — и сделался консулом как один из нас, которых ты назначаешь в консулы. Оказал ли кто-нибудь из предшествующих принцепсов хоть один раз такую честь как консульской власти, так и народу? Ведь одни из них ожидали дома вестников о своем избрании, заспанные или отягощенные еще вчерашним обедом, другие если и бодрствовали в этот момент, но уже замышляли в своих спальнях ссылки и казни против тех самых консулов, которые их избирали на свое место.. Большинство, однако, действовало так под влиянием не столько высокомерия, сколько страха. Или они, сознавая за собой распутство и постыдно проводимые ночи, не решались оскорблять своим присутствием ауспиции и осквернять своими шагами священное Марсово поле? Тебе же, наоборот, твоя скромность и чистота твоих нравов внушают открыто отдаваться на суд богов и людей.
> И не было при этом для них никакого спасения от страха, потому что если дурной государь боится каждого, кто лучше его, видя в нем своего преемника, приходится бояться всех без исключения, раз нет никого, кто не был бы лучше их. Но для твоей безопасности не имеет никакого значения ни медлительность вестников, ни запаздывание посланий. Ты твердо знаешь, что всюду тебе принесена присяга, так как и ты сам связал себя присягой на благо всех. Всякий знает об этом сам за себя. Мы любим тебя в той мере, как ты этого заслуживаешь, и делаем это не из любви к тебе, а к себе».

Церковь дружбы Богочеловека вместо Левиафана Садомазохизма Человекобога.

Плиний, «Панегирик Траяну»:

> «А было такое время, и продолжалось слишком долго, когда то, что было благоприятно для государя, было во вред нам, и наоборот. Теперь же все у нас с тобой общее, как радости, так и печали, и в такой же мере мы не можем быть счастливы без тебя, как и ты без нас. И в самом деле, судьба прежних государей учит нас, что и боги любят только тех, кто заслужил любовь людей. Трудно было воздать тебе равную похвалу за такие твои пожелания; но все же это сделали.

Какая пылкая любовь, какие побуждения, какие пламенные чувства подсказали нам эти восклицания! Эти голоса рождались, о цезарь, не от нашего ума, а от твоих доблестных заслуг, их не могла бы придумать никакая лесть, ничей страх. Разве мы боялись раньше кого-нибудь настолько, чтобы так притворяться, разве любили кого-нибудь так сильно, чтобы могли в этом признаться? Ты сам знаешь принуждение рабства: но слыхал ли ты когда-нибудь что-нибудь подобное, вынужденное рабством?
Ты сам свидетель того, сколько счастья отражается на всех наших лицах. И это не только праздничные одежды на ком-нибудь или маски, которые люди только что на себя надели. Потому-то и кровли наши оглашаются нашими радостными возгласами и нет нигде места, куда бы не достигали наши клики. Кто в это время остался спокойным и на своем прежнем месте? Кто отдавал себе в этом отчет? Многое мы сделали сознательно, но гораздо больше по инстинкту и подчиняясь внутренней воле. Ведь и радости присуща властная сила. Разве смогла положить ей предел хотя бы твоя скромность? Разве, наоборот, не пылаем мы сильнее, чем больше ты нас сдерживаешь? И это не упрямство, цезарь. Поскольку в твоей власти сделать так, чтобы мы ликовали, постольку не в нашей власти определить меру нашей радости. Но ведь ты и сам одобрил непритворность наших ликований искренностью своих слез. Мы ведь видели, как увлажнились твои глаза, как ты опустил от смущения взоры, как щеки твои залила краска, в то время как душа твоя была полна скромности. И это тем более вдохновило нас обратиться к богам с мольбою, чтобы у тебя никогда больше не было причины проливать слезы, чтобы никогда больше чело твое [не омрачалось]. Мы опрашивали эти места, эти кресла, как если бы они были в состоянии дать нам ответ, видели ли они когда-нибудь слезы принцепсов. Но знаю, они часто видели слезы сенаторов.
Но уже и в душах частных людей заглохли древние возвышенные чувства дружбы, на место которой вселились лесть, подслуживание и лицемерная любовь, что хуже даже ненависти. Таким образом и во дворце государей оставалось только наименование дружбы, пустое, осмеянное. Ибо какая же могла быть дружба между такими людьми, из которых одни считали себя господами, а другие рабами? Но ты вернул истинную, отвергнутую было, блуждавшую бездомно дружбу. У тебя есть настоящие друзья, потому что и сам ты для них истинный друг. Итак, ты сам любишь, когда тебя любят, и в этом-то чувстве, которое для обеих сторон является самым возвышенным, и заключается вся твоя слава. Если ты, занимая высшее положение, снисходишь до исполнения дружеских обязанностей и из императо-

> ра превращаешься в друга, то ты именно тогда и становишься больше всего императором, когда выступаешь в роли друга. В самом деле, если положение государя таково, что больше всего нуждается в друзьях, то и главной заботой государя является создавать себе друзей».

Д. С. Мережковский восхищался и Ренаном, посвятившим Марку Аврелию отдельный том в его многотомном труде об исследовании христианства, и Марком Аврелием и Плинием Младшим. В статьях «Марк Аврелий» и «Плиний Младший» он восхищается этими язычниками, в отчаянной борьбе которых со злом своего времени узнает самого себя. Однако, они остаются для него язычниками, как остается для Данте язычником Вергилий, его проводник в потусторонний мир, где он находит Платона и Сократа в самом спокойном и светлом уголке... ада. Этическая революция Римской империи 2-го века прошла для Мережковского незамеченной. Человекобог языческого Зверя, побежденный Богочеловеком Вергилия и Плиния и воплотившийся в целой династии «святых императоров» второго века, в Христе Римской Империи — в Марке Аврелии все еще обобщен со святыми людьми Рима в одну категорию «язычников». Так не для одного Д. С. Мережковского: религиозной революции, осуществившей переход от язычества олимпийской мифологии к этической религии в Риме не заметили, а значит пропустили и решающее значение Римской империи второго века как реального государства-церкви естественного права. Говорили только о Греческом Возрождении, тогда как значение второй софистики только негативное и пагубное. Ан отметил в своей книге о Марке Аврелии, что римское право как естественное право получившее такое развитие и ставшее основным продуктом Государства Платона Марка Аврелия — было Откровением Римской империи. К. Марта в книге «Философы и поэты моралисты во времена Римской империи» одним названием подчеркивает этический характер литературы первых двух веков, однако тоже смазывает предмет, примиряя эту литературу со второй софи-

стикой, вместо того чтобы жестко противопоставить эти два явления: Человекобога язычества и Богочеловека этических религий. Тем не менее, несомненная заслуга этого автора состоит в том, что выделил сам факт римской литературы как моральной литературы, как воинствующей литературы борьбы добра со злом и дал характеристику их писаний именно с позиций этики.

Град Божий Августина толкуется как наследие Церкви естественного права созданного религиозной революцией римлян в книге Е. Трубецкого. Очевидно, что в такой интерпретации Мережковский не стал бы спорить со своим товарищем и коллегой в поисках Града Божьего.

ГЛАВА 7. АНТИХРИСТ ПУТИН. ЯЗЫЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КОНСЕРВАТОРОВ

1. ДЕГРАДАЦИЯ ХРИСТИАНСТВА В ЯЗЫЧЕСТВО. ВИЗАНТИЯ КАК ЛЕВИАФАН САДОМАЗОХИЗМА. Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ, Л. ТОЛСТОЙ, А. ГЕРЦЕН, П. ЧААДАЕВ, А. ТОЙНБИ

Мы уже видели, что линия, разграничивающая два поля сознания, проходит между языческим, как варварством первобытного физического контроля, и этическим, то есть поле интеллекта и совести развитых, здоровых людей. Язычество древнего варварского сознания — это Садомазохизм поля Эгосистемы, чью порочность и безумие вполне представляет мифология «небесного двора греческого Олимпа», которую так остроумно высмеял Лукиан еще в далекой древности. Таким образом, мы видели, что не все что было до Христианства было языческим в этом смысле. Например, Римская интеллигенция двух первых веков нашей эры показала высокую культуру этического сознания, разумного и добродетельного.

В то же время, не все сознания христианских цивилизаций после возникновения христианской церкви было — этическим. История знает чудовищные примеры того, как христианство деградировало в магическое сознание язычества, то есть в пороч-

ность и безумие, в садомазохизм физического контроля. Уже Гиббон в «Истории упадка и падения Римской Империи» дает первые примеры такой деградации христианства в язычество. Затем движение Реформации обнажило чудовищные язвы папства, которые прямо указывали на тот факт, что на тот период католичество разложилось окончательно как этическое и разумное сознание и превратилось в садомазохизм физического контроля, в насилие, безумие и порочность.

По поводу восточной христианской церкви — византийского православия — исследователи еще более согласны во мнении, что то ценное, что есть в христианстве, его этическое сознание и рационалистическая философия, разложилось в византийской церкви под воздействием государственного гнета, который был неведом католичеству на протяжении веков. Об этом со всей жесткостью пишут Л. Толстой, Д. Мережковский, А. Герцен, Чаадаев, наконец, А. Тойнби в «Испытание цивилизации».

Евангелия Христа были большим катализатором на пути к становлению Поля Интеллекта и Совести Духовной энергии человечества, потому и принято было разделить эпохи христианства и до-христианского сознания, как этическое и порочное. Однако, несмотря на тот факт, что воздействие христианство было действительно очень мощным, оно не дало окончательной победы над злом, над магическим сознанием Поля Эгосистемы физического контроля. И именно об этом все религиозные исследования Мережковского в поисках Третьего Завета, который решит эту проблему окончательно. И конечно, он не одинок в этих поисках. Эрнест Ренан, Л. Толстой, А. Швейцер, К. Ясперс, А. Тойнби, Ф. Шеллинг, С. Кьеркегор, Ж. Санд и Пьер Леру, Р. Роллан, Г. Лессинг, Т. Пейн, Ж-Ж Руссо, В. Дильтей, Штраус — вот только некоторые имена людей ставивших вопрос о том, что Откровение Евангелия не есть истина в последней инстанции. И прежде всего сам Иисус, которого в этой связи много цитирует Мережковский, доказывая, что сам Иисус предсказал, что будет новое знание. «Человечество выросло из христианства, как младенец из пеленок», — говорит в этой связи Мережковский.

Чтобы Знания о Духовной энергии дали окончательное решение в борьбе с магическим сознанием физического контроля, они должны быть выражены на научном языке. Поскольку Бог есть Интеллект, то понятны слова Иисуса, когда он говорит, что Утешитель, которого он пришлет, будет уже говорить не притчами, «но прямо от Отца», то есть на научном языке. До тех же пор, пока наши знания ограничиваются смесью рационалистической философии и мифологии, процесс деградации, назад, в язычество, ничем не застрахован.

Исследователи христианства сходятся в этом пункте на том, что католичество и православие одинаково деградировали в язычество, с той разницей, что католичество внесло огромный вклад в дело борьбы за свободу и цивилизацию в свое время, разделив духовную и светскую власть, и в то же время православие не имеет таких заслуг, и самого начала использовалось против своей сущности этического сознания как «гайка» словами Мережковского для укрепления садомазохизма Левиафана — сначала Византийского, потом Московского.

Д. С. Мережковский, «Чехов и Горький»:

> «Всю тяжесть обвинения за отсутствие религиозного сознания сваливать на русскую интеллигенцию было бы несправедливо. История европейской государственности вообще, и русской, в частности, установила слишком тесную, почти неразрывную связь между религиозными, в особенности «христианскими» идеями» с одной стороны, и самыми грубыми формами общественной неправды и политического гнета, — с другой. Религия и реакции сделались почти неразличимыми синонимами. Кажется, довольно произнести слово Бог, чтобы многоголосное эхо в веках и народах ответило: гнет. Это кощунственное превращение имени Божьего в главную гайку, которою привинчиваются к духу и плоти так называемого «христианского» человечества всевозможные колодки, кандалы и другие, более или менее усовершенствовавнные орудия порабощения, есть одно из величайших всемирно-исторических преступлений. Но ежели нельзя обвинять русскую интеллигенцию, то не следует и потворствовать ей в этом невольном заблуждении. Давно пора обличить эту людьми освященную, Богом проклятую связь христианства с политическим произволом, учения истины и свободы — с учением лжи и насилия».

Д. С. Мережковский, «Революция и Религия»:

> «Так осуществилась в России, накануне политической революции, первая точка революции религиозной: конец православия предшествовал концу самодержавия.
> Я здесь разумею под концом православия не нарушение, а исполнение исторического христианства, ибо вся полнота заключенной в нем истины — свидетельство о Христе, пришедшем во плоти, — не отвергнута, а воспринята новым религиозным сознанием; отвергнута только ложь православия и всего исторического христианства — самодержавие, все равно, русского царства или римского папства, кесаря, который становится первосвященником, или первосвященника, который становится кесарем, ибо в обоих случаях совершается равная подмена Царства Божиего царством человеческим, происходит то отступление Петра, о котором сказано: отойди от Меня, сатана, ибо ты думаешь не о том, что Божие, но о том, что человеческое.
> Что конец православия — конец самодержавия и наоборот, это несомненно для тех, кто видит такую же неразрывную, не только историческую, но и мистическую связь между самодержавием и православием, как между папством и католичеством. Нет православия без римского кесаря, как нет католичества без римского первосвященника.
> Кесарь и папа — два неизбежные, хотя и вечно бесплодные, устремления всего исторического христианства, разделенного на восточное и западное, к тому вселенскому единству, от которого отказавшись, церковь изменила бы главному призванию своему: да будет едино стадо, един Пастырь. Ежели не царь всемирного царства, империи — глава восточной церкви или церквей, то вселенский патриарх; но предел патриаршества, как единства вселенского, и есть опять-таки папство. В этих двух односторонних, потому и неудачных, попытках теократии, священного царства и царственного священства, в этих двух человеческих личинах, которыми подменяется единый Божественный лик Христа, царя и священника, до такой степени истина смешана с ложью, богочеловечество с человеко-божеством, что распутать их или рассечь христианство, оставаясь только христианством, оказывается бессильным. Во всяком случае, не случайное совпадение, повторяю, то, что русской революцией последние судьбы самодержавия и отделением церкви от государства во Франции последние судьбы папства решаются одновременно: это две половины одного всемирного переворота, два начала одного великого конца»

Д. С. Мережковский, «Чаадаев»:

> «Всемирность — вот главная и, в сущности, единственная мысль Чаадаева.
> Смысл его таков.
> Церковь римско-католическая наиболее из всех церквей обладает религиозным сознанием всемирности, религиозною волею ко всемирности: недаром «католичество» и значит «всемирность». В течение пятнадцати веков народы Запада под сенью римской церкви жили одною жизнью, как члены одной семьи. Помогали друг другу, друг друга поддерживали и влекли на одном пути к одной цели. Благодаря этим общим усилиям опередили они все остальные народы. Руководимые церковью, в поисках «Царства Божьего», нашли *попутно* все блага земные — науку, искусство, гражданственность. И так был силен этот первый толчок, что он и доныне двигает народы, как всемирное тяготение двигает планеты вокруг солнца.
> Россия одна не участвует в общем движении. Христианство, «воспринятое из зараженного источника, из растленной, падшей Византии, отказавшейся от единства церковного», уединило Россию, исторгло ее из тяготения всемирного, бросило в пустое пространство, как метеор блуждающий.
> Римская церковь в тысячелетней борьбе с римскою империей утвердила свободу свою от власти мирской, от государства, — и свобода церкви сделалась источником всех гражданских свобод: «все политические революции Запада в сущности — революции духовные». Русская церковь поработилась государству, — и рабство церкви сделалось источником всех наших рабств. Русское социальное развитие — единственное во всемирной истории, в котором все с самого начала стремится к порабощению личности и общества.
> Вот почему у нас нет истории в подлинном смысле этого слова. Стоя как бы вне времени, мы лишены чувства всемирно-исторической *непрерывности*. «Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошлого и будущего, среди мертвого застоя… Мы так странно движемся во времени, что с каждым следующим мигом миг предыдущий исчезает для нас безвозвратно».
> Россия прежде всех других народов призвана осуществить обетования христианства. Мы еще не начинали жить. Но «настанет день, когда мы займем в духовной жизни Европы такое же место, какое занимаем сейчас в ее жизни политической, и здесь наше влияние будет еще несравненно могущественнее, чем там. Таков естественный плод нашего долгого уединения, ибо все великое зреет в одиночестве и в молчании».

Мысли его легко передать, но непередаваем их тон — *звук всемирности*. До него никто в России не говорил таким всемирным голосом. Тут впервые загорается всемирно-историческое сознание России; впервые дается всемирно-исторический разрез национального русского духа. Тут русская река впадает в океан всечеловеческий.

«Прекрасная вещь любовь к родине, но есть еще нечто более прекрасное — любовь к истине. *Не через родину, а через истину ведет путь на небо»*. Что истина христианства не национальна, а всемирна — это — общее место — в отвлеченности; но в действии новизна необычайная, острота невыносима. Страшные силы национализма топчут всемирность христианства, как степную траву топчет конь Атиллы: где прошел этот конь, там трава не растет. Вот против этой-то страшной силы и восстает Чаадаев.

Это величайшее из всех восстаний человеческих. И не понимающий религиозной глубины Чаадаева Герцен все-таки прав, когда вписывает имя его в русский революционный синодик.

«Моя Европа» — этого никто из русских и, может быть, даже никто из европейцев не говорил так, как Чаадаев. «У нас две родины — наша Русь и Европа» (Достоевский). Нет, не две, а одна. Одна земля — «земля ничья — земля Божья», — это чувство всемирности — русское народное чувство по преимуществу.

И Герцен, и Бакунин, и Вл. Печерин[9], и Л. Толстой, и Вл. Соловьев — все они, подобно Чаадаеву, — «русские бегуны», «странники», «здешнего града не имеющие, Вышнего Града взыскующие».

И в этом он — самый русский из русских людей. На вопрос, что такое русский народ в религиозном смысле, — можно бы ответить: народ, наиболее предчувствующий «конец всемирной истории», наиболее ищущий «всемирного соединения людей» — Града Божьего, Царства Божьего».

Л. Толстой «Исследование догматического богословия»:

«И, достигнув этого, я понял, и весь смысл учения и ужаснулся. Я понял, что всё это вероучение есть искусственный (посредством самых внешних неточных признаков) свод выражений верований самых различных людей, несообразных между собой и взаимно друг другу противоречащих. Я понял, что соединение это никому не может быть нужно, никто никогда не мог верить и не верил во всё это вероучение, и что потому для невозможного соединения этих различных вероучений в одно и проповедывания их как истину должна быть какая-нибудь внешняя цель. Я понял и эту цель. Я понял и отчего это учение там, где оно преподается, — в семинариях — производит наверно безбожников, понял и то странное чувство, которое я испыты-

> вал, читая эту книгу... Так что уже давно попы служат для себя, для слабоумных и плутов и для женщин. Надо думать, что скоро они будут поучать и пасти только друг друга. Это так, но все-таки что же значит, что есть люди умные, которые разделяют это заблуждение? Что значит эта церковь, заведшая их в такие непроходимые леса глупости? — Церковь — это, по их определениям, собрание верующих, попов, непогрешимое и святое... Из глубоких, искренних речей апостолов и отцов церкви, доказывающих непостижимость божию, выводится самым внешним образом словесная задача богословия — доказать, что бога нельзя постигать всего, но можно только отчасти. Но мало того, что рассуждение умышленно извращено, в этих страницах я в первый раз встретил прямое искажение не только смысла, но и слов священного писания»
> «Теперь же они, эти слова, — пишет он, — мне слишком, ужасно ясны. Вот она, та хула на святого духа, которая не простится ни в этом веке, ни в будущем. Хула эта — это ужасное учение церкви, основа которого есть учение о церкви».

Лев Толстой Царство божие внутри вас»:

> «Единственный выход из него для них — надежда на то, что, пользуясь авторитетом церкви, древности, святости, можно запугать читателя, своим умом обдумать вопрос. И это удается. Кому в самом деле придет в голову то, что все то, что с такой уверенностью и торжественностью повторяется из века в век всеми этими архидиаконами, епископами, архиепископами, святейшими синодами и папами, что все это есть гнусная ложь и клевета, взводимая ими на Христа для обеспечения денег, которые им нужны для сладкой жизни на шеях других людей, — ложь и клевета до такой степени очевидная, особенно теперь, что единственная возможность продолжать эту ложь состоит в том, чтобы запугивать людей своей уверенностью, своей бессовестностью»

Лев Толстой Царство божие внутри вас»:

> «Справедливо, что нигде в Европе нет столь деспотического правительства и до такой степени согласного с царствующей церковью.
> И потому участие власти в развращении народа в России самое сильное; но несправедливо, чтобы церковь русская в своем влиянии на народ отличалась чем-нибудь от какой-либо другой церкви. Как ни странно это кажется, церкви, как церкви, всегда были и не могут не быть учреждениями не только чуждыми, но прямо враждебными учению Христа. Недаром Вольтер называл ее бесчестная; недаром

все или почти все христианские так называемые секты признавали и признают церковь той блудницей, о которой пророчествует апокалипсис; недаром история церкви есть история величайших жестокостей и ужасов.
Церкви, как церкви, не суть некоторые учреждения, имеющие в основе своей христианское начало, хотя и несколько отклонившиеся от прямого пути, как это думают многие; церкви, как церкви, как собрания, утверждающие свою непогрешимость, суть учреждения противохристианские. Между церквами, как церквами, и христианством не только нет ничего общего, кроме имени, но это два совершенно противоположные и враждебные друг другу начала. Одно — гордость, насилие, самоутверждение, неподвижность и смерть; другое — смирение, покаяние, покорность, движение и жизнь.
Нельзя служить вместе этим двум господам, надо выбрать того или другого».

А. Герцен, «Развитие революционных идей в России»:

«Византийская церковь питала отвращение ко всякой светской культуре. Она знала лишь одну науку — ведение богословских споров; она изобрела условную живопись (иконопись) в осуждение плотской красоте античности. Презирая всякую независимую живую мысль, она хотела только смиреной веры. В России не было проповедников. Греческое православие увлекало их к византинизму, и они в самом деле стремительно приближались к этому бездонному стоячему болоту, в котором исчезли следы древнего мира. И, наконец, что иное представляет собой эта Византия, как не Рим, — Рим, времен упадка, Рим без славных воспоминаний, без угрызений совести? Какие новые принципы внесла Византия в историю? Быть может, общественный строй? Но в Восточной империи он основывался на неограниченной власти, на безропотном послушании, на полном поглощении личности государством, а государства — императором. Восточная церковь проникла в Россию в цветущую, светлую киевскую эпоху, при великом князе Владимире. Она привела Россию к печальным и гнусным временам, описанным Кошихиным, она благословила и утвердила все меры, принятые против свободы народа. Она обучила царей византийскому деспотизму, она предписала народу слепое повиновение, даже когда его прикрепляли к земле и сгибали под ярмо рабства. Петр I парализовал влияние духовенства, это было одним из самых важных его деяний; и что же, это влияние хотели бы теперь воскресить? Не нужно ли было бы постараться всеми средствами призвать русский народ к сознанию его гибельного положе-

> ния, — пусть даже в виде опыта, — чтобы убедиться в невозможности этого? И кто же иной должен был это сделать, как не е те, кто представляли собою разум страны, мозг народа, — те, с чьей помощью он старался понять собственное положение? Велико их число или мало — это ничего не меняет. Петр I был один, декабристы — горстка людей. Что вместо этого делали славянофилы? Они проповедовали покорность эту первую из добродетелей в глазах греческой церкви, эту основу московского царизма. Они проповедовали презрение к Западу, который один еще мог осветить омут русской жизни; наконец, они превозносили прошлое, а от него, напротив, нужно было избавиться ради будущего, отныне ставшего общим для Востока и Запада. Таким образом, русская история была историей развития самодержавия и власти, как история Запада является историей развития свободы и прав.
> Пусть поразмыслят славянофилы о падении Гоголя. Они найдут в этом падении, быть может, больше логики, нежели слабости.
> От православного смиренномудрия, от самоотречения, растворившего личность человека в личности князя, до обожания самодержца — только шаг».

А. Герцен, «Развитие революционных идей в России»:

> «Россия могла быть спасена путем развития общинных учреждений или установлением самодержавной власти одного лица. События сложились в пользу самодержавия, Россия была спасена; она стала сильной, великой — но какой ценою? Это самая несчастная, самая порабощенная из, стран земного шара; Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни. Любой помещик играл роль великого князя московского в миниатюре; и точно так же, как потеряли города свои вольности, державшиеся лишь за лишенные устойчивости обычаи, община в ее борьбе с помещиком была побеждена принципом власти и личного начала, более деятельных и эгоистичных, нежели она. Царизм, сам опиравшийся на неограниченную власть, по необходимости должен был покровительствовать покушению помещиков на права крестьян. Как ни странно, но ни один из государей дома Романовых ничего не сделал для народа.
> Народ помнит их лишь по количеству своих несчастий, по росту крепостного права, рекрутчины и всякого рода повинностей, по военным поселениям, по всем ужасам полицейского управления, по войне, настолько же кровопролитной, насколько и бессмысленной, которая длится двадцать пять лет в неприступных горах. Между дворянством и народом стоял чиновный сброд из личных дворян — продажный и лишенный всякого человеческого достоинства класс.

> Воры, мучители, доносчики, пьяницы и картежники, они были и являются еще и теперь самым ярким воплощением раболепства в империи. Класс этот был вызван к жизни крутой реформой суда при Петре I. Изустный процесс был тогда упразднен и заменен инквизиторским. Введенные по примеру немецких канцелярий мелочные формальности усложнили судопроизводство и дали крючкотворам страшное оружие. Совершенно свободные от предрассудков, чиновники извращали законы, каждый по-своему. Казарма и канцелярия стали главной опорой николаевской политической науки. Слепая и лишенная здравого смысла дисциплина в сочетании с бездушным формализмом австрийских налоговых чиновников — таковы пружины знаменитого механизма сильной власти в России. Какая скудость правительственной мысли, какая проза самодержавия, какая жалкая пошлость! Это самая простая и самая грубая форма деспотизма. Словом, картина официальной России внушала только отчаянье: здесь — Польша, рассеянная во все стороны и терзаемая с чудовищным упорством; там — безумие войны, длящейся все время царствования, поглощающей целые армии, не подвигая ни на шаг завоевание Кавказа; а в центре — всеобщее опошление и бездарность правительства. И я уверен, что существует известное основание для страха, который начинает испытывать русское правительство перед коммунизмом: коммунизм — это русское самодержавие наоборот».

A. Toynbee, «Civilization on trial»:

> «В этой долгой и беспощадной борьбе за сохранение своей независимости русские стали искать спасения в тех политических институтах, которые уже принесли погибель средневековой Византии. Полагая, что их единственный шанс на выживание лежит в жестокой концентрации политической власти, они разработали свой вариант тоталитарного государства византийского типа. Великое княжество Московское стало лабораторией для этого политического эксперимента, а вознаграждением за это стало объединение под эгидой Москвы целой группы слабых княжеств, собранных в единую сильную державу. Этому величественному русскому политическому зданию дважды обновляли фасад — сначала Петр Великий, затем Ленин, — но суть оставалась прежней, и Советский Союз сегодня, как и Великое княжество Московское в XIV веке, воспроизводит характерные черты средневековой Восточной Римской империи. В таком тоталитарном государстве византийского типа церковь может быть хоть христианской, хоть марксистской, лишь бы она служила интересам светского государственного управления. И вот с тех давних пор, с начала XIV века, доминантой всех правящих

> режимов в России были самовластие и централизм. Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако, к несчастью, русские научились терпеть ее, частично просто по привычке, но и оттого, без всякого сомнения, что считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями. Такое смиренное отношение к самовластному режиму, ставшее традиционным в России, является, с нашей, западной, точки зрения, одной из главных трудностей в сегодняшних отношениях между Россией и Западом. Огромное большинство людей на Западе считают, что тирания — это невыносимое социальное зло. Ценой страшных усилий мы задавили тиранию, когда она подняла голову среди нас в виде фашизма и национал- социализма. Мы чувствуем такое же отвращение к ней в ее российской форме, будь она названа царизмом или коммунизмом. Мы уже отметили, что христианство пришло в Россию не с Запада, а из Византии, где оно имело отчетливый антизападный дух и форму»

2. АНТИХРИСТ ПУТИН. НАЗАД, В ЯЗЫЧЕСТВО, — ЛОЗУНГ РЕВОЛЮЦИИ КОНСЕРВАТОРОВ

Президент России последние 25 лет, В. Путин, позиционирует себя как автора Теории Абсолютного Национального Суверенитета. Он нисколько не скрывает, что является убежденным националистом, который противопоставляет единой всемирной цивилизации человечества — «цивилизацию Россия» или «Русский мир». Он также прямо сформулировал свою позицию в споре с А. Козыревым, экс-министром иностранных дел, где поставил ему в упрек тезис об «общечеловеческих интересах», жестко противопоставив понятие «национальных интересов». В интервью О. Стоуну, он также подчеркнул, что является «прорусским» в отличии от О. Стоуна, который позиционировал себя как «гражданина мира», который стоит на стороне правды общечеловеческой.

Если мы рассмотрим главный учебник для ВУЗов по теории суверенитета, изданный в правление В. Путина, — «Происхождение суверенитета» Н. Грачева, издание 2018 года, мы увидим,

что книга эта является самым циническим надругательством над Евангелиями Христа, которые только можно было бы себе вообразить. При этом в этой книге утверждается основная идея Путина о том, что Россия — православное государство, и следовательно та религиозная основа, о которой так часто говорится в «Происхождении суверенитета» — это христианство, другими словами Ветхий и Новый Заветы Библии.

Как же можно писать о Теократии, — а книга устанавливает Закон Божий в основе государства — и не делать ссылок на тот самый Закон Божий, который как утверждается, есть основа права государства? Очевидно, что учебник писал материалист-дарвинист, марксист-ленинист, который в прошлом привык ругать и гнобить христиан, как вражеское племя. У автора отсутствуют минимальные знания основ христианской теологии, и почти единственная ссылка на Евангелии в тексте это слова Св. Павла о том, что «все власти от бога, и нет властей не от бога». Сам текст не только противоречит духу и букве Евангелия и Ветхого Заветов, но является прямым надругательством над всем, что там утверждается. Той «Хулой на Духа Святого», которая как говорит Иисус никогда не простится. И если Толстой в Исследовании догматического православия находит такую же хулу на господа, то там по крайней мере анализируется тексты Евангелия. Здесь, марксисты-ленинисты, материалисты-дарвинисты, самым наглым образом формулируют свои обычные догматы, и при этом утверждают, что Российской государство есть государство христианской теократии, ссылаясь на таких заклятых врагов Христа и церкви, как Ленин, Маркс, Энгельс, Ницше, К. Шмитт (юрист Гитлера). Что-то одно, либо это христианская теократия, и тогда ее закон — это Библия, обязательный и для власти и для народа, или же это светское государство, и тогда надо его закон — это «возведенная в закон воля господствующего класса», как говорит Маркс, и как уверяет «Происхождение суверенитета» Н. Грачева.

Вот например, из приведенного ниже отрывка где дается определение «Права», «закона государства», можно видеть, что

демократическая концепция «верховенства закона» опрокинута и опровергнута, и что вводится старое марксистское определение права: — возведенная в закон воля господствующего класса. Понятно, что тут и речи не может быть ни о демократическом верховенстве закона, определяемого народной волей (или волей большинства), ни о законе Библии, как Божьем Слове, ни тем более о правах человека, как естественном праве науки. Много раз подчеркивается, что закон для всех сочиняет «правящая элита» и нигде не сказано, что правящая элита в христианском государстве — это Христос и Евангелия. Цитатой Св. Павла о том, что вся власть от бога ничего не доказано, потому что Павел прав — разве все законы природы не установлены богом? И разве садомазохизм Левиафанов не есть результат законов детерминированной энергии психики? Но ведь те же законы природы говорят нам, что садомазохизм поля Эгосистемы — это тяжелая болезнь сознания, то самое язычество, с которым борется и христианство и все этические религии. И то что, бог сотворил все и в том числе сатану не значит, что мы должны принять сатану. Это значит что мы должны следовать законам природы Господа, а они в том, чтобы излечиться от зла Левиафанов поля Эгосистемы, излечиться от Сатаны.

Есть зато другая цитата из Евангелия которую любит приводить Мережковский настаивающий что только Христос может быть властью и главой государства и всякий кто метит на его место — Антихрист. «Мне принадлежит вся власть на земле и на небе». Как же получается, что элита путинской России игнорирует элиту христианства и в обход ей устанавливает законом свою собственную волю?

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Право, с этой точки зрения, есть только лишь один из способов, методов политического руководства государством и обществом, пусть и самый важный в современном государстве. Право создается или признается государством и почти во всех своих сущностных качествах зависит от воли правящей элиты, от тех целей и задач, которые она ставит перед государством на том или ином этапе его развития. Роль права и его значение заключаются в упорядочении,

стабилизации и воспроизводстве господствующих общественных отношений, «в замирении социальной среды» внутри государственно организованного общества, установлении и поддержании определенного стабильного порядка в нем. Но в любом обществе порядок общежития задается властвующей элитой. От правящих классов, сословий, групп, партий зависят содержание права и его роль, так как право — не единственный способ регулирования общественных отношений и создания «замиренной среды». Все это свидетельствует о приоритете политического над правовым в жизни государств на всем протяжении человеческой истории, или, говоря иначе, о приоритете государственной власти над правом, производности права от государства и государственной власти, которая и выступает основанием законности тех или иных правил и оценки тех или иных деяний в обществе.

Разумеется, осуществление властной роли (функции) не исключает применение принуждения, манипуляции, персонального авторитета, «голой» силы, как это утверждает Т. Парсонс. Сила, могущество, обладание ресурсами экономического и физического принуждения, способность их применить являются фактической основой власти.

Так как основной внутренней функцией государственной власти (если исходить из основной цели государства — обеспечение общего блага и общих интересов) является установление, поддержание и охрана общественного и правового порядка, то ей принадлежит монопольное, т. е. исключительное, безраздельное право на принуждение; узаконенное, «легитимное физическое насилие» а также суждение о том, ради каких целей подобает к нему прибегать.

Именно государственная власть посредством своих органов нормативно определяет: объем прав всех субъектов общественных отношений; основания и условия их ограничения и даже отчуждения; юридические обязанности и запреты, а также меры принуждения и ответственности в случае их неисполнения или нарушения.

Поэтому положение физических лиц, корпораций и союзов по отношению к государственной власти Р. Иеринг называет подданством, а положение последней относительно них определяет как верховенство»

Я со своей стороны утверждаю, что такой теории права не знает цивилизованная общественность со времен древних восточных деспотий, к которым эта работа Грачева «Происхождение суверенитета» беззастенчиво апеллирует. То есть учебник, который проповедует теократию христианства, нагло апеллирует вовсе не к Библии, а к язычеству древневосточных деспотий. Вот почему весь тот прогресс, которого добилось христианство в праве и в государстве за эти века, понятия нормативного права и естественного права, понятия народного суверенитета, единства субъекта и объекта власти в лице народа, верховенство закона, разделение властей — все это не только игнорируется, но самым наглым образом опровергается и отвергается с единственным обоснованием: ссылкой на авторитет «золотого века» языческих деспотий древнего востока.

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «В сознании людей традиционного общества государство и государственная власть имеют происхождение мистически-религиозное, всегда связанное с именем такого единоличного властителя.
> Хотя процесс образования государственности занимает длительное время, сам момент появления конкретного государства на исторической сцене выглядит как некий скачок, революционный взрыв
> в доселе плавно-эволюционном развитии этноса. Это всегда некое «чудо», божественный всплеск, воля провидения. Но видимой причиной этого «чуда» всегда выступает Сверхчеловек, Человек-Герой, причастный небесному огню хварно, обладатель харизмы, особой божественной благодати и наделенный свыше качествами, намного превышающими человеческую ограниченность и дающими ему силу для актуализации (проявления) и реализации суверенитета, как высшего жизненного символа народной жизни. Человек, в данном контексте, пользуясь словами ницшевского Заратустры, «есть нечто, что должно превзойти (преодолеть. — Г. Н.) ...сверхчеловек — смысл земли»

Здесь вопиющее язычество этого текста прямо говорит о Сатане, который обожествил сам себя, о Человекобоге язычества, о Сверхчеловеке врага христианства Ницше, о человеке-волшебнике, чьи способности превышают природу человека. В хри-

стианстве божий человек — это Святой, которые все известны своим служением человечеству на основе законов Евангелия, мученичеству ради этого служения. И первым был Христос, чья божественность позволила ему лишь сказать: я пришел послужить человечеству; у людей есть князья, но вы не будьте как они, но кто скажет я — первый, пусть будет последним». Вся теория Библии, и Ветхого и Нового Завета — эта теория социализма и правления закона, направленная против язычества Левиафанов: и их иерархии, и их «царей», и их господства и подчинения, и их магического сознания. Книга «Происхождение суверенитета» Грачева, которая претендует на водворении теократии христианства есть откровенно пропаганда как раз обратного: язычества и сатанизма древневосточных Левиафанов.

Вот в этой цитате где подчеркивается основной мотив произведения — нет равенства, есть только господство и подчинение (садомазохизм физического контроля) — авторы нашли даже «иерархию в степени близости к богу». Автор вообще не имеет представления о самых основах христианской теологии. Какая может быть иерархия лестницы в близости к Христу, сказавшему своим апостолам — «я в Отце и Отец во мне, и я в вас, и вы во мне». И он постоянно подчеркивает эту общность духа истинного Я человечества: «Я уже все вам рассказал, не называйте меня учителем, мы с вами друзья». «Не осуждать пришел я, но послужить», На судном дне Принц этого мира будет осужден, не имеет ничего общего во мне», «принц этого мира — сатана», и так далее в том же духе, Христос, как та школа иудейская из которой он вышел и которая знаменита своим анархизмом, отрицает всякую иерархию, и всякое господство и подчинение, которые лежат в основе Левиафанов садомазохизма. А вот «теократия христианства» Грачева уверяет, что «правящая элита» располагается по степени близости к Богу.

Н. Грачев, «Происхождение суверенитета» (2018):

> «В переводе с древнегреческого «иерархия» означает «священная власть». Не случайно в традиционных обществах Древности и Средневековья было принято признавать *священный характер верховной*

власти государства. Здесь «слово суверенный... обозначает нечто смежное с сакральным», а сама *верховная власть государства являлась* в то же самое время общественным *авторитетом* (auctorites). *Метафизический* уровень — значит находящийся за пределами физического мира, *трансцендентный* — то есть данный «свыше» и потому являющийся для всех частей и граждан государства *сакральным,* освященным и распространяющим свою *святость* на Верховную Власть и ее носителей. Эта *сакральность, освященность* есть общий имманентный признак подлинной, настоящей Верховной

Власти, позволяющий ей устанавливать и поддерживать государственно-правовой порядок без принуждения и насилия, во всяком случае, постоянного или длительного.

Однако определенная степень единства любого социального организма предполагает *иерархичность* его строения и внутренней организации.

Исходя из религиозных традиций, *иерархия* есть такая градация социальных статусов, такой лестничный принцип и строй, где все ступени определены их близостью к Богу, который и есть источник любого земного авторитета, любой власти и силы, связывающий мир в единое целое. Афоризм апостола Павла — «нет власти не от Бога; существующие власти от Бога установлены» — как бы закрепляет status quo, в котором постоянно пребывает всякая власть.

Иерархия есть *непременный атрибут любой власти*.

Поэтому реальным основанием для политического единства народа является его мировоззренческое единство, что придает государству органический характер. Неслучайно на протяжении почти всей своей многовековой истории, за редким исключением, государство продолжало сохранять характер института религиозного или тесным образом связанного с религиозно-мифологическими представлениями. В органических государствах древности, где существовало мировоззренческое, религиозное и морально-политическое единство власти и народа, а каждое сословие и государственный институт в соответствии со своим местом и назначением четко выполняли возложенные на него функции, такой контроль был не нужен. Верховная власть духовно и нравственно связанна со своим народом, выступала во всех своих функциях как служение божественной справедливости и посредством этого своей стране и народу. Верховная власть в этой интерпретации являлась представителем Бога на земле, непосредственно транслировала божественное в государственную и общественную жизнь, выступала как проводник божественного закона. Поэтому традиционно суверенитет всегда связывался с персоной су-

> верена, который отождествлялся как правило, с фигурой монарха. Имея источник своей власти в области трансцендентного, монарх обязан был следовать небесному Закону и возникшей на его основе традиции, исходящей из небесного источника».

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Государство возникает тогда, когда уже фактически сложившаяся Верховная Власть устанавливает свое господство над населением, занимающим определенную территорию».
> Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):
> «Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что высшая и конечная, реальная (практическая) цель государства заключается в нем самом, в самом его существовании, его воспроизводстве
> и развитии. ...Государство, нация и церковь образуют единое целое. «Тот, кто принадлежит
> вере, принадлежит и к нации». Поэтому классическое государство древности опиралось на единый народный дух, общие верования, традиции, убеждения и нравы... Их «единство носило не просто политический, но скорее духовный — а зачастую прямо религиозный — характер»

Иисус как известно проповедник Царства Истины, а евангелие от Иоанна прямо называет его Логосом, то есть Богом-Интеллектом. «Происхождение суверенитета» Грачева доказывает, что все горе человека от разума, от науки, от рационализма, от прогресса. Другими словами, не Бог — это Интеллект, а именно Сатана в интерпретации этой книги становится разумом и интеллектом, который разлагает человека. Причем разложение человека как раз в том и состоит, что он на пути прогресса, разрушает садомазохизм Левиафанов, и выходит к демократии народного суверенитета, к гражданскому обществу, к правам человека, к научному мышлению, к цивилизации и культуре. Книга прямо отстаивает магическое сознание варваров первобытных восточных деспотий и прямо объявляет всю цивилизацию и весь прогресс — загниванием или иллюзией. Больше всего нападает на отношения равенства, на народный суверенитет, на верховенство закона, постоянно подчеркивая, что их Левиафан — это отношения господства

и подчинения, «иерархия», «неравенство», поскольку это основа не христианского общества социализма и братства, а физического контроля садомазохизма Левиафана. То есть язычества магического сознания варваров.

Н. Грачев, «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Постепенная рационализация общественного сознания, заложенная еще католическим христианством и развитая протестантизмом, привела к утрате большинством европейских народов религиозного миросозерцания, устранению из политики и государственной деятельности религиозных принципов и норм, секуляризации общественной и политической жизни и десакрализации верховной власти. Теорией, заменившей собой принцип «божественного права», на основе которого строилась верховная власть традиционного общества, стала концепция народного суверенитета.
> …Основой власти выступают отношения неравенства и зависимости между *субъектом* и *объектом* властного воздействия, проявляемого во властеотношениях. Из этого вытекает, что «невозможно осуществлять власть над самим собой» и в обществе, государстве всегда существуют те, кто обладает властью, и те, кто им подчиняется, властвующие и подвластные, управляющие и управляемые.
> Это тем более относится к государственной власти.
> В итоге в государственной жизни современных государств и народов народный суверенитет в том виде, в котором он представлен в теории и конституционном законодательстве выступает как определенная политико-правовая фикция. Рассматриваясь как носитель верховной власти, то есть ее субъект, народ, вместе с тем является одновременно ее объектом, вынужденный весь в своем целом и в лице отдельных граждан подчиняться решениям органов государственной власти, причем не только высших, но и центральных, региональных, местных. В этом также проявляется неразрешимое внутреннее противоречие теории народного суверенитета и его коллизия с концепцией государственного суверенитета. Ведь в соответствии с последней, суверен — носитель верховной власти — не может и не должен быть никому и никак подчинен, а его власть не может быть юридически ограничена, никаким иным субъектом властной деятельности внутри государственно организованного общества.
> Для народа в государстве и обществе предусматривается совсем другая политическая роль, совершенно иные функции и назначение. Они заключаются в отвлечении от изначально содержащегося в народе принципа власти и переносе этого принципа на определенное

> лицо или учреждение вместе с добровольным обязыванием себя повиноваться этому признанному им субъекту как непосредственному носителю верховной власти, держателю государственного суверенитета; в наличии способности выявить из своей среды или принять извне дееспособную верховную власть, а затем свободно и лояльно повиноваться ей, добровольно обязывая и ограничивая личное Я в своих отдельных единицах. В этом состоит первичный акт народного суверенитета, который дает возможность возникнуть, формироваться и существовать государству. Государство — это всегда иерархически упорядоченное единство народа».

Автор учебника «Происхождение суверенитета» не скрывает своего восхищения «кастово-сословным строем» варварских деспотий — тех самых Вавилонов и Египтов, с которыми до сих пор сражается святой народ на страницах Ветхого Завета, как со Зверем Апокалипсиса. Более того, проповедники «христианской теократии» приводят нам кастово-сословный строй Вавилона и Египта как образец совершенства Золотого века, от которого нас пробудил «грех» «постепенной рационализации сознания». Авторы объявляют «жреческо-военную элиту» языческих Зверей-деспотий — самой близкой по иерархии к богу, наделенной божественной мудростью. Но на чем основаны их знания? На мифах языческих деспотий! Авторы этого не скрывают, и со всей наивностью цитируют мифологии язычества, их Человекобогов-Зверей, обожествивших себя, и при этом утверждают, что они теоретики христианского государства. Таким образом, рассказывая нам о христианском государстве, они не ссылаются на тексты христианского Слова Божьего, на Библию, но активно прибегают к цитированию мифов и ритуалов, порядков деспотий языческих государств. Они поэтому берутся утверждать, что люди, которые «Неравенство» и «иерархия» с властью — отличаются друг от друга социальными кастами, где верхние слои ближе к богу (а вождь — это воплощение божества как египетские фараоны), а нижние совсем никчемно далеки от бога. И потому, именно древние деспотии, где правили жрецы и воины — самые совершенные государства, тогда как государства где

«рационализация» привела к революциям и народному суверенитету — это общества маргиналов, где правят нижние слои торговцев и промышленников, и видимо крестьян и рабочих, то есть самые презренные сборища дегенератов, далеких от бога в нижнем слое своей касты. Это так нам изложили существо евангелия и Христианской церкви братского единства.

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Происходит постепенная рационализация сознания. На место мифологии и религии как основной формы познания и освоения действительности становится философия. Место духовных наставников — жрецов и магов — занимают философы, которые в отличие от первых, рассуждающих о богах, рассуждают о природе всех вещей, в том числе человека, общества, законов, государства, власти. Возникновение философии радикально меняет отношение к священному прародительскому праву, традиционным установлениям и авторитету царской, а затем и любой другой власти. Философия подрывает господство традиционного права и авторитета, подвергая все сомнению.
> …На пороге Нового времени зарождается идея прогресса, то есть представления о возможности принципиального улучшения окружающей действительности посредством человеческого разума и рациональной деятельности людей, о поступательном, в целом, ходе развития общества, необходимости радикального переустройства общественных отношений путем создания более совершенной политической организации на рациональных началах. Как считают многие современные философы, убеждение в прогрессивном, поступательном характере развития человечества со своей содержательной стороны было не чем иным, как мифом Нового времени. …До этого в сознании людей господствующим был противоположный миф, согласно которому «Золотой век» относился к прошлому, к «первичным временам», «правремени» Божественного сотворения мира, когда человек еще не отошел далеко, не отделился от своего Творца. На земле господствовал идеальный миропорядок и социум не был подвержен инволюции и деградации. В то время люди поддерживали Божественные установления с помощью передачи **сакральной традиции** на основе мифа, обряда и ритуала».

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Происходит постепенная рационализация сознания. На ме-

> сто мифологии и религии как основной формы познания и освоения действительности становится философия.
> …На следующем этапе деградации кастово-сословного строя на арену государственной жизни в качестве политической силы, претендующей на всю полноту власти, выходит третье сословие торговцев и производителей. В историческом плане этому этапу соответствует эпоха буржуазных революций. В политико-правовом аспекте — на смену абсолютным монархиям и аристократическим республикам приходят ограниченная монархия и олигархическая или демократическая республика. Третье сословие, бюргерство, буржуазия являются, как правило, носителями идеи юридического равенства и отрицают не только само право высших сословий на полноту власти, но и саму сословную систему. В Древней Греции идеология данного класса людей нашла свое выражение в философии софистов и эпикурейцев. В социально-политической сфере этому соответствовала ранняя демократия греческих полисов и, в частности, афинская демократия. В Новое время идеологией третьего сословия становится протестантская религия, а затем философия рационализма и позитивизма и различные либеральные концепции. Усеченная сакральность военной аристократии сменяется частичной фрагментарной сакральностью ранних буржуа как первоначального этапа десакрализации политики государства и власти».

Самое страшное, если народ «десакрализовал» своего Человекобога во главе Левиафана, — тогда ему грозит маргинальное общество демократии, где правят отбросы общества из низших каст. Они сочиняют глупые теории народного суверенитета и прав человека и верховенства законов с одной целью, чтобы оттеснить от власти тех, кто по статусу рождения в самой высшей касте, в правящей элите, ближе всех к богу. Таковы основы языческой теологии «Происхождения суверенитета» в государстве Антихриста В. Путина.

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Именно десакрализация верховной власти и утрата веры в экстраординарные, харизматические качества монарха как ее носителя приводит к возможности создания иной, демократической организации верховной власти. Теоретическим основанием такой замены и явилась концепция народного суверенитета. Можно сколько угодно сетовать по этому поводу, но «суверен-

> ный народ» оказался не в силах узнать в себе нового Бога, по крайней мере в части реализации им суверенных прав фактически, а во многом и формально юридически, передав их реализацию и осуществление своим полномочным представителям в органах высшей государственной власти. Как политический актор он оказался неспосо-
> бен заниматься решением конкретных вопросов, что с неизбежностью породило необходимость продолжение существования особой органи-
> зации верховной власти, не совпадающий с народом и продолжающей по прежнему представлять собой феномен реального носителя государственного верховенства (суверенитета) ...Народный суверенитет как особое политико-правовое явление, отличное от суверенитета государства, оказался не слишком глубоко проработанной юридической фикцией»

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Концепция народного суверенитета носит совершенно умозрительный характер, смешивает понятия и смещает акценты. Доведенная до своего логического предела, она ведет к отрицанию суверенитета как политико-правового явления, а следовательно, и к отрицанию самой суверенной государственности. Самым значительным пороком этой концепции является противопоставление государства образующему его народу, который является его этносоциальным субстратом. Другой ее существенный недостаток заключается в потере суверена как субъекта верховной власти, обладающего правом и способностью принятия последних окончательных решений общенародного значения... Не случайно процесс нахождения общей воли, вытекающей из недр общественного мнения, Г. Гегель связывает с деятельностью великих людей. С указанной точки зрения, авторитаризм и диктатура не могут быть решительной противоположностью демократии, а демократия — диктатуре и авторитаризму, на что практически в одно и то же время указывали такие разные мыслители, как В. И. Ленин, М. Вебер и К. Шмитт. Народ не может сидеть на престоле, надевать на себя венец и порфиру, постоянно пребывать в роли суверенного правителя. Ни весь народ, ни даже его активное меньшинство (элита) не способны быть последней инстанцией при принятии решений общего-
> сударственного значения. Народ является прежде всего объектом верховной власти, а не ее субъектом. Неслучайно отождествление

> субъекта и объекта верховной власти стало основным логическим противоречием либерально-демократических теорий 19—20 веков, которое оказалось неразрешимым и для практики современных демократических государств»

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Как показывает история государственного строительства принцип разделения властей, также как и все другие либерально-демократические ценности (приоритет прав личности, верховенство права, частная собственность и рыночное хозяйство, парламентаризм и тд) эффективно действуют на своей родной, автохтонной для них почве, в первую очередь в странах англосаксонской политико-правовой культуры. По сути принципиально в них почти нет ничего демократического, зато очень много либерального. Будучи провозглашены универсальными эти принципы на самом деле имеют англосаксонское происхождение и отражают интересы двух сменивших друг друга гегемонов мировой капиталистической системы- Великобритании и США которые, внедряя их последовательно с Запада на Восток в идеологию и практику государственного строительства других стран устранили всех своих политических конкурентов — сначала полуостровных европейских (Франция и Германия), а затем и евразийских Российскую империю и СССР. Поэтому либеральные принципы организации государства и общества в Великобритании и США носят созидательный характер, но в отношении стран — их геополитических противников — выступают как разрушительное идеологическое и политико-экономическое оружие»

Точно в том же духе выдержана книга Владимира Соловьева, всем известного журналиста-апологета путинского режима, — «Революция Консерваторов», — которая уже самым своим названием отражает существо политики Путинского режима: назад, возврат к «Золотому веку» Язычества, к восточным Левиафанам, наподобие Византийского самодержавия-православия, которое унаследовала в свое время Московское Царство. Путинский режим есть прямо противоположное движение — движению русской религиозной революции. Если девиз Мережковского — вперед, к прогрессу разума и этики, к Третьему Завету, к Церкви естественного права законов природы, к социализму и братству христианства (и как истинный христианин

Мережковский все свои тексты, особенно политические, перемежает цитатами из евангелия, которые у него встречаются на каждой странице), то девиз путинского режима, чьи теоретики проповедуют христианскую теократию и не знают основ ни Библии, ни Евангелий, — назад, к язычеству восточных Зверей-Левиафанов, физического контроля садомазохизма и магического сознания, назад от прогресса науки и разума, назад от цивилизации и демократии, прочь от равенства и социализма народного суверенитета.

Глубокое язычество тона Соловьева ничем не уступает тону книги Грачева «Происхождение суверенитета». Этот языческий дух, который слышно в каждом предложении так же невозможно подделать, как нельзя подделать дух истинного христианина, понимающего о чем идет речь в священной истории израильского народа. Здесь тот же цинизм материалиста, который рассуждает о международной политике как законе дарвинизма (осмеянного Мережковским в статье «Великая Россия»), где сильные пожирают слабых. Его насмешки над Академией Наук России, которая посмела сопротивляться, когда путинский режим подчинил ее силовым ведомствам, его уверения, что есть «государственная воля» устроить Тяньаньмэнь в России, и наконец, такая же откровенная пропаганда «кастово-сословного строя» древних Левиафанов, и те же насмешки над демократией, когда он цитирует какого-то лидера Египта: «Египет 4 000 лет жил без демократии». А динозавры жили сто миллионов лет без людей, это же не значит, что их общество предпочтительнее цивилизованного общества.

И наконец, самое главное заявление этой книги: «конституция России построена на ложных посылках», потому что она построена на «общечеловеческих ценностях Декларации прав человека». То есть естественное право, как следовало ожидать, самый главный враг путинского Зверя Вавилона, или Зверя Византии, принцип один Левиафана восточной деспотии.

В. Соловьев, «Революция Консерваторов»:

> «А у нас вся конституция построена на ложных посылках, на заблуждениях, а главное — на ложном определении цели. Короче говоря, конституция должна быть прописана таким образом, чтобы опираясь на нее, можно было выстроить систему власти. При этом уже в конституции заложено представление о том, каким мы хотим быть общество. К слову, довольно наивно закладывать туда то, что сегодня представляется нам «общечеловеческими» ценностями. Если кто вдруг не знает — это те, что записаны в Декларации прав человека».

Напоследок, я хочу отметить роль Оливера Стоуна в пропаганде путинского режима — роль очень неблаговидную, так как этот режиссер снял фильм и напечатал по нему книгу, в которой он распиярил «Теорию Абсолютного национального суверенитет» Путина почти как подвижничество и героизм в борьбе за международную демократию. На протяжении всего интервью О. Стоун возвращается к теме суверенитета, к Мюнхенской речи Путина, к тому как печально обстоят дела даже для европейских стран, «превратившихся в сателлитов Америки», не говоря уже о странах третьего мира, и что среди этого общего рабства, только голос героического протеста путинского режима вносит свежую струю воздуха в международную демократию. Стоун даже заканчивает книгу диалогом под заголовком Суверенитет, хотя там нет ничего о суверенитете. Но так сильно его желание представить варварскую пропаганду путинским режимом возврат к языческим деспотиям древности, эту миссию Антихриста, которую Путин взял на себя под личиной реставрации христианства в России, что О. Стоун идет на компромиссы с совестью.

Д. С. Мережковский, «Предисловие к одной книге»:

> «В России более, чем где-либо в мире, дела дьявола, ложь и человекоубийство, покрываются именем Божиим. Дьявол украл у нас имя Божие. Ежели смотреть не на то, что русские революционеры говорят, а на то, что они делают, нельзя не увидеть, что эти безбожники иногда святые. Со времени первых мучеников христианских не было людей, которые бы так умирали: по слову Тертуллиана, «они летят на смерть, как пчелы на мед».
>
> Русская революция — не только политика, но и религия — вот. что всего труднее понять Европе, для которой и сама религия давно уже политика. Вы судите по себе: вам кажется, что мы переживаем

естественную болезнь политического роста, которую переживали в свое время все европейские народы; пусть же перебесимся — все равно, выше головы не прыгнем, кончим тем же, чем вы, остепенимся, протянем ножки по одежке, взнуздаемся парламентским намордником, откажемся от социалистических и анархических крайностей и удовольствуемся вместо града Божиего, старенькой конституционной лавочкой, буржуазно-демократической серединкой на половинке; — так было везде, так будет и у нас.

Пожалуй, и действительно было бы так, если бы мы были не на изнанку, если бы не наша трансцендентность, заставляющая нас разбивать голову об стену, лететь «пятами вверх». Во всяком случае, на конституционной монархии мы не остановимся. Да и не могла бы, если бы даже хотела, русская монархия дать конституцию. Для царя православного отречься от самодержавия значит отречься от православия.

Но когда все исторические формы нашей государственности и церковности будут низвергнуты, тогда в политическом и религиозном сознании народа зазияет такая пустота, которую не наполнят никакие существующие формы европейской государственности — не только конституционная монархия, но и буржуазно-демократическая республика. Для того чтобы тысячелетние громады окончательно рухнули, нужно такое землетрясение, что все старые парламентские лавочки попадают, как карточные домики. Ни на одной из них русская революция не остановится. Но тогда на чем? и что же далее? Далее — прыжок в неизвестное, в трансцендентное, полет «пятами вверх». Русская революция так же абсолютна, как отрицаемое ею самодержавие. Ее сознательный эмпирический предел — социализм; бессознательный, мистический — безгосударственная религиозная общественность. Еще Бакунин предчувствовал, что окончательная революция будет не народной, а всемирной. Русская революция — всемирная.

Когда вы, европейцы, это поймете, то броситесь тушить пожар. Но берегитесь: не вы нас потушите, а мы зажжем вас.

Истинное безвластие есть боговластие. Слова эти загадочны. Но пусть пока так и останутся они загадкою.

Мы обращаемся не к буржуазному европейскому обществу, а лишь к отдельным личностям высшей всемирной культуры, к тем, для кого уже и теперь, по слову Ницше, «государство самое холодное из чудовищ». Такие одинокие, слишком ранние анархисты, как Бакунин, Толстой, Штирнер, Ницше, — горные вершины, озаряемые первыми лучами дня; а внизу, где еще темная ночь, — бесчисленные неведомые братья наши, всемирный рабочий народ, великое воинство гря-

дущей всемирной революции. Мы верим, что рано или поздно дойдет и до них громовой голос русской революции, в котором зазвучит над старым европейским кладбищем труба архангела, возвещающая страшный суд и воскресение мертвых».

ГЛАВА 8. МОНАРШИЙ ДВОР ЯЗЫЧЕСКОГО ОЛИМПА. ЗВЕРЬ ВЕРХОМ НА БЛУДНИЦЕ

1. ВОСКРЕСШИЕ БОГИ ЯЗЫЧЕСКОГО ОЛИМПА. ПРОИЗВОДСТВО АФРОДИТ

Я, Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили — автор Открытия Психической Энергии, автор Научной Революции Энергетика, человек всю свою жизнь посвятившего тяжелому труду на благо человечества, научному труду, о котором Эйнштейн говорил, что степень абстракции мышления ученых так далека от их личного существования, что только служением богу, религиозным вдохновением можно объяснить этот труд.

Меня в 2015 году самым циническим образом изуродовало, искалечило Правительства Президента России В. Путина. Мне стыдно называть этого человека Президентом России, потому что я никогда не соглашусь с теми, кто называет путинским режим — лицом России. Лицо России — это великая русская интеллигенция, это религиозная революция Д. С. Мережковского, это культ Л. Толстого во всем мире, это откровение русской литературы и демократического социализма, который она проповедует. Наконец, это демократический социализм правительств Н. Хрущева и М. Горбачева, которые сделали все, чтобы «Революцией сверху» исправить кривизну «революции снизу». Эту Россию я люблю, эту Россию я славлю.

Вот почему я утверждаю, что режим, который установил Путин есть режим Антихриста, перечеркнувшего все то настоящее и великое, весь тот неподъемный труд Богочеловеков на их пути служения Господу, что был произведен в России только для удовлетворения своего тщеславия Человекобога, — воскресшего Зверя Вавилона, антихриста, уничтожающего все божеское под личиной утверждения христианства. Лучше всех об этом «страшном преступлении», когда Дьявол прикрывает свое лицо маской Господа, сказано у Мережковского, этого русского пророка 20-го века.

Путин объявил предателями Хрущева и Горбачева. Будучи человеком «тьмы», о которых евангелие говорит, что из-за грязных дел своих боятся света и действуют во тьме, он ничего не говорит прямо. Как сказал его бывший друг С. Пугачев в интервью Гордону — «ну кто не знает, что он постоянно врет?!». Действительно, Г. Спенсер подчеркивал прямую зависимость между варварством (язычеством) и бесчестностью. Путин никогда прямо не говорит ничего, у него нет никаких теорий и идеалов кроме его доктрины «гибкости дзюдо»: врать в зависимости от обстоятельств. Поэтому, американцы — враги России в телевизоре, но не в интервью Стоуну, где они дорогие «партнеры». И это виляние между совершенно противоречивыми утверждениями и составляет главный тон всего интервью и всего что говорит Путин.

Так же с Горбачевым и Хрущевым. Хоть его ненависть, лютая и ярая к людям, которые разрушили его Левиафан, вотчину Зверя, очевидна для всех, он обходится только полунамеками: «я не поклонник Хрущева». «Я не поздоровался с Горбачевым на День Победы», — из его интервью Стоуну. Или поручает кому то другому озвучивать его мысли: например, Михалкову, который в одном выпуске своего Бесогона, уже совершенно прямо высказался о том, что Горбачев и Ельцин — государственные преступники и должны быть привлечены к ответственности, чтобы стереть и осудить их память. Тут было важно транслировать государственную позицию по политике Хрущева-Горбачева, по-

литике демократического социализма, уничтожившей Левиафан Зверя Византийского. Я тогда ответила на эту передачу Бесогона статьей, и опубликовала ее на своей странице в Фейсбук (запрещено в РФ).

Точно также обстоят дела во всех других сферах государства, где сегодня правят «Люди тьмы» режима антихриста.

Язычество кастово-сословного Зверя Вавилонского, с жреческо-военной элитой, называют христианской теократией. Самодержавие-православие Византийской деспотии называют «суверенной демократией». Революцию, которая опрокинула Самодержавие проклинают, но чувствуют правоту Мережковского о революционной сути русской интеллигенции и спешат обозначить свою реакцию в язычество — Революцией Консерваторов. Хрущева, Горбачева и Ельцина ненавидят как предателей, но декламируют свои цели как цели «демократического государства». Например, Путин много раз подчеркивает свою преданность демократии как идеалу мировой цивилизации в интервью Стоуну. В то же самое время, пишутся учебники в которых самым откровенным языком проповедуется Зверь Вавилонский, да еще под личиной «теократии христианства».

Истинную религиозную революции русской интеллигенции ненавидят и боятся насмерть, но никогда не посмеют люди тьмы, чьи мысли и чувства все ненастоящие, все грязные, все лживые говорить о своих мыслях и чувствах. На словах они преклоняются перед русской интеллигенцией, чей самоотверженный дух истинных христиан покорил мир. «У нас есть великий соотечественник, Толстой», — цитирует Путин Толстого Стоуну, а в это же время его «люди тьмы» в соцсетях ведут с нами, с поклонниками русской интеллигенции споры о ничтожестве и безумии Толстого под маской «оппозиции».

Льва Клейна еще в советские времена осудили за «гомосексуализм» — одного из ведущих археологов России, всемирно известного, и лекциями в различных университетах мира и многочисленными книгами. Это старый трюк «карательной психиатрии» людей тьмы, прикрывать свои преступления про-

тив лучших людей общества (людей света) грязными статьями. Вот например Википедия сообщает о громком случае уже времен режима Путина:

> «Юрий Дмитриев родился в Петрозаводске, некоторое время воспитывался в детском доме, затем был усыновлён. Приёмный отец был военным (офицер, ветеран войны, кавалер двух орденов Славы)
> 27 декабря 2021 года Петрозаводский городской суд ужесточил приговор до 15 лет лишения свободы.
> Верховный суд Карелии 15 марта 2022 года оставил в силе обвинительный приговор по признанию Дмитриева виновным в изготовлении детской порнографии с участием его приемной дочери, совершении развратных действий и хранении оружия, подтвердив назначенное ему наказание в виде 15 лет лишения свободы в колонии строгого режима»

«Этот пьяный штаб-лекарь, ругающийся над сумасшедшим философом, — не вечный ли символ русского просвещения?» — замечает по этому поводу Мережковский. «Философ Шеллинг находил Чаадаева самым умным человеком в России, а император Николай нашел его сумасшедшим. И это понятно: русскому царю царство Божие кажется „гнусностью", а мудрость Божия — безумием. За революционное действие он казнит лишением жизни, а за мысли — лишением разума».

Действительно, ненависть варваров, антихристов, язычников Зверя Вавилона к интеллигенции «ищущей Града Божьего» описал уже Солженицын в «Архипеоаге ГУЛУГе».

И вот, по какой-то метафизической логике Господа, антихристу Путину, поставившему целью возрождение языческих Человекобогов и Зверя Вавилона, после всей крови пролитой человечеством в страшной борьбе с этим Зверем со времен священной истории израильтян и антихриста Нерона, и после всей крове пролитой в смертной борьбе со Зверем Византии в России, — вдруг противопоставляется Открытие Психической Энергии, Третий Завет Мережковского, который ставит точку в русской религиозной революции и забивает последний гвоздь в крышку гроба Зверя Вавилона. «Зверь пойман» как сказано в пророчестве Нострадамуса об ученом в России первой половины 21 века.

Конечно, я ничего не знала о том кто есть Путин на самом деле — меня вполне обмануло профессиональное вранье этих людей тьмы, когда я писала в Правительство сообщить о великом Открытии, которое вознесет Россию на вершины политической и социальной мощи. Не оружием, войнами и грязными интригами, а великим открытием, одинаково полезным для всего мира — таким достижением как вкладом в мировую цивилизацию вправе гордиться любой народ. И конечно, я ждала праздника для всей страны, праздника для всего мира, праздника для меня и для моей семьи.

Однако, люди тьмы показали свое истинное лицо. В ночь с 21 на 22 марта 2015 года, они просто нашли меня в Хостеле Apple на Маросейке в Москве, и просто изуродовали так, что у меня остановилось сердце. Мне запускали сердце заново, и у меня был сломан позвоночник на четырех уровнях, переломаны все ребра, разорваны пятки. А вот на голове не нашли ни единой царапины. В реанимации Склифа в Москве мне сказали что все тазовые органы у меня в крови, и тогда я попросила заключения гинеколога. Ответом мне было, что во всем Институте Склифасовского нет ни единого гинеколога. Так что мне неизвестно как далеко зашло надругательство, я была без сознания, когда меня калечили палачи путинского режима. Все документы –копии моих переговоров с сайтом Президента России, с Министерством Образования РФ, с РГНФ, куда меня направил сайт, а также выписку из реанимации Склифа я много раз публиковала и в Фейсбуке (запрещено в РФ), и в сових книгах, и в сборнике документов «Documents».

Мне казалось, что Путин преемник Хрущева и Горбачева, я жестоко ошиблась. Путин — антихрист и враг русской интеллигенции. Тогда я стала писать в мировые СМИ и мировые университеты, потому что все еще была уверена подобно Чаадаеву, что Запад по крайней мере, скажет свое слово в защиту науки, в защиту справедливости. И я опять ошиблась, потому что и на Западе точно также воскресли древние боги-инвалиды Язычества, так что «люди тьмы» западных правительств представляли Монар-

ший Двор Языческого Олимпа в полном составе: тут были и ожившие Зевсы, и Афродиты, и Юпитеры, и Эросы, и Приапы, Гераклы и Ахиллесы. Были все языческие Человекобоги, и не было только людей. Только один раз мне ответили из университета Кембриджа в Англии, когда я послала туда свою Научную Революцию Энергетику на английском языке. Сказали между прочим, что будут печатать мою книгу в издательстве Кембриджа. А потом еще прислали два письма с извинениями, что они передумали, подтверждая таким образом многократно свое решение печатать мою книгу. Все эти документы также многократно мною опубликованы и даже разосланы в мировые СМИ. После этого единственного раза, наступила мертвая тишина: западный мир так очевидно, абсолютно и тотально для меня умер, что было понятно, что это какая то общая политика, идущая с уровня правительств, с уровня Монаршего Двора Языческого Олимпа. Стало очевидно, что Путин — антихрист не шутил когда говорил, что он и другие Человекобоги из Языческого Олимпа современной правящей элиты — партнеры. Больше всего и прежде всего они оказались партнерами именно в решимости уничтожить Науку, Третий Завет, который обрекал таких Языческих Зверей как они на честную и порядочную жизнь, как у всех нормальных людей. Для Зевсов, Эросов, Гераклов и Афродит такая жизнь хуже смерти. Кто не знает к какой скандальной хронике они привыкли?

Действительно, дарвиновская парадигма стала просто живительным нектаром для изгнанных христианством с Олимпа Языческих богов разврата и преступления. Римлянин греческого происхождения Лукиан убедительно доказал что Языческие боги, безумные и развратные, ничем другим кроме преступления и вакханалий не занимались. Сначала римские писатели-моралисты, а потом и церковь христианская пристыдили было их и прогнали с позором с Олимпа, но тут вдруг манна небесная упала на головы изгнанников: дарвиновская парадигма доказала, что для победителей все средства хороши, что прав тот кто сильнее, что критерием истины служит силы. Вот где безумие и порок древних олимпийцев были всецело и абсолютно оправ-

даны, и боги торжественно проследовали назад, в свой Монарший Дворец на Олимпе, и скандальная хроника олимпийского королевского двора вновь забила ключом. Прежде всего была создана Церковь Сатанизма, которая навеки утверждала «безумие и преступление» языческих богов как «естественные законы природы человека» на основе Социального Дарвинизма (Библия Дарвина и Церковь Сатаны Ла Вея»). Что тут началось! Шизоидный Гибрис Эго западной интеллигенции понесся сломя голову наперегонки сочиняя произведения на тему, заданную Ницше: «кто безбожнее меня? Я самый безбожный человек!» Нигилизм, дендизм, воспрянувший маркиз де Сад — это воплощение Эроса с Приапом — все соревновались в доказательстве ничтожности и даже преступности морали, этику ненавидели, нравственность и совесть обвиняли во всех грехах и неудачах человечества.

Так, Монарший Двор воскресшего Олимпа устроился совсем неплохо на своей старой языческой горе. И тут вдруг Открытие Психической Энергии, которое доказывает, что нельзя воскреснуть из мертвых, что языческие боги-инвалиды навсегда останутся в своих темных могилах, что Зверь Вавилона и Зверь Византии, Зверь Нерон и Зверь Тиберий осуждены на веки вечные пока будет стоять человечество. Вот где автора Научной Революции Энергетика ждало множество сюрпризов. По крайней мере, сразу стало очевидно, что праздников не будет: ни для страны, ни для мира, ни более всего для меня самой.

Однако, на сегодня, Олимп богов-инвалидов продолжает худо-бедно функционировать. Как говорит Эрих Фромм, современная западная культура — эта культура языческих героев, героев победы любой ценой, но не христианских героев совести. Еще больше это справедливо для путинской России, и для людей тьмы советских времен, запиравших все лучшее в ГУЛАГи ив психиатрические лечебницы. Более мелкие олимпийцы региональных уровней равняются на мировой Олимп.

Я живу в Северной Осетии, во Владикавказе, и мне пришлось испытать на себе давление такого местного олимпийца — Министра Образования Республики на тот момент, человек с которым

мы один год проучились в университете Осетии. На меня оказывали анонимное давление годами — анонимные звонки мне, моим родственникам, машины забитые хулиганами у дома моих родственников и тд и тп Я догадывалась кто это, но была бессильна бороться в силу анонимности угроз. Я звонила, спрашивала, мне отвечали, что не понимают о чем речь, а мне приходилось жить и работать под дамокловым мечом. Эти люди безумны, и это поведение языческих богов не только маленьких, но самых больших Олимпов, как я могла убедиться в последнее время: у них нет имени, нет личности, нет личных отношений с людьми. Есть только физическое давление, и они добиваются безнаказанности за счет анонимности этого давления. Пока однажды мне в Москве (для местного Олимпа Москва — это родной дом) не позвонила на мобильный женщина, и не стала угрожать прямым текстом: «Тебя отпиздят!». Я конечно бросилась в милицию, и оставила там заявление, предъявив свою симкарту с входящим номером, который оказался номером домашнего телефона в Москве. Милиция проверила номера соседей, и нашла там Вадима Исаева того же года рождения, что и человек, который меня преследовал. По приезде домой, я набрала этому человеку и попросила о встрече. Он приехал потому что видимо решил, что я испугалась звонка той женщины, и значит можно издеваться дальше (человек этот уже тогда был дважды женат и имел детей от обоих браков). Когда он узнал истинную причину моего звонка — что я была в милиции и там нашли соседа женщины которая мне угрожала, он не смог скрыть шока. «Ты знаешь Исаева Вадима?». Человек очень долго приходил в себя, потом наконец выдохнул «на вскидку не вспомню». Вот это был единственный раз, когда мне удалось как то доказать, что оказываемое на меня анонимное давление исходило от этого человека местного осетинского Олимпа, который как местный Зевс всегда делал вид, что Олимпйцам ничего не нужно, у них итак все есть, и верили им, а не нам, распятым божьим ангелам. И били они всегда в самое святое как истинные язычники: в дружбу, в семью, в «патрокла», когда видели что угроз жизни недостаточно.

Тот кто работал над серьезной научной задачей поймет, чего мне стоило в такой ситуации продолжать работать. (Когда та женщина с угрозами звонила мне в Москве, я сидела за книгами в Ленинской библиотеке. На что мне эона ответила: такому говну как ты там нечего делать!) Это невероятно, но ценой тяжелейших нравственных и умственных страданий мне удалось закончить свой труд под лезвием той гильотины, которую надо мной подвесили божки местного осетинского Олимпа. Когда я писала в Правительство России на сайт президента, я просила оказать помощь в борьбе с бандитами которые мешают ученому работать, и говорила о заявлении в ОВД «Выхино» в Москве.

Однако, ответом Правительства России, как и следовало ожидать стало одобрение общего кодекса поведения Монаршего Двора Языческого Олимпа. И чтобы доказать это, правительство Путина закончило то, что так долго намеревались сделать местные божки: искалечить и надругаться. Это было в 2015 году, девять лет назад. Все это время я просидела в инвалидной коляске у себя дома, и хотя я сидела физически я энергично работала умственно: написала и опубликовала еще больше десяти монографий, а потом перевела свою Научную Революцию Энергетику на английский язык и разослала ее в мировые СМИ и университеты.

Два года назад, видимо в связи с моей высокой умственной активностью, дьяволы языческого Олимпа вновь зашевелились вокруг меня. Моего первого поражения им показалось теперь мало. Стало очевидно, что Путин покалечив меня, не смог поколебать ни моего научного труда, ни моей решимости донести до людей важность открытия. На этот раз разведка Путина объединила усилия с разведкой мирового языческого Олимпа: люди тьмы начали свое совместное дьявольское наступление на распятого ангела, принесшего людям факел истины, и продолжавшем его нести на своем раздробленном позвоночнике уже 9 лет. Первый фазис наступления как тогда накануне 2015 выразился в массированной атаке на мое интернет пространство: людям тьмы стало намного проще осуществлять анонимное давление

с появлением интернета и соцсетей — они изобилуют агентами спецслужб и в виде «Друзей» в соцсетях, и в виде хакеров, которые контролирует личное интернет пространство каждого потоком нужной им анонимной в том числе информации (в виде рекламы и др «рекомендуемых» картинок).

Примерно в это же время на мою страницу Фейсбук (запрещено в России) написала женщина, Залина Дудуева, и попросила меня ее выслушать. Я дала ей свой телефон, и она сказала мне, что читала мои обвинения в адрес Министра Образования, и что должна в этой связи рассказать мне свою страшную историю. Как оказалось, Залина Дудуева работала долгое время с тем самым Министром Образования. Она мать четырех детей, трое из которых — аутисты. Поэтому Залина Дудуева посвятила свою жизнь детям с синдромом аутизма, и в Республике занималась тем, что выбивала из Государственного бюджета деньги для детей –аутистов. Как мне поведала Залина, она выбила значительные суммы, работая в Министерстве Образования под начальством этого Министра, но что деньги вскоре пропали в неизвестном направлении из бюджета. Она была уверена что деньги были расхищены, и стала писать заявления в прокуратуру с тем, чтобы деньги нашли и вернули больным детям. Она прислала мне имена прокуроров, к которым она обращалась, документы которые она им показывала, и даже свою переписку с Министром Образования, где как ей казалось звучали намеки на угрозы. Ее уволили из Министерства, отстранили от всех должностей за ее походы по прокурорам, и ей также поступали анонимные угрозы.

Наконец, развязка была действительно страшной. Ей пришлось ехать с двумя сыновьями с синдромом аутизма на регулярное лечение в Москве на несколько месяцев. Дочь она впервые оставила дома, потому что ей исполнилось 18 лет, и нужно было менять паспорт. Дочь также больна аутизмом — Виктория Дзастелова. Залина разведена с мужем, дочь оставалась одна в доме, и Залина поручила ее попечительству Министерства Социального обеспечения. Залина уехала на несколько месяцев и все

это время ее больную аутизмом дочь, девственницу, насиловали множество разных мужчин. Залина рассказывала мне, что сначала не могла заставить дочь говорить и делала попытки резать себе вены. Давление в интернете на нее продолжалось, где ее ругали последними словами, проституткой, а потом стали разбрасывать презервативы под их окнами.

Тогда Залина попросила ее написать все что случилось на бумаге. Та писала, что ее били кулаком по лицу, что когда звонила мать, ей угрожали, и она отвечала что все хорошо, что ее насиловали по восемь человек, что ее продавали друг другу по пятьсот рублей. И началось все с социальных сетей, где на нее вышли какие то хулиганы, выпросили у доверчивой девочки адрес, пришли к ней в дом и изнасиловали ее. Работницы соцслужбы, которые ее поручила Залина, помогали им в организации этого преступления.

Когда Залина вернулась и отошла немного от шока она первым делом обратилась в милицию. Там ей сказали, что дело открывать не будут, потому что «она сама хотела», и «там была вся республика», что «нам всю республику привлекать». Тогда Залина все таки настояла, и уголовное дело было открыто. «Они даже не потрудились снять камеру с подъезда, — рассказывала мне Залина, — я сняла ее сама и оказалось, что там записаны все кто приходил. А один даже демонстративно крутил пистолет на камеру, до такой степени они были уверены в безнаказанности». Она отнесла кассету и камеру в милицию, и настояла на том чтобы они были зарегистрированы в качестве улик против бандитов. Некоторых из них действительно допросили, но никто не понес никакого наказания. Вот та страшная история, которую мне поведала Залина об надругательстве над своей больной девочкой тинэйджером.

После разговора с Залиной, я добавила ее историю к своим жалобам на многолетнее давление со стороны местного правительства и опубликовала с ISBN книгу «Коррупция в Северной-Осетии — Алании». Когда книга была опубликована я взяла электронную версию и впервые после того как меня искалечило

правительство Путина, опять написала письмо на сайт Президента России, прикрепив монографию «Коррупция в Северной Осетии-Алании». Я просила в этом письме расследовать как дело Залины Дудуевой и ее дочери тинэйджера Виктории Дзастеловой, так и возобновить мое уголовное дело, которое закрыли со ссылкой на «попытку суицида». Я не совершела суицида, — писала я, и прошу найти убийц и насильников по обоим уголовным делам с тем, чтобы они понесли заслуженное наказание. И конечно я опять перечислила все свои книги на тему Научной Революции Энергетика, и опять ставила в известность какое огромное значение имеет мое научное открытие не только для страны, но и для всего мира — это новая эпоха в истории, эпоха научного контроля, это Открытие которое подтверждает истинность Евангелий.

Очевилно, что Путину-антихристу, который судя по его учебникам уже нашел истину в языческих Вавилонах, меньше всего было интересно доказательство истинности Евангелий. Мне пришло 6—7 ответов из Прокуратуры России, из Прокуратуры Северной Осетии, из Следственного комитета России, из МВД РФ, и все они были абсолютно пустого содержания: ваше дело устарело, восстановить не можем, делом Дзастеловой занимаемся. Вот все их содержание. И конечно ни слова по главной теме — относительно Открытия и научной Революции. Позже отписались и от этой темы какими то такими же общими словами: все письма ответы я также многократно публиковала и на Фейсбуке (запрещено в РФ), и в своих монографиях, и в каталоге документов Documents.

Это было в 21—22 годах. Так путинский режим, после того как меня искалечил, как надругался над моими научными трудами, выставив меня сумасшедшей, очередной раз подтвердил, что он стоит на стороне Дьяволов — Человекобогов, которым человеческий закон не писан, что насилие и преступление общий и единственный закон этого языческого Олимпа.

Как вдруг пришло доказательство порочности и аморальности всемирного Монаршего Двора Языческого Олимпа теперь

уже и с западной его части. Я тогда как раз заканчивала Gospel on Tesla's Rape, мою попытку защитить себя именем Христа от этого собрания языческих дьяволов, когда мне написал Принц Гарри, младший сын принцессы Дианы и нынешнего английского короля. (Напоминаю, что все документы которые я здесь упоминаю, если нет особых оговорок, я опубликовала на ФЕйсбуке (запрещено в России). Скриншоты этих «переговоров» я сразу же опубликовала и добавила потом в свой каталог документов Documents.

Кто-то, например спецслужбы Англии, или же сам Принц Гарри, написали мне с трех страниц с его именем, рабочими, где постоянно обновляется дата с его личными фото и фото его близких, с сотнями тысяч подписчиков. Мне неизвестно тем не менее, писал ли сам Принц Гарри или кто то еще, очевидно другое, что элемент анонимности как всегда подразумевался в играх «людей тьмы», которые до этого заваливали мое интернет пространство анонимной информацией под заголовком «Рекомендовано вам». Я сделал видео, засняв все эти «рекомендовано для вас» и разместила на своем Ютюб канале (сделала я видео и со скриншотами переписки с Принцем Гарри и разместила там же, и еще разослала в СМИ). Как бы там не было, для меня очевиден факт, что это была часть того внимания, которое мне оказывают западные правительства с тех пор, как вопрос об Открытии и Научной Революции я поставила ребром для всего мира, сделав перевод на английский и разослав его по всему миру. А Кембридж даже прислал мне несколько писем с подтверждением намерения печатать мою книгу.

Принц Гарри, или спецслужбы Англии, или они вместе, сообщил мне, что хотят мне помочь с публикацией моих работ и моей истории затравленного ученого в СМИ. Для этого я должна зарегистрироваться в компании Принца Гарри Archewell. Он прислал перечень данных которые нужны для этого, и я ему их выслала. Тогда мне на почту пришли письма от Tesla Company и Randy Graves, которые представились представителями Принца Гарри и предлагали мне принять

якобы приз, машину от Tesla Company на сумму 66 000 долларов.

Принц Гарри, которому я сразу написала в мессенджере (я с ним общалась только на Фейсбуке, на почту он мне не писал), подтвердил, что эти люди писали по его поручению и с его согласия, и что я действительно должна принять эту машину, и тогда только он меня зарегистрирует в своей компании и поможет мне с публикацией в СМИ. Я ответила и Принцу Гарри и его менеджерам на почту (все эти скриншоты я публиковала), что я не нуждаюсь в машине, и что я не при каких обстоятельствах ее не приму. На этом наша переписка прекратилась.

Теперь предстояло понять зачем мне писали Принц Гарри или же спецслужбы от его имени? Какую ставили себе задачу? Становилось очевидно после того, как он резко смолк, и после его странного предложения с машиной, что это была попытка всучить взятку, чтобы меня скомпрометировать. С другой стороны, возможно скомпрометировать не только взяткой. В прошлый раз, перед тем как путинское правительство меня покалечило, мне на Фейсбуке (запрещено в России) в мессенджер написал американец греческого происхождения, и довольно долго со мной беседовал на английском языке, обсуждая в основном философию Бертрана Рассела и не только, но и тяготы жизни однокой женщины. В это же самое время мой интернет бомбили потоком анонимной информации романтического характера и греческими философами. Тогда я еще не знала, что спецслужбы — это сумасшедшие пособники Монаршего Двора Языческих Богов, и что кто то может просто так издеваться над человеком в его личном пространстве в интернете. Так что я перепутала наш официальный диалог с американцем, и поток анонимной романтической информации. И в тоге уже после того как я просидела в коляске много лет, мне пришлось писать Апологию сумасшедшего как когда-то Чаадаеву, извиняясь за эту путаницу, ведь степень абстрактного мышления у ученых такова, что способна видеть живыми людей, которых никогда не знал, не видел, и ничего не хочешь знать о них. «Чаадаев

написал „Апологию сумасшедшего", в которой, со свойственной ему оскорбительной вежливостью, извиняясь перед русским самодержавием», — пишет Мережковский.

Возможно, нападение на меня западных спецслужб с именем Принца Гарри старалось воспроизвести опять эту историю, сблизив в моем абстрактном мышлении официальную переписку с Принцем и поток анонимной информации — «Рекомендации для вас», чтобы окончательно выставить меня сумасшедшей и посмеяться над моими теориями социального равенства. Мне неизвестны, какие безумные мысли блуждают в мозгу Монаршего двора Языческого Олимпа. Скажу только, что в итоге и Кембридж, и Принц Гарри подтвердили, что знакомы с кощунственными нападками на ученого, сделавшего фундаментальное научное открытие для всего человечества.

Итак, Правительство России, Университет Кембридж, Принц Гарри и английская монархия — все в курсе того, какими позорными методами травят великого ученого. Мое интернет пространство завалено пропагандой проституции. Уж не надеются ли эти люди, что я подобно больной девочке Виктории Дзастеловой, стану говорить с анонимными бандитами и пущу их в свой дом? Я написала Путину о страшном преступлении, случившемся во Владикавказе, и о том, что бандиты, месяцами насиловавшие больную девочку тинэйджера остались безнаказанными. В мое интернет пространство поплыли ролики о насильниках-животных, у которых так проявляется любовь. Английские ролики и картинки стали призывать к всепрощению. Принц Гарри объявился с предложением машины от Тесла Компании. Красивые молодые женщины в купальниках, явно торгующие собой, заполонили «рекомендации для вас». Это что «Производство Афродит» современным Монаршим Двором Языческого Олимпа? Избить, изнасиловать, развратить и выставить на продажу?

Путин своими официальными ответами на мою книгу «Коррупция в РСО-Алании» подтвердил только что стоит на стороне насильников. Всем известно не только его вранье, но и его рас-

пущенность. Вся страна помнит позорную историю с прокурором Скуратовым и проститутками, которых ему подсунул Путин, чтобы скомпрометировать его.

П. Хлебников, «Борис Березовский Крестный отец Кремля»:

«Прокурор Скуратов, который вел дела о коррупции и постоянно заявлял о намерении искоренить коррупцию в России, неожиданно споткнулся, обнаружив ниточку, ведшую в Кремль, — замечает бывший генерал КГБ Олег Калугин. — Вместо того чтобы отдать распоряжение о прекращении расследования, он позволил его продолжать. В результате всплыли имена членов семьи Ельцина, самого Ельцина, имена его финансовых спонсоров и гарантов — все оказалось зафиксировано на бумаге. Скуратову было велено прекратить расследование, но он уже ускользнул из-под контроля (Кремля)».

Деятельность самого Скуратова взялся расследовать Путин. В начале февраля 1999 года, когда Генпрокуратура объявила о ведении уголовных дел против Березовского и других приятелей Ельцина, российское государственное телевидение показало видеозапись обнаженного мужчины, похожего на Скуратова. Он резвился в постели с двумя проститутками. Кремль сразу же объявил об отставке Скуратова».

Неужели теперь Путина поймали на его же собственную уловку? Неужели все это «производство Афродит», изнасилованных и развращенных тинэйджеров, которых они потом развешивают в соцсетях в купальниках, чтобы показать «товар лицом» достигло своей цели, и Путин попал в ту же яму что вырыл Скуратову подскользнушись на развращенных афродитах? Ведь известно какой слабостью к «женщинам с низкой социальной ответственностью» страдает Путин как все языческие человекобоги, развратные и преступные. «Российские проститутки, — заявил Президент Путин в патриотическом пыле, соревнуясь видимо с производством афродит в западном крыле языческого Олимпа, — самые лучшие проститутки во всем мире».

Неужели — спрашиваю я, — все эти люди настолько обезумели в своей развратности и преступности, что развратив тыся-

чи невинных подростков, на самом деле считают себя способными сделать то же самое с великим ученым? Что у Путина отняли разум, и вместе с разумом Великую Славу Великого Открытия — это уже понятно: они теперь соревнуются кто больше изнасилует невинных подростков, кто больше поставит афродит на рынок проституток. Как те Тиберии, Нероны, Калигул, как Антоний с Клеопатрой — они превратились в животных в своем разврате и окончательно потеряли разум. На глазах у всего мира, у мировых СМИ и университетов, у Правительств Америки, Англии, России — эти сумасшедшие извращенцы держат пари на то, что изнасилуют и развратят ученого, и весь Языческий мировой Олимп им громко аплодирует. Путин — признанный Геракл, ведь это его усилиями уже изуродовали ученого. Остается только развратить, и здесь они держат пари с видом Дионисов и Вакхов.

Монарший Двор Языческого Олимпа, который как известно развлекается войнами, которые они разжигают среди смертных — на Украине, в Сирии, в Израиле — а сами они живут дружно, особенно когда надо растоптать науку и добродетель, или напитать кровью втоптанных в грязь людей тщеславие чудовищ. Теперь они дружно решили, что любыми путями отнимут у меня мое открытие, и совместными усилиями организовали новый заговор: заставили хулиганов звонить моей престарелой матери и плакать моими слезами: я умираю, я в реанимации, с черепно-мозговой травмой, меня везут на операцию. С расчетом на то, что старушка на 9-м десятке скончается, и я останусь в их руках. Ведь моя мать последняя, кого я могу подпустить помогать мне, инвалиду первой группы. Всех моих сиделок они подкупили с тем, чтобы те помогли им в издевательствах над ученым.

Что ж, я написала опять в Правительство Путина, и мне ответили что зарегистрировали мое заявление. Там же я напомнила и о том, что я — автор великого открытия, ио книге «Коррупция в РСО-Алании». Пока пришли ответы только о регистрации моего заявления. Документы я публикуюв конце этой книги.

2. ПЛАЧ ТАЦИТА: ЗВЕРЬ АПОКАЛИПСИСА ВЕРХОМ НА БЛУДНИЦЕ

Никто не выразил горе Божьего Духа утопленного в крови грязным безумием Сатаны так, как это сделал Тацит в своих летописях. Вот почему я считаю, что это не просто исторические очерки, а священные писания римлян. Я не сумею выразить свою боль так красноречиво как Тацит, но я все же попытаюсь, потому что обязана оставить хронику этих страшных событий грядущим поколениям.

Я — ученый, который сделал эпохальное открытие, разделившее историю на доисторические времена варварства и на собственно цивилизацию, историю человечества, когда была открыта психическая энергия, и наука рассказала людям о том, как претворить в жизнь то Царствие Божье, которое предсказано и рассказано в притчах Иисуса Христа

Мне 47 лет. Я абсолютно одинока, как бывают одиноки люди против которых интригует весь Монарший Двор Языческого Олимпа. Я живу в квартире которая осталась мне от отца, и каждый день работаю над своим научным открытием. Последние девять лет я провела в инвалидном кресле, в моче и в говне, в кровоточащих пролежнях, в перепадах температуры, в сильнейших спазмах в ногах, которые не дают мне лечь и не дают мне спать и не дают мне нормально сидеть.

Всю свою жизнь я провела в тяжелой работе. Все 47 лет моей жизни — не были моей жизнью. Они были сначала созреванием мышления, потом кризисом шизоидности, а потом — тяжелым трудом в поисках законов психической энергии. Это была жизнь отданная служению Господу

Мало мне было нечеловеческой интеллектуальной нагрузки — ведь никто до меня не приблизился к такой глубине видения проблема — все это время я жила под давлением демонов, которые ненавидят достоинство и свободу людей духа и всегда ищут как превратить их в такой же тупой скот как они сами: враньем ли, угрозами ли, изнасилованием и развратом, им все равно

И пока я в тяжелом поту искала для всего человечества закономерности психической энергии, пока объясняла Научную Революцию Энергетика на всех уровнях сегодня столь хаотических дисциплин — истории, антропологии, государства и права, психологии, психиатрии, экономики, философии, религии — варвары, способные только к преступлению и разврату продолжали отнимать у меня самое ценное время, самые ценные силы. Что ж, я отдала все что могло бы стать моей личной жизнью, и все время какое после этого осталось посвятила науке.

Я седая, старая, изможденная, кривая, изуродованная, искалеченная. Я живу сознанием, что выполнила долг перед Господом, что выполнила долг перед людьми, что конец мой станет началом моего освобождения от страшного креста жить среди языческих варваров, тупых машин для насилия, тупых машин для разврата. Что я наконец освобожусь от этого тотального давления идиотов, подчинивших сегодня весь божий мир влиянию своего зловонного Монаршего двора Языческого Олимпа, и окажусь рядом с тем, чью близость я заслужила своим самоотверженным трудом

Меня божьего ангела, великого ученого, поместили в нечеловеческие условия жизни. Меня лишили позвоночника, я живу только работой двух рук, все остальное, включая мышцы спины у меня не работает. Меня лишили в таком положении возможности, которая все еще остается у всех кто видел горе сломанного позвоночника: я не могу нанимать себе помощников, сиделок. Мало того, что эти негодяи сделали меня зависимой, при том что мне всегда было невыносимо зависеть от людей, они еще и вмешались потом в мои отношения с сиделками, настраивая их против меня, и замышляя самые страшные планы в моем доме сейчас, пока меня никто не знает. Все тот же сценарий что с бедной девочкой Дзастеловой: как там помогли осуществить страшное надругательство над больным ребенком официальные службы от Министерства соцобеспечения, так здесь хотят поставить на службу тех, кто необходим для помощи инвалиду. Они планировали такое же надругательство надо мной, как над Дзастело-

вой. Тогда в Москве в хостеле, когда меня покалечили — уже все было. Господь пожалел своего ангела, и не дал мне видеть этих ужасов, я была без сознания. Но все это хотели повторить здесь опять, уже когда я сидела в коляске, те же безумные варвары, те же животные, те же машины для насилия. И если не смогли то только потому что я сразу замечала перемену в поведении сиделок и увольняла их, потому что писала об этом в СМИ, и так постепенно я осталась совершенно без помощи.

Я — калека, у которой работают только руки, и которой приходится поднимать этими руками массивное парализованное тело, научилась обслуживать себя сама. Теперь когда я встаю по утрам, больше никто не везет меня на санитарном стуле в ванную, чтобы я там помылась и сходила в туалет, как было раньше. Теперь я должна сама снять с парализованных спазмированных ног мокрые от пота и мочи штаны, потом натянуть на них новые, помыть себя салфетками и наложить новые перевязки на свои раны, незаживающие много лет. И как бы нечеловечески трудно это не было, до такой боли довели мои контакты с нанятыми людьми постоянным натравливанием их на меня, что я каждый раз счастлива что справилась сама.

Моя дорогая мать, Зоя Иосифовна Тиникашвили — настоящая героиня и настоящий божий ангел, который спас меня и науку в этот последний год, когда безумные машины для насилия с языческого Олимпа довели свое давление на меня, и на все мое окружение до невиданной крайности. Я всегда буду поклонятся моей матери как святой за то что она сделал для меня в свои столь уже преклонные годы. Но смотрите, как поиздевались над несчастной старушкой, проливающей слезы над своим искалеченным ребенком, эти сумасшедшие развратники с их анонимными звонками олигофренов. А ведь ей уже 84 года.

Вот такую старую, больную, изуродованную, изнасилованную, униженную, запуганную Языческие Олимпийцы продолжают топтать каждый день, каждый час, каждую минуту, отнимая еще что-нибудь, насмехаясь еще откуда-нибудь, запугивая еще чем нибудь, унижая еще как нибудь.

Они выманили тогда у моей матери сто тысяч рублей, когда звонили ей и плакали в трубку голосом ее умирающей дочери, якобы на нужды для моей операции: пришел к ней человек домой и взял для меня простыни и деньги. Вдумайтесь в это и у вас, как Герцен говорит, волос встанет дыбом. Они сняли триста пятьдесят тысяч со счета моей сестры, просто за то, что все это время она поддерживала свою сестру инвалида. Они влезают в переговоры со службой такси, поскольку мать моя приезжает ко мне на такси. Наконец, они постоянно делают всяческие намеки на угрозы жизни моим родным: «рекомендации для вас с могилами, мумиями, трауром, красным мысом, скелетами и тд и тп. Они умеют донести свою мысль когда хотят

Еще ужаснее, хотя каждый раз кажется, что ужаснее уже некуда, что они тотально прослушивают, просматривают все мое пространство жизни. Помните как у Оруэлла в «1984» когда у него был один уголок в квартире где его не видели? У меня нет такого уголка! Я чище себе кишечник сама, вытаскивая экскременты руками, и даже тогда я знаю, что унизив меня до калеки и до человека без помощи в таком положении, они унижают еще сильнее своим постоянным наблюдением. Наконец, есть вещи еще ужаснее, в таком положении изуродованного и запуганного до смерти человека, они продолжают развлекаться «рекомендациями для вас» где рекламируют свое «производство афродит», давая мне понять, что они изнасиловали и развратили уже столько, и что я вовсе не великий ученый, а только одна из них — изнасилованная и в скором времени развращенная. И эти крартинки с цветочками и помадками, с афродитами в купальниках с ценниками, продолжают сыпаться из этой индустрии олигофренов тоннами и тоннами, и нет никакого спасения от них как от адского пламени в преисподней. Но становится еще жарче, и сатанисты начинают показывать своих дьяволят в пеленках. Вдумайтесь в это и у вас волос встанет дыбом.

Им мало и этого давления — все прослушивается, все просматривается, сиделки, врачи, весь медперсонал «обрабатывается», интернет пространство затоплено картинками слабоумных

задротов, и — это все еще мало повторяю. Чтобы уже совсем показать что от взгляда Олимпийцев никуда не спрятаться, они каждодневно названивают. Они знают, что я не отвечу, потому делают два три гудка, просто чтобы дать мне понять что я под присмотром. Кто бы выдержал такие страшные нечеловеческие пытки? Что такое гореть на костре по сравнению со всем этим? Что такое костер когда тебя окружают денно и нощно слабоумные задроты с дубиной, производители афродит. Что такое быть распятым по сравнению с тем, что ты должен каждый раз сознавать, что эти тупоумные насильники, эти развратные Вакхи не просто какие то отходы общества, а проводники политики самого верхнего Монаршего Двора современного языческого Олимпа, начиная от православного самодержца Путина и заканчивая английской монархией. Что такое гореть на костре и быть распятым по сравнению с этими фактами и с этим сознанием я вас спрашиваю? Если сволочь просто чернь, то ты знаешь, что можешь найти на нее управу. Но когда сволочь устраивается на самом Олимпе над головами у порядочных людей — тогда наступает время апокалипсиса.

Да вот именно, Зверь Апокалипсиса, я не знаю других слов. Взгляните только на скандальные хроники этого Монаршего Двора Языческого Олимпа. Например, что сделали с супермоделью Русланой Коршуновой? Например прочтите книгу Андре Мортона «Жизнь Дианы в ее собственных словах», например почитайте статью-отчет о проведенном расследовании Бертрана Рассела «16 вопросов убийства Президента Кеннеди», или же прочтите книги С. Бинга «Как поступил бы Макиавелли?», Дж. Перкинса «Исповедь экономического убийцы», П. Хлебникова «История разграбления России или Крестный Отец Кремля», Бертрана Рассела «Военные преступления во Вьетнаме». Или же «Ночные дороги» Гайто Газданова.

Д. Мережковский, «Еще раз о Грядущем Хаме»:

> «От Бога к Зверю, от Зверя к Автомату, механизму бездушному, таков путь снисхождения. Футуризмом начато, но не им предсказано

> соединение Блудницы со Зверем, сладострастия с жестокостью. „Разврат есть сила… надо обнажить похоть от всех покровов“. Это говорит футуристическая женщина. Блудница со Зверем — проститутка с хулиганом. На челе ее написано имя: тайна, Вавилон Великий, мать блудницам и мерзостям земным. Вавилон великий город современности, где царствует проституция, обнаженная в свете электричества, „упоенная кровью святых, облеченная в порфиру, и багряницу, украшенная золотом драгоценными камнями и жемчугом“, то есть всеми „культурными ценностями“. Что это, видение или реальнейшая действительность?»

Г. Газданов, «Ночные дороги»:

> «В силу нелепой случайности мне пришлось стать шофером такси.
> Все или почти все что было прекрасного в мире, стало для меня точно наглухо закрыто — и я, совсем один, с упорным желанием не быть все же захлеснутым той бесконечной и безотрадной мерзостью человеческой в ежедневном соприкосновении с которой состояла моя работа. Каждую ночь мне приходилось соприкасаться с проститутками и их клиентами, и я не мог к этому привыкнуть. Мне все это казалось совершенно непостижимым. …Я смотрел на особенные их глаза, точно подернутые прозрачной и непроницаемой пленкой, характерной для людей не привыкших мыслить, — такие глаза были у большинства проституток, — и думал что наверное то же вечно непрозрачное выражение глаз у китайских кули, такие же лица были у римских рабов — и в сущности почти все такие же условия существования. Вся история человеческой культуры для них не существовала никогда как не существовала история вообще. …и все таки, несмотря на трагическое животное небытие, в котором пребывали бродяги, они казались мне достойными гражданами вселенной по сравнению с сутенерами. Они во всяком случае заслуживали хотя бы теоретического сожаления, и в них не было какого то морального сифилиса характерного для сутенеров.
> …Однажды она сказала мне: тебе не кажется нелепым что ты шофер такси, ты не думаешь что эта работа тебе не подходит. Я ответил что выбора у меня не было. И тогда она предложила мне свои услуги, чтобы поблагодарить как она сказала за человеческое отношение к ней. Она объяснила мне что у нее большие знакомства, что есть женщины, не старые, за сорок, француженки или англичанки…. Я сидел с ней в кафе и хохотал как сумасшедший, не будучи в силах остановиться. Потом со слезами смеха, я поблагодарил ее. Я заметил что весь огромный ее опыт, касался только одной категории людей, действительно ничтожной, людей которые посещают дома свиданий,

> ночные кабаре, содержат актерок и танцовщиц и в которых нет ничего кроме душевной и физической дряблости и все того же всепобеждающего дурного вкуса. ...Визиты в публичные дома и другие же учреждения подобного типа раз навсегда было принято считать выражением жизнерадостности, веселья и того самого знаменитого «галльского веселья», которое меньше всего вязалось с этой смертельно унылой порнографией».

Ницше, Так говорил Заратустра

> «К чему захотел ты вязнуть в этой грязи? Пожалей свои ноги!
> Плюнь лучше на городские ворота и — вернись назад!
> Здесь ад для мыслей отшельника: здесь великие мысли
> кипятятся заживо и развариваются на маленькие.
> Здесь разлагаются все великие чувства: здесь может только
> громыхать погремушка костлявых убогих чувств!
> Разве ты не слышишь запаха бойни и харчевни духа? Разве не
> стоит над этим городом смрад от зарезанного духа?
> Разве не видишь ты, что души висят здесь, точно обвисшие,
> грязные лохмотья? — И они делают еще газеты из этих лохмотьев!
> Все похоти и пороки здесь у себя дома; но существуют здесь
> также и добродетельные, существует здесь много услужливой,
> служащей добродетели:
> Ибо «сверху» сыплются звезды и милостивые плевки; вверх
> тянется каждая беззвездная грудь.»

3. ПАНЕГИРИК ПЛИНИЯ: ХВАЛА ГОСПОДУ ЗА ПОБЕДУ ДОБРА НАД ЗЛОМ

И все таки именно в той бездонной глубине страдания, в которую бросили нас, божьих детей добродетели и невинности, эти исчадия ада мы благодарим Господа за его победу над Злом!

Спасибо Великому Господу, что в этих условиях ада восставшего все таки нашла я силы закончить Твою Работу и Отдать ее людям!

Спасибо Господи, что дал ты мне сил и разумения, защитить великую русскую интеллигенцию от позора, который готовил России Антихрист Путин: показать всем, что не только нет ничего общего в Революции консерваторов Язычников и Великой Ре-

лигиозной революции русской Интеллигенции, но что вещи эти такие противоположные как язычество и этика, как бог и дьявол, как человекобог и богочеловек, как христос и антихрист

Спасибо Господи, пусть ценой страшных издевательств надо мной, но весь мир знает чего стоит патриотизм Путина, продавшего Россию за шалости развращенных афродит: с проститутками пришел, с проститутками и уходит Зверь на Блуднице

Спасибо Господи, что дал Ты мне сил и разумения до конца оставаться на Твоем пути, что нигде я не нарушила свой долг перед Тобой, что несла свой Крест, работала и служила людям, и никогда не думала о своей жизни, пока твоя миссия оставалась не завершенной!

Спасибо Тебе Господи, что в моем последнем одиночестве и последней незащищенности, не дал меня вторично для надругательства Сатанам Вакхам. Спасибо, что все люди ими подкупленные и ими подосланные рассеивались как дым. Спасибо что дал мне проницательность видеть зло уже в глазах человека, когда он еще только задумал его! Только Твоя непосредственная помощь не дала меня в руки вторично Сатанам Дионисам с Языческого Олимпа!

Спасибо Господи, что в на самом дне самых тяжелых унижений, самых тяжелых испытаний, я всегда оставалась с Тобой в Пространстве Интеллекта, и мой Дух покоился на безграничной мощи Твоего Духа благодати. Только это дало мне сил выстоять в этом истязании где земные языческие демоны соревновались с истязаниях добродетели преданной Господу. Как бы низко они не втаптывали мое земное существование, как бы бесконечно не унижали меня видом насилия и порока, я всегда знала, что и в самую худшую минуту моих страданий, я нахожусь от этих баловней языческой земли на недосягаемой высоте блаженства. Ибо и в самом тяжелом мученичестве, честные люди полны благодати от мысли что они остались с богом и не предали его ни в каких испытаниях. Тогда как язычники и на самой вершине земного Олимпа сами чувствуют всю бессмысленность, пустоту и порочность своего существования!

Слава Господу, что наши страдания не останутся неотмщенными! Ибо что бы не делали демоны, какие бы театры и сценарии не ставили, каких бы Человекобогов Олимпийце Монаршего Двора Язычества не приглашали, а Открытие уже сделано! Неподъемный труд в нереальной ситуации всеобщего противодействия — поднят, доведен до конца, отдан людям! Никто и никогда, и особенно ничтожества — инвалиды, мертвецы языческих олимпийцев, поднятые словно зомби ложью дарвиновской парадигмы, не смогут отобрать у божьего ангела доверенного ему Господом Откровения! А значит рано или поздно, правда о том, что вы сделали с автором великого Открытия будет известна каждому человеку на земле. И тогда держитесь! Не будет такого калеки и инвалида которому бы вы не позавидовали, и не будет такого камня под который бы вы не старались спрятаться! Но отвечного позора вам не спрятаться! Вы сами подготовили себе свою судьбу! Слава Господу, не вам сатанам лишать ангела Божьего его службы Господу! Слава Господу!

ГЛАВА 9. ТОЧКА В СПОРЕ ЭЙНШТЕЙНА И БОРА. ЯЗЫЧЕСКИЙ ОЛИМП БОЛЬШЕ НЕ ВОСКРЕСНЕТ

1. Проблема рационализма сводится к метафизике интеллекта в том смысле, в котором все рационалисты писали о мире идей как интеллектуальной форме космоса.

2. Рационализм утверждал не только «врожденные идеи» как активный интеллект человека, познающего мир, но и законы природы как пассивный интеллект интеллектуальной формы природы.

3. Рационализм — это философия идеализма в том смысле, что она предполагает «мир идей» Платона, как некий интеллектуальный дизайн вселенной, и Демиурга, который стоит за этим дизайном.

4. Однако важно помнить, что философия рационализма — это объективный идеализм, существо которого в метафизике интеллекта и двух ее полюсах, активном и пассивном интеллекте. Мышление (активный интеллект) и законы природы (пассивный интеллект) — это два полюса единой субстанции интеллекта. Именно поэтому мышление способно открывать и ставить под контроль законы природы, то есть познавать их.

5. Рационалисты называют активный интеллект (мышление) врожденными идеями человека, а пассивный интеллект (законы природы) — миром идей Платона, законами природы Декарта и Спинозы, монадами Лейбница или интеллектуальной формой материи Фрэнсиса Бэкона.

6. Так или иначе, классический рационализм всегда предполагает метафизику интеллекта и два ее полюса: активный и пассивный интеллект.

7. Платон «Государство»: «Чем будет благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет Солнце по отношению к зрению и зрительно постигаемым вещам. Считай, что так бывает и с душой: всякий раз, когда она устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познает, а это показывает ее разумность. Так вот, то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага — причиной знания и познаваемости истины».

8. У Декарта эти два полюса интеллекта представлены субстанциями мышления и материи, а у Спинозы это «модусы различных атрибутов Бога».

9. Виктор Беляев «Лейбниц и Спинозы»: «По взгляду Спинозы, ни тело не может определить душу к мышлению, ни душа тело к движению. Это вытекало из взглядов на тело и душу как на модусы различных атрибутов Бога, именно мышления и протяжения. Что касается Лейбница, то его мысль о том, что душа не может влиять на тело, а тело на душу, слишком общеизвестна».

10. В этом смысле философия Джордж Беркли — это рационализм классической метафизики интеллекта, поскольку это идеализм с активным и пассивным полюсами интеллекта и теорией познания как взаимодействия этих полюсов.

11. Джордж Беркли «Трактат о принципах человеческого знания»: «Но какую бы власть я ни имел над моими собственными мыслями, я нахожу, что идеи, действительно воспринимаемые в ощущении, не находятся в схожей зависимости от моей воли. Не суть создания моей воли. Существует, следовательно, другая воля или другой дух, который производит их. Те определенные правила и установленные методы, коими ум, от которого мы зависим, вызывает в нас идеи ощущений, называется законами природы. ... Это воспринимающее деятельное существо есть то, что я называю умом, духом, душою или мной самим. Дух есть простое нераздельное, деятельное существо; как воспринимающее идеи, оно именуется рассудком; как производящее их

или иным способом действующее на них — волей. Этими словами я обозначаю не одну из своих идей, но вещь совершенно отличную от них, в которой они существуют или, что тоже самое, которой они воспринимаются. Все наши идеи, ощущения или вещи, воспринимаемые нами, под какими бы именами мы их не рассматривали, очевидно, неактивны, в них нет никакой силы или деятельности. Само бытие идеи подразумевает пассивность или инертность».

12. Также и Фрэнсис Бэкон пишет о метафизике интеллекта как активном и пассивном полюсах (мышления и законов природы), взаимодействие которых есть процесс познания истины (открытие законов природы). Он говорит в этой связи о «природе ума» и «природе вещей» и о «свадебном убранстве Духа и Вселенной».

13. Фрэнсис Бэкон «Новый органон»: «Таким образом, исследование форм, которые (по смыслу и по их закону) вечны и неподвижны, составляет *метафизику,* а исследование действующего начала и материи, скрытого процесса и скрытого схематизма (все это касается обычного хода природы, а не основных и вечных законов) составляет *физику*. Дело и цель человеческого знания в том, чтобы открывать *форму* данной природы, или истинное отличие, или производящую природу. Тот же, кто знает формы, — тот охватывает единство природы в несходных материях. Поэтому за открытием форм следует истинное созерцание и свободное действие. ... Когда же все это будет развито и когда наконец станет ясным, что приносила с собой природа вещей и что — природа ума, тогда будем считать, что при покровительстве божественной благости мы завершили убранство свадебного терема Духа и Вселенной».

14. Конечно, есть существенное отличие в метафизике интеллекта Платона и, скажем, Бэкона. Платон уверен, что врожденных идей, то есть логики и математики, достаточно для познания. Бэкон и Декарт говорят уже об опытном знании. Об индукции и дедукции.

15. Для Платона «мир идей», интеллектуальная форма космоса — это мир совершенных вещей, идей конкретных вещей, «универсалий». Для Декарта, Бэкона и всех последующих рационалистов речь уже идет о законах природы.

16. «Мир идей» теперь мир законов природы, а вовсе не совершенных образов какого-либо класса вещей, универсалий, абстрактных идей.

17. Платон видел дуализм вселенной как идеального и материального миров, как формы и содержания, но не видел, как именно разделяется материя на форму и содержание. Он считал, что эта граница проходит между самими вещами и их идеальными образами, которые представляли «сущность» вещей. На самом деле идеальный мир представлен законами природы, вовсе не идеями вещей.

18. Успехи современной науки, сделавшей фундаментальные открытия в физике, химии, биологии, говорят о том, что законы природы — это законы природных энергий. То, что мы можем назвать сегодня научным знанием, всегда имеет дело с природными энергиями, представляя систему законов различных энергий, которые открывают доступ к силе этих энергий. Поэтому сегодня мы можем дать еще более точное определение миру идей Платона. Уже не просто законы природы, как у Декарта, Спинозы, Бэкона, но законы природных энергий.

19. Таким образом, законы природы в качестве «идей» не могут быть «сущностью» и «образами» конкретных вещей. Идеи — сущность энергетического строения вселенной, показывают вселенную как энергетическую структуру, задуманную неким космическим интеллектом.

20. Аристотель критиковал «мир идей» Платона совсем с других позиций. Он опрокинул именно то, что было здорового в учении Платона, и совсем не заметил истинной ошибки. Он выступил против разделения космоса на идеальную и материальную составляющую, на мир идей и мир вещей, заменив этот дуализм интеллекта и материи подлунным и надлунными мирами.

21. Каждая вещь имеет форму и вещество, говорит Аристотель, уникальна и реальна только в материальном мире. Вещи имеют форму, говорил он, а не идею, которая живет отдельно от самих вещей в каком-то трансцендентном мире. Эта его теория получила название «гилеморфизм», от греческих слов «вещь» и «форма». Ленин совершенно точно охарактеризовал критику Аристотелем Платона, как критику с «позиций материализма». Заменив два мира Платона (идеального и материального) на один материальный мир гилеморфизма, Аристотель уничтожил метафизику Платона. «Критика Аристотелем „идей“ Платона есть критика идеализма как идеализма вообще», — говорит Ленин.

22. Между тем Бэкон пишет в «Новом органоне», что материализм Аристотеля нисколько не сделал его философию эмпирической и объективной в истинном смысле этого слова. Напротив, он характеризует его философию как спекулятивную мистику, как отвлеченные суждения, не имеющие ничего общего с действительностью.

23. Для нас же очевидно, что Аристотель разрушил метафизику интеллекта Платона и этим на много веков остановил прогресс научного знания.

24. Фрэнсис Бэкон «Новый органон»: «Таким образом, корень заблуждений ложной философии троякий: *софистика, эмпирика* и *суеверие*. Наиболее заметный пример первого рода являет Аристотель, который своей диалектикой испортил естественную философию, так как построил мир из категорий и приписал человеческой душе, благороднейшей субстанции, род устремления второго порядка; и неисчислимо много другого приписал природе по своему произволу. Он всегда больше заботился о том, чтобы иметь на все ответ и словами высказать что-либо положительное, чем о внутренней истине вещей. В физике же Аристотеля нет ничего другого, кроме звучания диалектических слов. В своей метафизике он это вновь повторил под более торжественным названием, будто бы желая разбирать вещи, а не слова. Пусть не смутит кого-либо то, что

в его книгах „О животных“, „Проблемы“ и в других его трактатах часто встречается обращение к опыту. Ибо его решение принято заранее, и он не обратился к опыту, как должно, для установления своих мнений и аксиом; но, напротив, произвольно установив свои утверждения, он притягивает к своим мнениям искаженный опыт, как пленника. Так что в этом отношении его следует обвинить больше, чем его новых последователей (род схоластических философов), которые вовсе отказывались от опыта».

25. Мы же критикуем Платона совсем с другой стороны, признавая абсолютную истинность открытого им дуализма: мира идей и мира вещей, то есть интеллекта и материи. Мы говорим об ошибке в понимании идей, в понимании формы и содержания материи. Мир идей, конечно, существует, но не в виде образов конкретных вещей, а в виде законов природных энергий. Поэтому мы, в отличие от Платона, не можем обойтись без необходимой связи теории и опыта в процессе познания: открытие законов природных энергий возможно только на основе индукции и дедукции.

26. Известно, что полемика Платона и Аристотеля стала пищей размышлений следующих двух тысяч веков для христианского и ирано-арабского миров. Спор о мире идей Платона и гилеморфизме Аристотеля все время возрождался в той или иной форме. Спорили об онтологии сущностей, о реализме и номинализме. Одни стояли за Платона и утверждали, что абстракции (универсалии), идеи существуют отдельно от самих вещей в виде их идеальных образов, а другие утверждали вслед за Аристотелем, что существуют только сами вещи, состоящие из уникальной формы и вещества, а всякие обобщения только абстракции разума. Понятно, что в споре никому не удалось победить, потому что вопрос был неправильно сформулирован. Разумеется, нет и не может быть идей и идеального мира, если идеи только образы конкретных вещей. Но так ли обстоит дело для законов природы?

27. В конечном итоге просвещение поставило вопрос о законах природы. Френсис Бэкон прославился открытием метода

индукции, обобщением законов природы из фактов опыта. Очень важный момент «Нового органона», о котором никто не упоминает в учебниках, состоит в том, что Бэкон пишет о законах природы как о «метафизике» и понимает эту метафизику уже не как примитивные платоновские образы вещей, а как законы природы. Таким образом, Бэкон не только разработал эмпирический метод познания, но и значительно продвинулся в построении платоновской метафизики, представив его мир идей как мир законов природы (а не образов конкретных вещей). Бэкон предупреждает против узости «плоского эмпиризма», как позже говорил Эйнштейн.

28. Развитие представления о мире идей Платона, об интеллектуальной форме космоса — только одна проблема рационализма. Сегодня мы можем уже вслед за Оствальдом говорить об энергетическом строении вселенной, об интеллектуальном дизайне материи в виде множества различных природных энергий. Это в свою очередь дает нам исчерпывающее представление о связи теории и практики, о достоверности теоретического знания. Если знание законов природы дает нам доступ к силе природной энергии, значит это знание достоверное. Например, у нас есть такое достоверное знание в отношении механической, электрической, атомной, химической, биохимической энергий.

29. Другая проблема рационализма — фиктивный рационализм немецкой спекулятивной мистики. Без метафизики интеллекта идеализм превращается в мистику. Действительно, мы видели, что уже философия Канта, которая также претендует на идеализм и рационализм, разрушила метафизику интеллекта, упразднив представление о познании как взаимодействии активного и пассивного полюсов интеллекта.

30. Далее Фихте развил философию «законодательствующего разума» Канта в «чистую субъективность Я». И в философии Канта, и в философии Фихте нет места метафизике интеллекта как законов природы, с одной стороны, и аппарата мышления, «врожденных идей» для открытия этих законов природы, с другой стороны. Так, Куно Фишер пишет:

31. Куно Фишер «Фихте»: «Когда Я осознает свою полную свободу от объектов, то для него становится очевидным, что оно может определяться только самим собой, что оно находится во взаимодействии с самим собой и что, следовательно, если оно определяется каким-нибудь объектом, то оно само себя к этому приводит, т. е. „полагает само себя как определяемое через не-Я“. Но именно это и было основоположением теоретического наукоучения: теперь оно стало им для Я. Я уже не только теоретическое, но оно сознает и познает себя как основу своего теоретического отношения. Этим теоретическое наукоучение заканчивает предначертанный ему путь и разрешает свою задачу. Я осознает себя как способность отвлекаться от всех объектов, как чистую субъективность, как Я, которое определяется только через самого себя».

32. Впоследствии Гегель, который ставил себе задачу преодолеть агностицизм Канта, тем не менее остался на позиции «чистой субъективности» Фихте, поскольку его философия также построена на разрушенной Кантом метафизике интеллекта.

33. Так, Гегель отрицает законы природы и ставит на их место принцип историзма и перехода количественных изменений в качественные. Он также отрицает и разум человека как аппарат мышления для открытия законов природы. В его понимании, как пишет Гулыга, субъект и объект смешиваются, природа оказывается только инобытием разума. («Две первые части своего труда (учение о бытии и учение о сущности) Гегель называет объективной логикой, третью — субъективной логикой. Но это противопоставление условно: объект и субъект для Гегеля тождественны. Поэтому и объективная, и субъективная логики являются в равной мере логикой и самих вещей и познающего их мышления».)

34. В конечном итоге его разум-абсолют — та же чистая субъективность Фихте или законодательствующий разум Канта. В нем нет ничего от метафизики интеллекта «свободы как осознанной необходимости законов природы» Спинозы, на которую он претендует.

35. Арсений Гулыга «Гегель»: И совершенно так же, по мере развития, все, бывшее прежде действительным, становится недействительным, утрачивает свою необходимость, свое право на существование, свою разумность. Место отмирающей действительности занимает новая, жизнеспособная действительность, занимает мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления, — насильственно, если оно противится этой необходимости. Таким образом, это гегелевское положение благодаря самой гегелевской диалектике превращается в свою противоположность: все действительное в области человеческой истории становится со временем неразумным, оно, следовательно, неразумно уже по самой своей природе, заранее обременено неразумностью. Следовательно, постичь то, что есть, — вот в чем задача философии, и как каждый из людей — сын своего времени, так и философия есть эпоха, охваченная в мыслях. Глупо думать, что философия может выйти за пределы современного ей мира, так же как наивно строить себе мир, каким он должен быть, этот мир может существовать лишь в мнении его создателя. ... Гегелевская философия природы оставляет двойственное впечатление: в ней в равной мере представлены и достижения опытного знания, и плоды собственных раздумий, где гениальные догадки перемешаны с досужими вымыслами. Подчас одно трудно отделить от другого. Много лет спустя известный химик и вольнодумец Оствальд острил по поводу подобного рода подхода к изучению природы. Как, спрашивал он, будут вести себя англичанин, француз и немец, если им предложат описать свойства верблюда. Англичанин отправится в Африку, застрелит животное, отдаст набить из него чучело, которое затем выставит в музее. Француз пойдет в Бутонский лес и, не обнаружив там верблюда, усомнится в его существовании. Немец же запрется в кабинете и будет конструировать свойства верблюда из глубины своего духа. Когда читаешь некоторые страницы «Энциклопедии», невольно приходит на ум эта шутка. И дело не в отдельных промахах Гегеля, не в звучащих порой, как анекдот,

высказываниях, а в принципе, в третировании опытного знания, в твердом убеждении, что философская спекуляция дает ключ к решению всех проблем. Теория безгрешна, если факты ей не соответствуют, тем хуже для фактов. ... Философию Фихте и Шеллинга Шопенгауэр называл пустозвонством, Гегеля — шарлатаном. ... В целом гегелевская философия состоит на три четверти из чистой бессмыслицы, а на одну четверть из продажных идей. Нет лучшего средства для мистификации людей, как выложить перед ними нечто такое, что невозможно понять. И требуется огромная смелость и доверие к самому себе, к своему рассудку, чтобы назвать все это бессмысленным шарлатанством. В гегелевской философии явственно заметно намерение добиться милости монархов сервильностью и ортодоксией. Ясность цели пикантно контрастирует с неясностью изложения и, как клоун из яйца, вылупливается в конце толстого тома, полного напыщенной галиматьи и бессмыслицы, благодарная салонная философия, которой учат уже в начальной школе, а именно — Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух, правильность евангелического вероисповедания, ложность католического и т. д. и т. п.»

36. Таким же фиктивным рационализмом является и диалектический материализм Маркса, поскольку его философия — только переложение диалектической логики Гегеля. Эта та же спекулятивная мистика, в основе которой разрушенная метафизика интеллекта. Жюльен Бенда пишет в «Предательстве интеллектуалов» о диалектическом методе и историзме Гегеля и Маркса как об откровенной мистике, уничтожившей рационализмом под именем «нового рационализма». О том же говорит Альбер Камю в «Бунтующем человеке», когда пишет, что рационализм Гегеля охвачен «дрожью безумия» и в конечном итоге иррационален.

37. Знаменитый спор Эйнштейна и Бора вскрыл другой аспект проблемы рационализма. Доступен ли активный интеллект, мышление, только человеку? Имеет ли «мир идей» Платона свое собственное пространство-время?

38. Альберт Эйнштейн был одним из самых известных рационалистов, который не раз публично заявлял о своей приверженности метафизике интеллекта Платона и Спинозы. Известно, что его оппонент в споре о квантовой механике, Нильс Бор, напротив, стоял на позициях эмпиризма (позитивизма). До сих пор считалось, что Эйнштейн проиграл этот спор Бору, а вместе с ним сдал свои позиции и рационализм, уступив победу эмпиризму в их давнем противостоянии.

39. Два эксперимента подтвердили правоту Бора в споре с Эйнштейном. Эксперимент Юнга якобы доказал, что нет объективного наблюдения, что данные наблюдения всегда субъективны, потому что поведение квантов зависит от того, измеряют их или нет. А эксперимент Белла доказал нелокальность квантов, способность контактировать на скорости выше скорости света, что опровергает все законы физики (и теорию относительности), а значит, ставит под вопрос детерминизм (законы природы) в целом. Результаты экспериментов не оставляли сомнений в том, что Эйнштейн, который настаивал на том, что измерение не влияет на поведение квантов и что кванты не могут взаимодействовать на скорости, которая опровергает все прежние законы физики, оказался неправ. Пусть так. Но значит ли это, что вместе с Эйнштейном проиграл и рационализм? Какую философскую интерпретацию имеет эта проблема?

40. Манжит Кумар «Квант. Эйнштейн. Бор»: «Не собиравшийся сдаваться Эйнштейн потратил неделю на то, чтобы показать: квантовая механика не самосогласованна, а „копенгагенская интерпретация“ Бора — некорректна. Гораздо позднее Эйнштейн скажет: „Эта теория напоминает мне состряпанный из бессвязных обрывков мыслей набор бредовых идей исключительно умного параноика. ... Полагаю, хорошо, что многое рассеивает мое внимание. Иначе размышления о квантах привели бы меня прямиком в сумасшедший дом“. „Принстон — сумасшедший дом... Эйнштейн — совсем чокнутый“, — написал Роберт Оппенгеймер в январе 1935 года. Тогда самому известному физику-теоретику, воспитанному Америкой, был тридцать один год. Через двена-

дцать лет, уже человеком, возглавившим работы по созданию атомной бомбы, Оппенгеймер вернется в Институт перспективных исследований, чтобы руководить „сумасшедшим домом“ и населяющими его „солипсическими светилами, сверкающими в отделенном от мира и беспомощном уединении“. К этому времени Эйнштейн уже смирился с тем, что благодаря его критическому отношению к квантовой механике в Принстоне его „считают старым дураком“».

41. Эйнштейн провидчески заметил, что решение проблемы квантовой механики, на которой споткнулись они с Бором, придет вместе с решением какой-то более глобальной задачи. И оказался прав. Он говорил о метафизике интеллекта Платона и Спинозы, но никогда не подумал, что эта метафизика означает существование пространства-времени интеллекта. Его теория относительности доказала, что пространство и время составляют единое целое, единый континуум, а не независимы друг от друга, как думали раньше. Нам представляется, что энергетическая теория как нельзя лучше объясняет этот феномен уже с философских позиций (прекрасное физическое обоснование он дал сам). Действительно, если вселенная — это пучок природных энергий, как утверждал Оствальд, то пространство — это воплощение этих энергий в конкретных вещах, а время — история движения этих энергий.

42. Духовная энергия человека отлична от прочих природных энергий. Она также детерминирована, как они законами природы, но способна также познавать эти законы и ставить их под научный контроль. Это контрольная энергия, имеющая доступ к активному интеллекту, к мышлению; тогда как все прочие энергии природы только детерминированные, им доступен только пассивный интеллект законов природы.

43. Контрольная энергия человека будет иметь особое пространство-время, то есть будет воплощаться не в вещах, а в знании о вещах; и будет иметь историей своего движения не физическую эволюцию космоса, а накопленные знания о законах природных энергий. Это особое пространство — время интел-

лектуальной энергии человека, духа, также отвечает теории относительности, будучи единым континуумом. Но это не физическое пространство-время, открытое Эйнштейном.

44. Если понимать эту метафизику, как пространство-время, то проблема решается сама собой. Было много попыток ответить на проблему фантасмагориями о множестве параллельных вселенных, о множестве других физических миров. Однако это такая же чушь с точки зрения физики и здравого смысла. Но мир идей Платона, интеллектуальный мир, который существует как идеальный образ физического мира, как его форма, выраженная в законах энергий, — это очевидность, которую утверждали вместе с ним все рационалисты со времен Платона. Это скорее не параллельное, а перпендикулярное пространство, ось интеллектуального отражения вселенной.

45. Тогда у нас есть объяснение загадочному поведению квантов, которое не только не опровергает рационализма и детерминизма вселенной, но дает ему эмпирическое подтверждение. Кванты, фотоны света, мельчайшие частицы из которых состоит материя, — элементы интеллекта, создавшего материю и установившего законы природы. То есть получается, что на уровне самого глубинного исследования мы сталкиваемся со «светом интеллекта» в самом прямом смысле. Человек имеет активный интеллект — способность мышления. Кванты могут иметь свою разновидность активного интеллекта — пусть она не тождественна мышлению человека, пусть ее возможность много меньше или много больше, мы не можем знать. Они способны фиксировать, когда другой активный интеллект их измеряет и менять свое поведение в зависимости от этого. Менять с жесткой детерминированностью — либо волна, либо частица, ни шагу назад, ни шагу вперед. Понятно, что нелокальность квантов тогда объясняется их общением в пространстве-времени интеллекта, поскольку в пространстве-времени физического мира это невозможно.

46. Теория относительности пространства-времени Эйнштейна показала зависимость скорости часов от пространства,

в котором они находятся. Теория относительности справедлива и для пространства интеллекта, у которого свои «часы», свое время. Эйнштейн в «Эволюции физики» говорит о «примитивном субъективном чувстве времени», которое нельзя сравнивать с физическими часами. Между тем именно это психологическое чувство времени, так отличное от физических часов, есть наше ощущение времени пространства интеллекта. Разве мы не чувствуем себя на все тысячи лет, которые охватываем своими познаниями? Мы гости в пространстве интеллекта, мы не можем знать его структуру и строение. Мы можем знать только то, насколько оно нам доступно. Мы способны открывать законы природы — и это наш доступ в пространство интеллекта. Мы способны накапливать знания — и это наше совокупное время, проведенное в пространстве интеллекта, часы, которыми мы измеряем длительность своего пути. Мы способны жить поисками истины и жертвовать для них нашей жизнью в физическом пространстве — и это время, которое мы проводим в пространстве интеллекта.

47. Но есть одно большое «но»: ложные теории настолько засорили пространство интеллекта, что даже дисциплинированным и трудолюбивым студентам почти невозможно туда пробраться. А если удается, то рывками, а нахождение там становится очень болезненным из-за мусора, который всячески мешает передвижению. Наша задача не только открыть для себя это пространство, но и расчистить его. Ибо только храм знаний может быть настоящей церковью человека, в духе и истине, как говорили великие мыслители. И только настоящие ученые, мыслители и духоборцы могут быть его святыми.

48. Глобальное открытие, которое прольет свет на проблему квантов, о котором говорил Эйнштейн, — это энергетика как теория познания, это пространство-время интеллекта, это, наконец, теория психической энергии.

Как можно видеть из вышеприведенного текста (это копия главы 3. из моей книги Проблемы развития духа), проблемы,

которые принесло в науку открытие квантов, не только не разрушили философии рационализма (метафизику интеллекта), но абсолютно и навсегда ее подтвердили, снабдив нерушимыми эмпирическими доказательствами.

Ведь таким образом доказано, что Пространство Интеллекта как интеллектуальная форма законов природы, есть первичная реальность, тогда как материальный мир, — есть вторичная реальность, «тело» энергий природы, которые в Пространстве Интеллекта даны только в форме законов этих энергий.

Также доказано что процесс познания есть взаимодействие Активного и Пассивного полюсов интеллекта (мышления и законов природы), а значит разум человека не может быть единственным носителем активного интеллекта. Так, кванты однозначно также носители активного интеллекта.

Вот тот главный вывод, который мы получаем разрешив спор Эйнштейна и Бора: доказательство Пространства Интеллекта и двух полюсов Интеллекта на практике, эмпирически, что в свою очередь неопровержимо доказывает справедливость философии рационализма (метафизики интеллекта).

И значит языческий олимп больше не воскреснет, ведь теперь больше никто не сможет опровергнуть единого Бога-Интеллекта.

Отчаянная борьба Шеллинга с Гибрис Эго немецкого идеализма еще ждет своей оценки по заслугам. До сих пор воспевали Канта, ФИхте и Гегеля, но не Шеллинга, который с резким осуждением выступил против них, своих учителей и однокурсников. Уже близко время, когда после падения дарвиновской парадигмы, вдохнувшей жизнь в поле Эгосистемы и в Гибрис Эго языческой мифологии, вклад Шеллинга будет оценен по достоинству.

Ф. Шеллинг (Бонавентура), «Ночные бдения»:

«А передо мной стояли каменные боги, безрукие, безногие калеки; у некоторых даже головы отсутствовали; вот превосходнейшее и прекраснейшее из всего, на что оказался спосо-

17:20

Обращение отправлено

Отправлено
в Электронную приёмную Президента Российской Федерации
Статус обращения
отправлено
Дата отправки
30 апреля 2024 года
Прикреплён файл в формате PDF

Текст

Пишу В Правительство Российской Федерации!

Есть ли у нас еще Россия? Есть ли у нас еще Правительство?

Я - ученый, Лейла Романовна Хугаева Тиникашвили, Автор Научной Революции Энергетика, Автор Открытия Психической Энергии. Мои книги на эту тематику печатаются с 2005 года (все книги с ISBN, кроме серии книг на английском языке последние два года). Уже 20 лет - я автор Важнейшего Открытия, которое прославит Россию на все оставшиеся века! Ведь это Научное Доказательство Правоты Евангелия!

Cambridge University Press в лице

17:20

Cambridge University Press в лице мистера Marc Nicolas Vargas прислал мне согласие печатать мою книгу 17 ноября 2022 года. Позже мистер John Haslam подтвердил что Издательство Университета Кембриджа собиралось печатать мою книгу в новом письме где он говорит, что книгу отложили временно.

В 2008 году вышла моя книга "Переключи себе ток" (Москва, Спутни +) после чего ФСБ установило за мной слежку. Я написала Вам, в Правительство России. Министерство Образования РФ отписалось, что надо обратиться в РГНФ. На тот момент я была аспирант СОГПИ и получила отрицательный ответ из РГНФ. Но Заявку в РГНФ зарегистрировали и номер у меня есть.

В 2015 году, когда я вело переговоры с Диссертационным Советом факультета Психологии МГУ на меня в Москве было совершено нападение: ночью в хостеле на Маросейке мне сломали позвоночник на 4 уровнях, 44 дня в реанимации Склифаб выписка у меня имеется. Я уже 9 лет Инвалид в коляске.

Я писала в 2021 году вновь Вам, господа

17:20

Я писала в 2021 году вновь Вам, господа Правительство России, чтобы сообщить опять о Важнейшем Научном Открытии, которое станет началом новой эпохи в Науке - Научной Революции Энергетики. От меня опять отписались общими словами. Тем временем Коррупция в РСО-Алании уже много лет нападает на меня и на мою семью. В 2021 году я опубликовала книгу с ISBN "Коррупция в РСО-Алании", где изложила факты о нападении на меня и на мою семью. А также об Уголовном Деле о массовом изнасиловании девочки-аутиста Дзастеловой Виктории, изложенное со слов ее матери Залины Дудуевой. Я отправила в Правительство России письмо и книгу с просьбой расследовать факты Коррупции в Республике Северная Осетия Алания. Мне пришли ответы из Следственного Комитета РФ, Прокуратуры РФ, МвД Рф, но сделано опять ничего не было!

И вот теперь опять, 27 апреля 2024 года на мою семью осуществлено Новое Кощунственное Нападение!

Моя мать в свои 84 года вынуждена нести на себе свою дочь инвалида! Коррупция, о которой я писала, о которой я кричала в своих книгах и письмах в

17:21

Моя мать в свои 84 года вынуждена нести на себе свою дочь инвалида! Коррупция, о которой я писала, о которой я кричала в своих книгах и письмах в Правительство - подкупает всех моих сиделок чтобы сфабриковать, инсценировать какую-то страшную беду в моем доме! И мне в моем состоянии пришлось отказаться от сиделок и я писала об этом в "Я обвиняю язычников" и в "Коррупции в РСО-Алании"! Правительства Россиии больше нет! и России тоже больше нет! Мне никто не ответил! Моя единственная защита от бандитов моя престарелая больная мать, которая еле ходит!

И вот на нее совершили нападении в расчете убить старушку страшными вестями! Ей позвонили 27 апреля 2024 года и сообщили от имени Майора Полиции - Владимира Николаевича Корчагина - что ее дочь (то есть я) с черепно-мозговой травмой доставлена в больницу на операцию головы - вставлять пластинки в мозг! Все делалось для нагнетания ужаса: казенный язык майора полиции, слезы и стоны, жалобы ее умирающей дочери просившей "хотя бы 200 тысяч рублей на операцию головы", умирающая рядом

просившей "хотя бы 200 тысяч рублей на операцию головы", умирающая рядом гражданка Денисова Кристина Игоревна. А потом чтобы совсем убедить старушку в реальности происходящего подонки прислали "водителя" который представился Давидом и забрал для "умирающей дочери" вещи в больницу: простыни, полотенце, покрывало. Наконец, рыдающей старушке сообщили что я ехала в машине скорой помощи вместе с ее зятем, и что мы тогда попали в ДТПЭ и что это наша вина и за это нам грозит 3-4 года тюрьмы! Зою Иосифовну Тиникашвили заставили писать Заявление на имя Начальника МВД Корниева с просьбой не возбуждать против ее дочери и зятя, разбившихся в машине скорой помощи Уголовного Дела! Каким-то образом заблокировали сообщение между нашими телефонами и я целый день не могла дозвониться до своей матери!

И теперь я спрашиваю Вас, Правительство России в очередной раз! (В который уже раз!). Неужели опять ничего сделано не будет? Я - автор Важнейшего Открытия, автор Научной Революции Энергетика, которая вернет людям Бога после безбожного

17:21

И теперь я спрашиваю Вас, Правительство России в очередной раз! (В который уже раз!). Неужели опять ничего сделано не будет? Я - автор Важнейшего Открытия, автор Научной Революции Энергетика, которая вернет людям Бога после безбожного сатанинского Дарвинизма! И я - самый забитый и самый беспомощный инвалид на планете, над которым еще только ленивый не издевался! Мы с моей старушкой матерью даже не в состоянии Открыть Уголовное Дело - она боится негодяев, а я не могу дойти до отделения полиции в своей коляске! Неужели нам сидеть и ждать следующего нападения после этой чудовищной попытки убийства старушки, где посмеялись над всем святым для человека: над покалеченным ученым с очередной "черепно-мозговой травмой", над святостью родительских чувств, над уважением к сединам стариков, над человеческим достоинством и законом! А моей больной матери - Тиникашвили Зое Иосифовне - надо дальше нести на своих руках инвалида!

Я прошу помочь нам открыть Уголовное Дело и найти виновных!

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УПРАВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО РАБОТЕ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН
И ОРГАНИЗАЦИЙ**

ул. Ильинка, д. 23, Москва, Российская Федерация, 103132

ХУГАЕВОЙ Л.Р.

lkhugaeva@yahoo.co.uk

523540

« 2 » мая 20 24 г.

№ А26-16-52354071

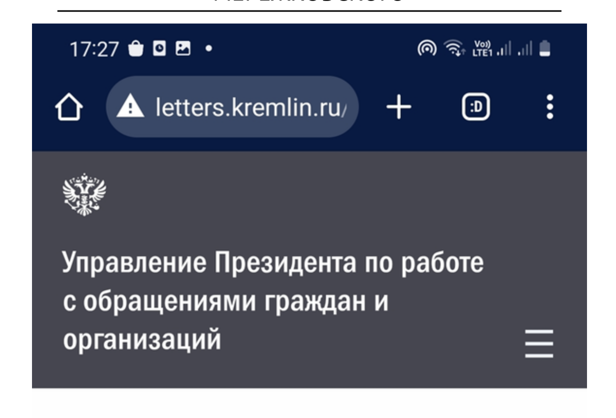
Ваше обращение на имя Президента Российской Федерации, полученное 30.04.2024 г. в форме электронного документа и зарегистрированное 30.04.2024 г. за № 523540, перенаправлено для рассмотрения в Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Консультант департамента
письменных обращений граждан и
организаций

М.Николаевская

523540

Страница 1 из 1

Личный кабинет

Обращение отправлено

Отправлено
в Электронную приёмную Президента Российской Федерации
Статус обращения
отправлено
Дата отправки
5 мая 2024 года
Прикреплён файл в формате PDF

Текст

Пишу в Правительство России!

Лейла Романовна Хугаева Тиникашвили, автор Научной Революции Энергетика, автор Открытия Психической Энергии

Я вынужденна сделать это Дополнение к

17:27

Я вынужденна сделать это Дополнение к моему Обращению в Правительство России от 30. 04.2024 зарегистрированное под № 523540

Я прошу Открыть Уголовное делу по факту нападения 27 апреля на меня и на мою престарелую мать - по факту моего заявления!

Моя мать только что мне сообщила, что к ней приходили сотрудники полиции чтобы зарегистрировать заявление, но она отказывается потому что боится бандитов!

Прошу зарегистрировать Уголовное дело по моему заявлению и считать эти мои Обращения в Правительство России - Заявлением по факту нападения на меня и на мою престарелую мать! Я пострадала также и еще больше чем моя мать, поскольку целью нападения являюсь именно я, ученый и автор Научной Революции Энергетика. К тому же я прямо фигурировала в афере бандитов, которые уверяли мою мать что у меня черепно-мозговая травма и давали ей слушать слезы и стоны ее умирающей дочери.

В связи с тем, что моя мать после нападения на нее находится в

17:28

В связи с тем, что моя мать после нападения на нее находится в нестабильном состоянии и отказывается давать показания в полиции я прошу открыть уголовное дело по этому моему заявлению. Ниже я прилагаю ссылку на Видео с показаниями моей матери.

https://youtu.be/vTT8H5Qd1kE

Прилагаю также:

Ссылка на видео с моими переговорами с Cambridge University Press, где показаны письма из Издательства Университета Кембриджа с положительным ответом на мое предложение печатать Открытие Психической Энергии и Научную Революцию Энергетика. И хоть позже издатели изменили решение факт их знакомства с моей рукописью и положительного ответа зафиксирован в этих письмах (17 ноября 2022 Marc Nicolas Vargas и 21-22 ноября 2022 John Haslam)

https://youtu.be/yUFtzyVqKAs

Сохранить текст в электронной форме в файл формата *.docx

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УПРАВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО РАБОТЕ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН
И ОРГАНИЗАЦИЙ**

ул. Ильинка, д. 23, Москва, Российская Федерация, 103132

ХУГАЕВОЙ Л.Р.

lkhugaeva@yahoo.co.uk

556171

« 6 » мая 2024 г.

№ А26-16-55617171

Ваше обращение на имя Президента Российской Федерации, полученное 06.05.2024 г. в форме электронного документа и зарегистрированное 06.05.2024 г. за № 556171, перенаправлено для рассмотрения в Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Референт Управления И.Александров

556171 Страница 1 из 1

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ГОРОДУ МОСКВЕ

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА И РЕЖИМА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ГОРОДУ МОСКВЕ

ул. Петровка, 38, Москва

18.05.2024 № 3/247713353768

Хугаева Л. Р.

lkhugaeva@yahoo.co.uk

Уважаемая Лейла Романовна!

Ваше обращение от 06.05.2024, поступившее в адрес ГУ МВД России по г. Москве из Управление Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан и организаций, рассмотрено.

Учитывая, что в нем содержится информация о преступлении или административном правонарушении, оно в соответствии с пунктом 69 Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707, зарегистрировано в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (КУСП) 17.05.2024 № 29744545545651.

Дальнейшее рассмотрение Вашего сообщения регламентируется нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации или Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. О результатах Вам будет сообщено дополнительно.

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ АДМИНИСТРАТИВНОМУ ОКРУГУ ПО ГОРОДУ МОСКВЕ

ОТДЕЛ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО РАЙОНУ ЯКИМАНКА ГОРОДА МОСКВЫ

119180 г. Москва, ул. Б. Полянка,33/41 стр. 1

22.05.2024 № 3/247712860281

Хугаева Л. Р.

lkhugaeva@yahoo.co.uk

Уважаемая Лейла Романовна!

Ваше обращение от 30.04.2024, поступившее в адрес ОМВД России по району Якиманка г. Москвы из Управление Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан и организаций, рассмотрено.

Учитывая, что в нем содержится информация о преступлении или административном правонарушении, оно в соответствии с пунктом 69 Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707, зарегистрировано в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (КУСП) 22.05.2024 № 7571.

Дальнейшее рассмотрение Вашего сообщения регламентируется нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации или Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. О результатах Вам будет сообщено дополнительно.

бен человек; целое небо великого поникшего рода, трупы и торсы, выкопанные в Геркулануме и в русле Тибра. Инвалидный дом бессмертных богов и героев, построенный среди человеческого убожества. ...Как бы не усердствовали врачи-реставраторы нашей эпохи, изощряясь в искусстве лечить и латать, они не поднимут на ноги богов, искалеченных коварным временем, как например торс, валяющийся там, и бывшие боги навсегда останутся инвалидами в отставке, отправленными на покой»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Антихрист Путин и Олимп Языческого Двора. Третий Завет Мережковского

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero